

Сергей Шиндин

«Печальну повесть сотворив...»: К выходу в свет

«Мандельштамовской энциклопедии». Статья третья: А – М*

Правлю я с честью <-->

Трудное дело...

Неаполитанская песенка

(пер. О. Мандельштама)¹

Вместо предисловия

Положения общего характера, изложенные во вступлении к первой части данного комментария, строго говоря, не нуждаются ни в каких принципиальных дополнениях². Единственное, на что вынужденно приходится обратить внимание, это неизбежные последствия постоянного качания кем-то из главных редакторов МЭ «библиографического маятника», что отчетливее всего проявилось в удалении из абсолютного большинства статей прямых указаний на цитируемые фрагменты

* Мандельштамовская энциклопедия: В 2 т. Т. 1 / Гл. ред. П.М. Нерлер, О.А. Лекманов. – М.: Политическая энциклопедия, 2017. 574 с., илл. (далее – МЭ).

¹ Появившийся в финале первой процитированной строки знак препинания – своеволие рецензента, но, как кажется, отсутствующие во всех изданиях в данном фрагменте тире или запятые лишают первую строфу первой из переведенных Мандельштамом (далее – О.М.) неаполитанских песенок всякого смысла. Какое дело и каким образом в реальности может править (то есть ‘исправлять’) рыбак? Ведь не «Дантовскую энциклопедию»... Речь, очевидно, все-таки идет об управлении лодкой или иным плавучим средством в нелегких условиях Тирренского моря.

² Настоящие заметки являются продолжением двух публикаций, размещенных в предыдущих выпусках «Toronto Slavic Quarterly». При обращении к материалам комментируемого издания большинство традиционных для «энциклопедического стиля» сокращенных форм написания заменено на общеупотребительные, а библиографические ссылки приведены в соответствие с принятыми в настоящее время стандартами. Все цитаты из произведений О.М. даны в тексте курсивом с указанием тома и страницы по использовавшемуся в МЭ изданию: *Мандельштам О.* Собрание сочинений: В 4 т. Т. 1: Стихи и проза. 1906–1921 / Сост. П. Нерлер, А. Никитаев. – М.: Арт-Бизнес-Центр, 1993; Т. 2: Стихи и проза. 1921–1929 / Сост. П. Нерлер, А. Никитаев. – М.: Арт-Бизнес-Центр, 1993; Т. 3: Стихи и проза. 1930–1937 / Сост. П. Нерлер, А. Никитаев. – М.: Арт-Бизнес-Центр, 1994; Т. 4: Письма / Сост. П. Нерлер, А. Никитаев, Ю. Фрейдин, С. Василенко. – М.: Арт-Бизнес-Центр, 1997. Все даты до 14 февраля указываются по старому стилю. – Поскольку в силу различных причин автор данных строк обращается к рассмотрению некоторых материалов энциклопедии неоднократно и не всегда строго следуя их алфавитному порядку, публикацию завершает указатель статей, упоминаемых во всех трех ее частях (первая цифра означает их порядковые номера, а следующие после двоеточия – страницы).

мандельштамовских текстов и посвященных им исследований³. Нетрудно догадаться, что именно на это в первую очередь сетуют, если не сказать негодуют, многие читатели и первые рецензенты (число которых, к слову сказать, поразительно невелико). Вот как, например, характеризует данное обстоятельство в вышедшей в начале июля публикации А.Г. Мец: «Чтение статей нередко сопровождается сложностями при работе со ссылками. В том случае, если ссылка дается в сокращенном виде, следует вначале определить, базируется ли сокращение на списке сокращений в начале тома или же на затекстовом для данной статьи разделе “Литература” (Лит.). При этом в оформлении нет твердого порядка: ссылки к цитатам или на содержательные сообщения авторами даются не всегда и не всегда гармонизированы между статьями, то есть ссылки на один и тот же источник в разных статьях оформлены по-разному или даются на разные источники текста; не всегда указываются номера страниц. <...> – В ряде случаев вообще нет ссылок на публикации»⁴. Подобного рода вполне обоснованная реакция была предсказана автором этих строк еще в самом начале описания основных погрешностей рецензируемого издания: «Главной “повествовательной” неожиданностью, которая неизбежно повергнет каждого читателя МЭ в замешательство, органично переходящее в полное недоумение, несомненно явится едва ли не повсеместное отсутствие в статьях библиографических ссылок не только на используемые (в том числе и цитируемые) источники (sic!), но и на тексты самого О.М.»⁵.

Еще более поражен неравнодушный рецензент другим вопиющим, с его точки зрения, фактом, следствием чего становятся чересчур поспешные умозаключения: «Существует правило (или – обычай), что если те или иные архивные сведения были ранее опубликованы, то, помимо ссылки на архив (что, впрочем, не обязательно), следует давать ссылку на саму публикацию. В противном случае (без ссылки на публикацию)

³ При этом продолжают обнаруживаться самые неожиданные варианты, в том числе и случаи нестандартных «именований» героев статей, как, например: «“Мстиславский заглядывал в чужие номера и повествовал об аресте царя. Он всегда напоминал, что он рюрикович, и подчеркивал древность своего рода по сравнению с Романовыми. Мандельштам морщился” (Н.М.)» (с. 356, стб. 1); использованная аббревиатура в списке сокращений расшифровывается не как библиографическая ссылка, а как «Надежда Яковлевна Мандельштам» (с. 7, стб. 1). Вместе с тем, например, заметка «Ландсберг Л.Э.», персонаж которой наверняка незнаком абсолютному большинству читателей МЭ, не содержит ни одной библиографической позиции ни в какой форме. Но многие и последующих примеров будут еще поразительнее.

⁴ *Мец А.Г.* [рец.] Мандельштамовская энциклопедия / Mandelstam Encyclopedia. В двух томах. Гл. редакторы П.М. Нерлер, О.А. Лекманов. М.: Политическая энциклопедия, 2017. 574 с., 485 с. // Литературный факт. 2017. № 7. С. 394. При цитировании данного текста здесь и далее полностью сохраняется его издательский вариант.

⁵ *Шиндин С.* «Печальну повесть сотворив...»: К выходу в свет «Манделшштамовской энциклопедии». Статья первая: А – Д // Toronto Slavic Quarterly. 2018. № 63. С. 9.

такой способ может выглядеть как претензия на приоритет в его (архивного материала) использовании. Так, на с. 82, в статье о сборнике стихов О.М. “Аониды” приводимые автором данные (содержательные и архивные) ранее уже были опубликованы три раза (в первый раз: ПСС. С. 540), на что ссылок, однако, не имеется. Такой же “прием” демонстрирует автор ст. “Голлербах” (с. 191). Рецитируя архивную заметку Э. Голлербаха “Поэзия фарфора”, ранее приведенную в кн.: Камень 1990. С. 289, он не дает ссылку на этот источник. <...> Так как данные обстоятельства могут при определенных условиях трактоваться как покушение на плагиат, хочу привлечь к ним внимание редакции “Росспэн” – не было ли здесь редакционных инструкций по упорядочиванию (сокращению) ссылок на источники?»⁶. В связи со сказанным совершенно необъяснимо, по какой причине рецензент оставил без внимания еще более серьезный случай, когда в статье «Батюшков К.Н.» (Е.А. Тоддес) из текста объемом более шести страниц удалены все прямые ссылки на цитируемые и упоминаемые источники (sic!). Вряд ли каждый читатель догадается, что ключ к разгадке необходимо искать в публикации: *Тоддес Е. Батюшков К.Н. // Вопросы литературы. 2008. № 6. С. 204–221, – содержащей 25 библиографических примечаний. Немногим лучше обстоит дело и с другой статьей того же автора – «Тютчев Ф.И.», где несколько ссылок все-таки оставлено, но там же обнаруживается и самое уникальное, очевидно, в мандельштамоведении оформление цитаты из текста его героя: «“Высокомерные оставались в стороне с Тютчевым и Фетом” (Собр. Соч.)» (с. 481, стб. 2). В свете происходящего остается предполагать, что прямым следствием подобной редакционной стратегии стало и сокрытие имени автора статьи «Эпистолярная» (с. 563, стб. 2).*

Не появившись в данном контексте страшное слово «плагиат» (к самому глубокому сожалению, в последние годы становящееся все более актуальным в современном мандельштамоведении), автор этих строк, следуя архаичным правилам научного этикета, оставил бы данную необдуманную реплику без внимания. Но поскольку он является автором заметки «Голлербах Э.Ф.», то ему приходится отметить, что в окончательном ее варианте осени 2015 года, имевшейся в распоряжении редколлегии МЭ, упомянутый фрагмент выглядел следующим образом: «В неопубликованном эссе “Поэзия фарфора” (1920-е годы) в связи с одной из основополагающих для поэтики акмеизма категорией вешности Голлербах привлек мандельштамовское стихотворение “На бледно-голубой эмали...” (1909) в качестве примера отражения победы “над темным временем и косным веществом, которая сообщает художественному произведению своеобразную

⁶ *Мец А.Г.* [рец.] Мандельштамовская энциклопедия / Mandelstam Encyclopedia. С. 394–395.

одушевленность»» (ГРМ. Ф. 32. Ед. хр. 75. Л. 3; цит. по: *Мец А.Г.* Комментарий // Камень. 1990. С. 289)). Более того, сама ситуация с возможными упреками авторов МЭ в плагиате была заранее предсказана комментатором, посетовавшим, в частности, на удаление из его заметки «Кузьмина-Караваева Е.Ю.» ссылки на прямой источник в следующем фрагменте: «О.М., очевидно, присутствовал на “заседании” “Цеха поэтов”, когда, судя по письму М.Л. Лозинского С. Граалю-Арельскому, состоялось “получеховое собрание в честь приехавшей в ПБ <Петербург. – С.Ш.> на праздники Е.Ю. Кузьминой-Караваевой”» [РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Ед. хр. 761. Л. 3; цит. по: “Транхопс” и около (по архиву М.Л. Лозинского). Часть III / Публ. И.В. Платоновой-Лозинской, сопроводит. текст, подгот. и примеч. А.Г. Меца // *Toronto Slavic Quarterly*. 2012. № 41. С. 129]». Оценивая данный случай как «пример, в котором автор выступает еще и невольным плагиатором», комментатор заблаговременно отметил: «очевиден тот факт, что многократные случаи удаления редактором указаний на источники цитируемых архивных – и не только – материалов неизбежно воспринимаются как попытки автора присвоить себе находки других коллег»⁷.

В такой связи еще более нелепо выглядит ситуация с упреком комментатора в плагиате, якобы содержащимся в заметке «Делакруа Ф.В.Э.», о которой А.Г. Мец сообщает, что в ней «цитируется комментарий А.А. Добрицына к картине “Свобода на баррикадах” без ссылки на первоисточник»⁸. «Комментарием» к известнейшей живописной работе Делакруа оказывается примечание к стихотворению О.М. «Сумерки свободы» («Прославим, братья, сумерки свободы...», 1918):, содержащееся в последнем «академическом» собрании его сочинений: «К вопросу о влиянии поэзии Барбье, <...> следует добавить, что фигура “Свободы на баррикадах” Э. Делакруа традиционно связывается с описанием Свободы в “Собачьей склоке” Барбье, например, у Т. Готье в книге “Искусство в Европе” (Th. Gautier: *Les beaux-arts en Europe*. Paris, 1855. Vol. I. P. 179)»⁹. При этом в упоминаемой заметке автора этих строк о художнике Июльской революции 1830 года, в частности, говорится: «Не исключено, что неоднократно возникающий у О.М. в связи с поэзией О. Барбье образ Свободы восходит к знаменитой

⁷ *Шиндин С.* «Печальная повесть сотворив...»: К выходу в свет «Мандельштамовской энциклопедии». Статья первая: А – Д. С. 12.

⁸ *Мец А.Г.* [рец.] Мандельштамовская энциклопедия / *Mandelstam Encyclopedia*. С. 395.

⁹ *Комментарии // Мандельштам О.* Полное собрание сочинений и писем: В 3 т. Том 3: Проза. Письма / Сост., подгот. текста, коммент. А.Г. Меца, подгот. текста, коммент. К.М. Азадовского, С.В. Василенко, Т.М. Двигатиной и др. – М.: Прогресс-Плеяда, 2011. С. 640. – Никакой ответственности автор «цитируемого первоисточника» за его более чем вольную интерпретацию, предпринятую рецензентом, разумеется, не несет.

картине Делакруа “Свобода на баррикадах. 28 июля 1830” (другое название “Свобода, ведущая народ”; 1830–1831, Лувр); по предположению современного исследователя, данный живописный образ мог получить отражение в мандельштамовских “Сумерках свободы” (“Прославим, братья, сумерки свободы...”, 1918) через опосредующее воздействие стихотворения В. Хлебникова “Свобода приходит нагая...” (1917); см.: *Парнис А.Е.* Мандельштам: “...Весь корабль сколочен из чужих досок...” (О хлебниковском подтексте стихотворения «Сумерки свободы») // *Осип Мандельштам: Поэтика и текстология. К 100-летию со дня рождения: Материалы научной конференции 27–29 декабря 1991 года.* – М.: Совет по истории мировой культуры Академии наук, 1991 С. 88, 92–93)» (с. 221–222)¹⁰; данный фрагмент повторен и в статье автора этих строк «Живопись» (с. 246, стб. 2)¹¹.

Справедливо отмечаемые А.Г. Мецем недостатки, безусловно, так глубоко задели его, что он снова повторяет сказанное, используя опубликованные материалы автора этих строк в качестве примеров недобросовестного отношения к проделанной работе: «При цитации некоторые авторы проявляют небрежность, опуская важные сведения. Так, в статье “Бальзак”, ссылаясь на книгу “Девочка, катящая серсо” (с. 101), автор не указывает имена подготовивших публикацию воспоминаний О. Арбениной. Это А. Мец и Р. Тименчик. А в ст. “Средневековье” тексты О.М. цитируются вообще без ссылок. <...> Автор ст. “Березиль” не дает ссылки на цитаты из этого очерка О.М. и на источник указанной им даты посещения О.М. театра (с. 119)»¹². В который раз объяснять причины отсутствия в целом ряде статей МЭ ссылок на мандельштамовские тексты и исследования самого разного характера не представляется необходимым. Что же касается посещения О.М. 4.5.1926 в Киеве прощального выступления театра «Березиль», посвященного переезду труппы в Харьков, то дата этого события была указана во всех первоначальных редакциях заметки по источнику, прямо приведенному в тексте: *Краткая летопись жизни и творчества Л. Курбаса // Лесь Курбас: Статьи и воспоминания о Лесе Курбасе. Литературное наследие.* – М.: Искусство, 1987. С. 423. По какой причине ссылка была исключена при публикации, сказать невозможно, тем более что в другой, тематически

¹⁰ Указанный источник содержит и библиографию публикаций, посвященных мандельштамовскому тексту, к настоящему моменту увеличившуюся едва ли не вдвое; см.: *Лекманов О.А., Глуховская Е.А., Чабан А.А.* Комментарии и библиография // *Мандельштам О. Собрание стихотворений 1906–1937 / Сост. О.А. Лекманова, М.А. Амелина, коммент. и библиогр. О.А. Лекманова, Е.А. Глуховской, А.А. Чабан.* – М.: Рутения, 2017. С. 379.

¹¹ Упоминание о данном факте присутствовало и в более ранней публикации комментатора: *Chindine S.* La composante picturale française dans le monde poétique de Mandelstam // *Europe.* 2009. Juin–Juillet. № 962–963. P. 226.

¹² *Мец А.Г.* [рец.] Мандельштамовская энциклопедия / *Mandelstam Encyclopedia.* С. 395.

близкой заметке автора этих строк – «Курбас Л.», представленной в редакции 2015 года, упоминание этого издания сохранено, правда, из текста без реальной на то необходимости перенесено в пристатейную библиографию (с. 302, стб. 2). Соответственно, именно эта дата посещения выступления театра «Березиль» – 4 мая 1926 года, отсутствовавшая во всех предыдущих жизнеописаниях О.М., теперь вполне обоснованно может быть включена в них. Что же касается приведенного рецензентом факта «персональной» лакуны: «Это А. Мец и Р. Тименчик», – то следует отметить, что указание публикаторов упоминаемых в МЭ мемуарных источников изначально не предполагалось; исключения были сделаны только для изданий, входящих в список сокращений (то есть преимущественно тех, что содержат мандельштамовские тексты или мемуарно-биографические материалы)¹³. В такой ситуации автор этих строк активно настаивал на необходимости присутствия в библиографических описаниях имен тех коллег, кем были подготовлены к печати цитируемые материалы, но отсутствие единого решения данной проблемы в рецензируемом издании очевидно¹⁴.

Справедливости ради необходимо отметить, что в целом ряде высказанных рецензентом замечаний его далеко не всегда можно признать правым, поскольку речь идет об откровенно субъективных оценках. Например, по поводу статьи «Волошин М.А.» он замечает: «Дата знакомства Волошина и О.М., 17 февр. 1907 г., установлена в изд.: *Летопись 2016. С. 25*»¹⁵. Не останавливаясь на вопросе о том, что и каким образом может быть установлено в том или ином издании, следует лишь отметить, что впервые о данном факте сообщалось в очередной публикации материалов, предваряющих выход новой редакции «трудов и дней» О.М., где указывалось, что точная дата знакомства двух поэтов была определена В.Н. Дранициным путем сопоставительного анализа биографических

¹³ См.: Список сокращений // Мандельштам, его предшественники и современники: Сборник материалов к Мандельштамовской энциклопедии. – М.: РГГУ, 2007. С. 27–32 (разделы «Список сокращений литературы в библиографических описаниях» и «Архивы и публикации»).

¹⁴ Самым объективным отражением того, как пишущий эти строки относится к труду публикаторов и комментаторов, может служить библиографическое оформление настоящих материалов во всех трех частях. (Точно также как вывод о том, какую позицию в данном вопросе занимает оппонент, нетрудно сделать на основе его собственных работ.) Более того, катастрофическое состояние в мандельштамоведении этого важнейшего компонента профессиональной научной деятельности совсем недавно автору приходилось отмечать в другой связи; см.: *Шиндин С.* «Шишига его смутил...» [рец. на:] Мандельштам О.Э. Собрание стихотворений 1906–1937 / Сост. О.А. Лекманова, М.А. Амелина, предисл. О.А. Лекманова, коммент. и библиогр. О.А. Лекманова, Е.А. Глуховской, А.А. Чабан. – М.: Рутения, 2017. – 560 с., ил. // *Волга*. 2018. № 1–2. С. 228–232. К слову сказать, эта расширяющаяся повсеместно тенденция проявляется и в рассматриваемом издании.

¹⁵ Мец А.Г. [рец.] Мандельштамовская энциклопедия / *Mandelstam Encyclopedia*. С. 396.

источников (дневника Кузмина и воспоминаний Волошина)¹⁶. Совершенно несправедлив рецензент к автору одной из публикаций, о которой пишет: «В ст. “Фет” произведение О.М. “Шум времени” <sic... – С.Ш.> цитируется с грубым искажением, проникшим во 2-й том Собрания соч. (1993): “Впервые я почувствовал радость внешнего *неблагоразумия* (правильно – *неблагозвучия*) русской речи...” (с. 390)»¹⁷. Во вступительном слове к МЭ прямо сказано, что базовым источником для всех составляющих ее материалов послужило четырехтомное собрание сочинений О.М. 1993–1997 годов (кстати сказать, данный факт отмечался и во всех частях настоящих заметок), что совершенно неудивительно, поскольку основная часть работы над проектом пришлась на 2005–2008 годы. Для того, чтобы учесть новый вариант прочтения одного из фрагментов «произведения “Шум времени”», автору статьи о Фете необходимо было бы обратиться к последнему трехтомному собранию сочинений, подготовленному под руководством рецензента. На что, собственно говоря, он совершенно прямо, но в не совсем ясной логической конструкции и с ошибкой в датировке намекает далее: «Эта ошибка 4-томного (1992–1997) издания не единична. Еще одной ошибкой является датирование статьи “О природе слова” 1920–1922 гг., повторяемое в нескольких статьях МЭ. Ее датировка – февраль 1922 г. – установлена в публикации А. Меца (Рус. литература. 2006. № 4). Заодно отметим, что указанное 4-томное “базовое” издание безнадежно устарело с текстологической стороны»¹⁸.

Но дискутировать здесь обо всех содержащиеся в рецензии замечаниях, исправлениях и дополнениях не представляется возможным (но к ним неизбежно придется возвращаться, случись эти строкам иметь свое продолжение), а потому комментатор отдельно остановится еще только на одном философски ориентированном порицании рецензента, адресованном непосредственно пишущему эти строки. Открывается оно следующим утверждением: «В ст. “Кант” (с. 279–281) автор упустил данные об увлеченности О.М. Кантом еще в юности. Он относит знакомство О.М. с

¹⁶ См.: Летопись жизни и творчества Осипа Мандельштама. Дополнения. Вып. 3 / Сост. А.Г. Мец при участии С.В. Василенко, Л.М. Видгофа, Д.И. Зубарева, Е.И. Лубяниковой // *Toronto Slavic Quarterly*. 2015. № 54. С. 148. Конкретные библиографические замечания к этому сообщению содержатся в комментарии: *Шиндин С.* По страницам «Toronto Slavic Quarterly». К биографии Осипа Мандельштама // *Новый журнал*. 2015. Вып. 281. С. 310–311.

¹⁷ *Мец А.Г.* [рец.] Мандельштамовская энциклопедия / *Mandelstam Encyclopedia*. С. 399.

¹⁸ *Мец А.Г.* [рец.] Мандельштамовская энциклопедия / *Mandelstam Encyclopedia*. С. 399. Все-таки гораздо страшнее и – диагностичнее – представляются ошибки другого рода, являющиеся прямым следствием авторской неаккуратности, порой на грани профессиональной непригодности, о чем говорилось в первой части данного комментария; см.: *Шиндин С.* «Печальную повесть сотворив...»: К выходу в свет «Мандельштамовской энциклопедии». Статья вторая: А – Д. С. 27–29, - и к нему еще не раз придется возвращаться в дальнейшем.

учением великого философа предположительно ко времени учебы в Гейдельбергском университете. В действительности это произошло раньше, в последнем классе Тенишевского училища»; в подтверждение сказанного приводится «заметка его приятеля, в которой О.М. назван “лучший ученик Канта” (БЪс [Борис Синани]. XV семестр // Пробужденная мысль. 1906. Вып. 1. С. 10–11. В кн.: Мец 2005. С. 34. То же: Мец 2011. С. 32)»¹⁹. Приведенный пассаж не может не вызвать не только иронического к нему отношения, но и нескольких серьезных возражений, касающихся его формальной и содержательной сторон. Во-первых, в исследовании самого оппонента, на которое он ссылается, упоминаемый автор газетной заметки в соответствии с правилами прежней орфографии фигурирует как «БЪсь», но, в любом случае, его имя, безусловно, должно быть оформлено в согласии с современными нормам написания – «Бес», как собственно, опубликован весь текст цитаты из «недружественной заметки Синани». Но при этом мотивы авторской атрибуции в «Бесе» гимназического друга О.М. А.Г Мецем не названы, точно также как не содержит никакого комментария герой публикации «прекрасный оратор-талмудист О.», в фигуре которого, очевидно, читатели самостоятельно должны увидеть отражение личности будущего поэта. Во-вторых, фигурирующая в рецензии информация о том, что «О.М. назван “лучший ученик Канта”» несколько противоречит исходному варианту, где упоминается «О., он же *любимый* ученик Канта»²⁰. В-третьих, попытка интерпретировать приведенную характеристику как реальное указание на реальное «знакомство О.М. с учением великого философа» противоречит простому здравому смыслу уже в силу того, что основанием для этого выступает откровенно ироническая заметка, полностью ориентированная на создании живописного, едва ли не сатирического образа одноклассника-неудачника. Сколько будущему поэту было в данный момент лет, автор этих строк напоминать не решается.

Совсем абсурдной выглядит надежда найти доказательства предложенной гипотезе у одного из современников: «Подтверждение дают основанные на рассказах О.М. сценки у Георгия Иванова в “Петербургских зимах”: “Худой, смуглый, некрасивый подросток, отделившись наконец от томительного чаепития, читает у себя в комнате “Критику чистого разума”» (Иванов Г.В. Собр. соч. М., 1994. Т. 3. С. 85)»²¹. В оригинале какие-либо

¹⁹ Мец А.Г. [рец.] Мандельштамовская энциклопедия / Mandelstam Encyclopedia. С. 397.

²⁰ Мец А.Г. Осип Мандельштам и его время: анализ текстов / Изд. 2-е, испр. и доп. – СПб.: Интернет-издание, 2011. С. 32.

²¹ Мец А.Г. [рец.] Мандельштамовская энциклопедия / Mandelstam Encyclopedia. С. 397–398. – В свете известной теперь самому широкому кругу читателей позиции рецензента в отношении обязательного указания в библиографических ссылках имен тех, кто готовил цитируемые тексты к изданию, странными видятся его собственные

указания на мандельштамовское «соавторство» этого «свидетельства» отсутствуют, а изображение дальнейшего развития ситуации позволяет взглянуть на нее несколько иначе – как на «метапоэтический» комментарий: «Трудно читать. Но Куно Фишер валяется под столом – к черту Куно Фишера. – “Головой” – трудно еще уследить за Кантом, но уже все существо впитывает, как воздух, его “чудный холод”. В голове шумок тоже “чудный”: самое сладкое читать так – не умом, предчувствием... <...> – В голове туман. Кант... Музыка... Жизнь... Смерть... Сердце начинает стучать... Губы начинают шевелиться»²². Вместе с тем, полный вариант данного фрагмента подтверждает несостоятельность попытки А.Г. Меца использовать мемуарный пассаж Иванова в подтверждение бесспорного интереса О.М. к философскому наследию Канта в период его обучения в Тенишевском училище. Упомянутый в тексте Куно Фишер (1824–1907) – известный философ и историк главных систем в немецкой философии Нового времени и, в частности, автор фундаментального многотомного труда «История новейшей философии» (*Fischer K. Geschichte der neueren Philosophie. Bd. 1–8. – Heidelberg, 1888–1898*), два тома из которого посвящены целостному описанию философии Канта. Об этом О.М. мог узнать осенью 1909 – весной 1910 годов именно во время обучения в Гейдельбергском университете, где в 1850–1852 годах Фишер занимал должность приват-доцента философского факультета, откуда под давлением «властной католической прослойки на светские власти (донос некоего теолога Шенкеля)» был уволен и куда вернулся позднее: «В 1872 г. Куно Фишер принял приглашение Гейдельбергского университета, где и проработал до 1903 г. <...> О популярности Куно Фишера свидетельствуют, в частности, такие факты. В честь его семидесятилетия (1894) в Гейдельберге было устроено факельное шествие. Пятидесятилетие философской деятельности Куно Фишера (1897) отмечалось с большим размахом не только в университете, но и во всем городе. Поздравления шли и из других мест. Так, Иенский университет прислал ему диплом почетного доктора, а редакция журнала “Kant-Studien” поздравила юбиляра праздничным сочинением ученика Куно Фишера В. Виндельбанда “Куно Фишер и его Кант”»²³. Таким образом, несмотря на то, что пишущий эти строки является самым активным противником отнесения

разнообразные варианты оформления таковых, причем не только в комментируемой рецензии.

²² Иванов Г. Петербургские зимы [1928] // Иванов Г.В. Собрание сочинений: В 3 т. Т. 3: Мемуары. Литературная критика / Сост., подгот. текста Е.В. Витковского, В.П. Крейда, коммент. В.П. Крейда, Г.И. Мосешвили. – М.: Согласие, 1993. С. 85–86.

²³ Панченко А.И. Предисловие составителя и редактора // Фишер К. История новой философии: Введение в историю новой философии: Фрэнсис Бэкон Верлуамский. – М.: АСТ, 2003. С. 10, 11. Там же содержится очерк «Куно Фишер» одного из несостоявшихся героев МЭ – Вильгельма Виндельбанда.

«беллетристических мемуаров» Иванова к числу неприемлемых для современного литературоведения в качестве достоверных источников, конкретно в данном случае по стилистическому звучанию и функциональной ориентации его «свидетельство» ничем не отличаются от гимназической заметки Синани. Безусловно верным относительно рассматриваемой публикации является одно утверждение рецензента: «Эти воспоминания Г. Иванова в МЭ <...> не учтены»²⁴, – однако они содержались в окончательной редакции статьи именно в статусе «художественного варианта» интерпретации событий²⁵.

Библиографическая эпидемия с трудно предсказуемыми симптомам, распространяющаяся едва ли не на все статьи энциклопедии, в своей легкой форме неожиданно коснулась и одной из важнейших среди них – «Ахматова А.А.», где список литературы совершенно против общих правил представлен не в хронологическом, а в алфавитном порядке. Впрочем, аналогичная особенность отличает и статьи «Данте А.», «Петрарка Ф.» и «Метафора», библиография в которых (а в первой из них она по своему объему приближается к полутора страницам) содержит уникальные для рецензируемого двухтомника указания на конкретные издательства, выпустившие в свет ряд упоминаемых в ней источников. И, к сожалению, аналогичные примеры легко можно умножить: так, в частности, совсем уже невозможно догадаться, по какому структурно-тематическому принципу редколлегия построила список литературы в статье «Гиппиус З.Н.»... Чума на оба наши тома?

Следует сказать, что кроме замечаний, касающихся собственно справочно-библиографического аппарата МЭ, автор рецензии дает негативную оценку и организации издания в целом: «В статьях имеется некоторое количество неисправностей, которые следует отнести на счет издательских редакторов, а также авторов (возникает впечатление, что многие из них корректуру не держали): опечатки, путаница в названиях произведений О.М. и др. авторов <...>, стилистические погрешности». Вывод, с которым нельзя не согласиться, предшествует этому печальному наблюдению и звучит следующим образом: «Эти обстоятельства позволяют предъявить претензии к работе редакторов, в том числе издательских, несмотря на то, что гл. редактор во вступительной заметке на с. 3–4 рисует вполне оптимистическую картину редакционного процесса работы над томом. При этом на обороте титульного листа находим загадочное уведомление: “Все статьи

²⁴ Мец А.Г. [рец.] Мандельштамовская энциклопедия / Mandelstam Encyclopedia. С. 398.

²⁵ См.: Шиндин С. «Печальную повесть сотворив...»: К выходу в свет «Мандельштамовской энциклопедии». Статья вторая: А – Д. С. 36, прим. 63.

опубликованы в авторской редакции”. В целом, после чтения тома остается впечатление беспомощности редакции перед собранным материалом»²⁶.

Словно предвидя упреки такого рода, издатели МЭ разместили ее электронную копию в подразделе 3-го уровня «Издания» подраздела 2-го уровня «Мандельштамовское общество» подраздела 1-го уровня «Мандельштамовский центр» раздела «Институты и центры» страницы «Факультет гуманитарных наук» сайта «Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”»²⁷. Публикацию сопровождает краткий, а точнее сказать – более чем лаконичный откровенно формальный список ошибок, предваряемый следующей информацией: «В конце 2017 года увидела свет “Мандельштамовская энциклопедия”, работа над которой шла более 15 лет. По разным причинам издание получилось не вполне таким, каким задумывалось: в него не вошла часть запланированных статей, а в опубликованные закралось немало различных дефектов». (Возможно, именно чтобы избежать упреков в недобросовестной подготовке издания к печати и снять с себя ответственность за нее и было опубликовано совершенно не соответствующее действительности содержащееся в первом издании МЭ упомянутое «загадочное уведомление»: «Все статьи опубликованы в авторской редакции» (с. 2), – частично соответствующее действительности, но только в самых печальных вариантах.). Далее читателям интернет-новости сообщается: «В настоящее время костяк редакционного и авторского коллективов “Мандельштамовской энциклопедии” работает над вторым – исправленным и дополненным – ее изданием, в котором все дефекты будут устранены»²⁸. В существующей на данный момент ситуации читателям остается надеяться на это многообещающее известие и профессиональную добросовестность костяка, но пока все-таки самостоятельно пробираться сквозь «лес символов», которым нередко предстает перед ними рецензируемое издание, не нашедшее своего Вергилия.

Вместо вступления

В процессе написания данного обзора его автору посчастливилось познакомиться с недавней совершенно неожиданной публикацией, переоценить значение которой для изучения биографии и творчества О.М. невозможно ни при каких обстоятельствах, – восстановленной А.Б. Устиновым заметке Н.Я. Мандельштам о читательских интересах

²⁶ *Мец А.Г.* [рец.] Мандельштамовская энциклопедия / Mandelstam Encyclopedia. С. 394.

²⁷ URL: <https://mandelstam.hse.ru/issues>.

²⁸ URL: <https://mandelstam.hse.ru/data/2018/06/05/1150059235/Errata.pdf>.

поэта в 1930-е годы, которая была составлена, очевидно, в конце 1950-х – начале 1960-х годов по просьбе Н.И. Харджиева²⁹. Особую ценность этому свидетельству придает то обстоятельство, что оно не содержит личных комментариев и интерпретаций вдовы поэта, а основывается на конкретном фактографическом материале и преследует совершенно определенную цель: «восстановить это книжное собрание, вспомнить как можно более точно авторов и титулы, определить их по категориям – “основные книги”, “немцы”, “зоологические увлечения”, “французы” и т.д.»³⁰ Как известно, прежде в аналогичной функции проводника по книжным (не литературным, а именно книжным) пристрастиям О.М. выступала глава «Книжная полка» из мемуаров его спутницы жизни;³¹ именно данный фрагмент послужил основанием для многолетней последовательной реконструкции Ю.Л. Фрейдиным личного книжного собрания поэта в виртуальной и в материальной формах.³² Время начавшегося восстановления библиотеки поэта Н.Я. Мандельштам определила совершенно точно: «Это было в <19>30 или <19>31 году. <...> Потом <19>33 г.»³³; в мемуарах она уточняла: «Мы стали покупать книги, когда я поступила служить в редакцию “З<a> к<оммунистическое> п<росвещение>”. Там мне выдавали ежемесячно “талон на бесплатное приобретение книг”»³⁴; данный факт относится к лету 1931 года³⁵. Появление в активном научном обороте этих свидетельств

²⁹ См.: *Мандельштам Н. <Мандельштам – читатель>* / Реконст. и публ. А. Устинова // *Мандельштам – читатель / Читатели Мандельштама: Филологический сборник.* – Stanford: Aquilon Books, 2017. Комментатор считает более чем приятным долгом выразить глубокую благодарность П.Ф. Успенскому, предоставившему ему возможность воспользоваться данной публикацией. Столь же искреннюю признательность испытывает пишущий эти строки к С. Голдбергу, от которого он узнал о долгожданном появлении в Мировой сети электронного варианта мандельштамовского архива, хранящегося в библиотеке Принстонского университета (URL: <https://findingaids.princeton.edu/collections/C0539/#summary>).

³⁰ *Мандельштам Н. <Мандельштам – читатель>*. С. 16.

³¹ См.: *Мандельштам Н. Воспоминания // Мандельштам Н. Собрание сочинений: В 2 т. Т. 1: «Воспоминания» и другие произведения (1958–1967) / Сост. С.В. Василенко, П.М. Нерлер, Ю.Л. Фрейдin, подгот. текста С.В. Василенко при участии П.М. Нерлера и Ю.Л. Фрейдина, коммент. С.В. Василенко и П.М. Нерлера.* – Екатеринбург: ГОНЗО, 2014. С. 325–333.

³² См.: *Фрейдin Ю.Л. «Остаток книг»: Библиотека О.Э. Мандельштама // Слово и судьба. Осип Мандельштам: Исследования и материалы.* – М.: Наука, 1991. С. 237. Так как данная публикация представляется исключительно актуальной для рецензируемого далее издания, автор этих строк в свое время предлагал редакционной коллегии МЭ включить ее в раздел «Архивы и публикации» списка сокращений, что традиционно осталось безрезультатным.

³³ *Мандельштам Н. <Мандельштам – читатель>*. С. 17.

³⁴ *Мандельштам Н. Воспоминания.* С. 325.

³⁵ См.: *Герштейн Э. Мемуары.* – СПб.: ИНАПРЕСС, 1998. С. 24. Ахматова датировала начало формирования мандельштамовской библиотеки более поздним сроком: «Осенью 1933 года Мандельштам получил наконец (воспетую им) квартиру в Нашокинском переулке <...>, и бродячая жизнь как будто бы кончилась. Там впервые у Осипа завелись книги, главным образом старинные издания итальянских поэтов (Данте, Петрарка)» (*Ахматова А. Листки из дневника //*

неизбежно потребует обязательных дополнений как в уже прокомментированные материалы МЭ, так и в пока не рассмотренные, что разумеется, никак нельзя будет относить к числу упреков авторов в сознательном игнорировании поистине бесценной находки.

Одновременно с этим названный сборник публикаций привносит в рассматриваемую проблематику дополнительный «экстратекстуальный» аспект. В предуведомлении к нему издатели неожиданно вспоминают событие более чем четвертьвековой давности, оставившее весьма заметный след в истории современного мандельштамоведения: «На известной лондонской конференции, отмечавшей столетие поэта, Юрий Иосифович Левин в своем выступлении “Почему я не буду делать доклад о Мандельштамте” <...> заметил, что “при всей нашей любви к Пастернаку или Бердяеву, Солженицыну или Вл. Соловьеву, или Набокову – в отношении к Мандельштаму было что-то особенное”, и пояснил причины своего отказа читать доклад тем, что работать над “таким свободным человеком и поэтом, каким был Мандельштам” было возможно “только естественно, непринужденно, с сознанием своей собственной правоты и чувством сопричастности”, которое тогда казалось ему бесповоротно утрачено». Напомнив об этом эпизоде, авторы, как нетрудно догадаться, проецируют его на сегодняшнее положение дел и констатируют: «Сейчас, по прошествии 25 лет, это чувство сопричастности несомненно вернулось в науку о литературе. Оно позволяет взглянуть на поэта и его окружение в неожиданных ракурсах и “работать над Мандельштамом” в прежде не исследованных и отчасти неисследованных контекстах»³⁶. С этим оптимистическим заявлением трудно согласиться в первой его части, поскольку тех, кто еще до начала 1990-х годов так или иначе посвятил свой путь в науке изучению жизни и творчества одного из величайших поэтов XX века, чувство сопричастности не покидало никогда. В противоположность этому, второй тезис оспорить невозможно, так как «взглянуть на

Ахматова А. Победа над Судьбой. I: Автобиографическая и мемуарная проза. Бег времени. Поэмы / Сост., подгот. текстов, примеч. Н. Крайневой. – М.: Русский путь, 2005. С. 112).

³⁶ От издательства // Мандельштам – читатель / Читатели Мандельштама: Филологический сборник. – Stanford: Aquilon Books, 2017. С. 11–12. – Полностью текст выступления опубликован в: *Левин Ю.И.* Избранные труды. Поэтика. Семиотика. – М.: Языки русской культуры, 1998. Насколько прав или неправ был автор этого совершенно неожиданного поступка читатели МЭ могут судить, в частности, по размещенной там заметке о нем, в которой значение выдающегося ученого, оставившего более чем заметный след в самых разных областях гуманитарного знания и, без преувеличения сказать, ставшего в конце 1960-х годов одним из основоположников независимого мандельштамоведения, полностью сведено к такой характеристике: «Как филолог Левин публиковался с 1963. Диапазон интересов Левина как филолога был весьма широк – от фольклора до Вен.В. Ерофеева, но центральной темой его исследовательской деятельности в данной сфере, несомненно, была поэтика О.М., в изучение которой он внес огромный вклад» (с. 206, стб. 2).

поэта и его окружение в неожиданных ракурсах» в последние десятилетия совершенно беспрепятственно смогли все желающие: от истинных поклонников его поэзии и профессиональных представителей научного сообщества до бывших апологетов социалистического реализма и совершенно несостоятельных «интерпретаторов» всего и вся, что было бы актуально на данный момент. И эта полифоническая разноголосица, конечно, не могла не найти своего отражения в комментируемом далее издании. Не о сходных ли явлениях рассуждал О.М. в «Разговоре о Данте», когда предлагал читателям: *вообразите себе, что в поющий и ревуший орган вошли, как в приоткрытый дом, и скрылись в нем патриарх Авраам и царь Давид, весь Израиль с Исааком, Иаковом и всеми их родичами и Рахилью, ради которой Иаков столько претерпел. – А еще раньше в него вошли наш праотец Адам с сыном своим Авелем, и старик Ной, и Моисей – законодатель и законопослушник... <...> – После этого орган приобретает способность двигаться – все трубы его и меха приходят в необычайное возбуждение, и, ярясь и неистовствуя, он вдруг начинает пятиться назад (3, 257)³⁷.*

Под литерой «А»...

Если не сама ранее комментировавшаяся заметка пишущего этих строки «Абрассас»³⁸, то затронутая в ней тема теперь может быть дополнена самыми разнообразными материалами, содержащимися в статьях А. Пахомовой «“Гностические песни”»: Альманах “Абрассас” как форма репрезентации литературного объединения эмоционалистов» (Русская филология. 29: Сборник научных работ молодых филологов. – Тарту: Отделение славянской филологии Тартуского университета, 2018 [эл. изд.]), – а также: «Литературное объединение эмоционалистов в дневниках Михаила Кузмина»

³⁷ О подобных лексико-семантических конструкциях – глубоко индивидуальном явлении в художественном мире О.М., во многом определяющем его специфику, см. в работе автора данного обзора: Семантические компрессированные модели в художественном мире Мандельштама // Russian Literature. 1997. Vol. XLII. № 3. – Пишущий эти строки отчетливо осознает совершающуюся трансформацию жанровой принадлежности своих заметок: начав с собственно рецензии на выход в свет нового издания, они последовательно приобрели статус комментария к составляющим его материалам, а теперь становятся непосредственно биографическими и интерпретационными маргиналиями. Но вряд ли с одним из создателей «семантической поэтики» ситуация может развиваться иначе: его труды и дни сами по себе обладают настолько высоким смыслообразующим потенциалом, что тот вполне закономерно распространяется на любые опыты описания и комментирования жизненного пути и творчества О.М., вполне логичным результатом чего становится появление очередного варианта его «семантической биографии».

³⁸ См.: Шиндин С. «Печальну повесть сотворив...»: К выходу в свет «Мандельштамовской энциклопедии». Статья первая: А – Д. С. 8–9.

(Русская филология. 28: Сборник научных работ молодых филологов. – Тарту: Отделение славянской филологии Тартуского университета, 2017 [эл. изд.]), «Стратегии репрезентации литературной группы (на примере объединения эмоционалистов)» (Летняя школа по русской литературе. 2017. Т. 13. № 2 [эл. изд.]) и «Литературное объединение эмоционалистов в контексте “литературной борьбы” 1920-х гг.» (Текстология и историко-литературный процесс: Сборник статей. Вып. VI. – М.: Филологический факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, 2018 [эл. изд.]³⁹).

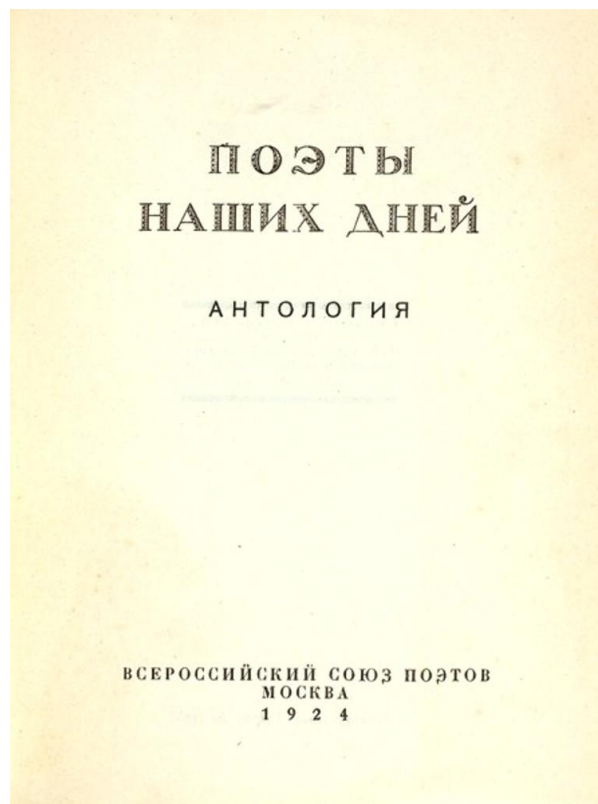
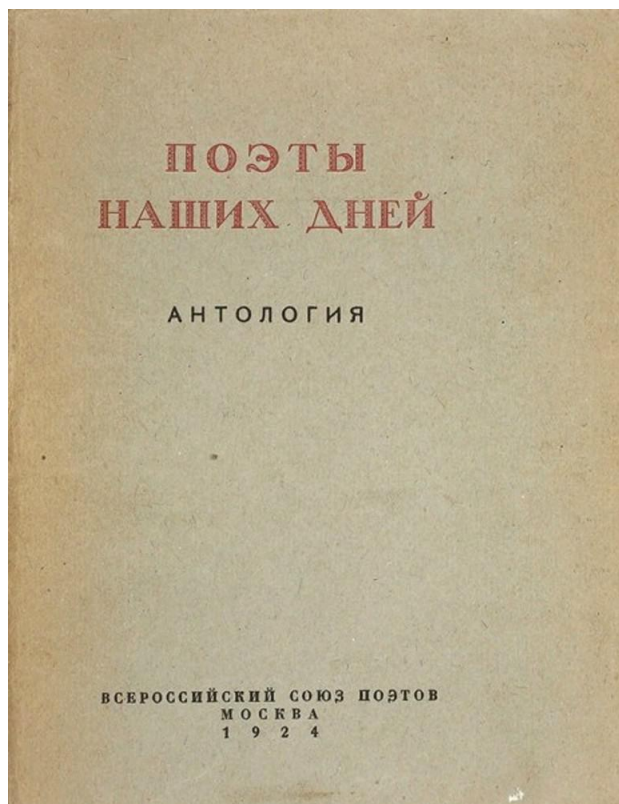
В статье «**Аввакум Петров**» (А.М. Ранчин)⁴⁰ теперь, вероятно, должен быть учтен немаловажный в ее контексте вновь открывшийся эпизод мандельштамовской биографии: из упомянутого выше свидетельства Н.Я. Мандельштам следует, что «Житие» протопопа Аввакума, очевидно, входило в круг постоянного чтения О.М. в период воронежской ссылки: «Часто брал в библиотеке “Слово”. Часто: “Ав<в>акум”»⁴¹. (Но данное обстоятельство никоим образом не опровергает и не отменяет предыдущий комментарий к указанной публикации.)

³⁹ Самая общая лаконичная характеристика группы, относящаяся к 1920–1925 годам, присутствует в словарных материалах: *Терехина В.* Русская культура и экспрессионизм // Энциклопедический словарь экспрессионизма. – М.: ИМЛИ РАН, 2008. С. 500–501; несколько подробнее об этом говорится в подразделе «Эмоционалисты» обзорной публикации того же автора: *Русские экспрессионисты // Русская литература 1920–1930-х годов: Портреты поэтов.* В 2 т. – М.: ИМЛИ РАН, 2008. Т. 1. С. 596–603. Попытка более детального рассмотрения поэтики группы эмоционалистов содержится в публикации: *Шестакова М.А.* Становление поэтики русского экспрессионизма в литературе 1900-1920-х годов / Дисс. ... канд. филолог. наук. – Самара: Самарский национальный исследовательский университет им. С.П. Королева, 2016. С. 176–182 [эл. изд.]. – В таком контексте необходимо отметить, что экспрессионизм, в качестве самостоятельного литературного течения появившийся в России в самом начале 1920-х годов, вполне был достоин того, чтобы стать объектом самостоятельного описания в МЭ. Данное утверждение основано на двух обстоятельствах: как факте участия О.М. в периодическом издании петроградских эмоционалистов, так и его длившемся много лет близком личном общении с одним из самых ярких представителей московского экспрессионизма – Борисом Лапиным (о ком далее идет речь в связи с заметкой «Аксенов И.А.» и на фигуре которого, оставшейся в МЭ без должного освещения, предполагается подробнее остановиться в следующей части настоящих заметок). Кроме того, стилистическую, художественную связь поэтической манеры О.М. с экспрессионизмом не раз отмечали и искушенные современники; попытку выявления следов художественных принципов экспрессионизма в мандельштамовском творчестве см. в: *Шестакова М.А.* Экспрессионистическое начало в лирике О.Э. Мандельштама и Н.С. Гумилева // Уральский филологический вестник. – Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2016. Вып. 3. С. 139–142.

⁴⁰ О ней говорится в публикации: *Шиндин С.* «Печальную повесть сотворив...»: К выходу в свет «Мандельштамовской энциклопедии». Статья первая: А – Д. С. 17–19.

⁴¹ *Мандельштам Н.* <Мандельштам – читатель>. С. 22.

В свою очередь, материалы, составляющие статью «Аксенов И.А.» (О.А. Лекманов),⁴² могут быть дополнены информацией о том, что в 1924 году стихи ее героя и О.М. вошли в состав коллективного сборника «Поэты наших дней: Антология» (М.: Всероссийский союз поэтов, 1924. С. 3–4, 54). Первый из них был представлен открывавшими книгу стихотворениями «Не забудь меня взять в свою...» и «Что нести вам, курлыкая, журавли...» (1921), а второй – «Я не знаю, с каких пор...» (1922).

⁴² См.: Шиндин С. «Печальную повесть сотворив...»: К выходу в свет «Мандельштамовской энциклопедии». Статья первая: А – Д. С. 27–31.

ИВАН АКСЕНОВ

1

Не забудь меня взять в свою
Улыбку далеких губ,
Не забудь потушить зарю,
Облаками укутать грудь.

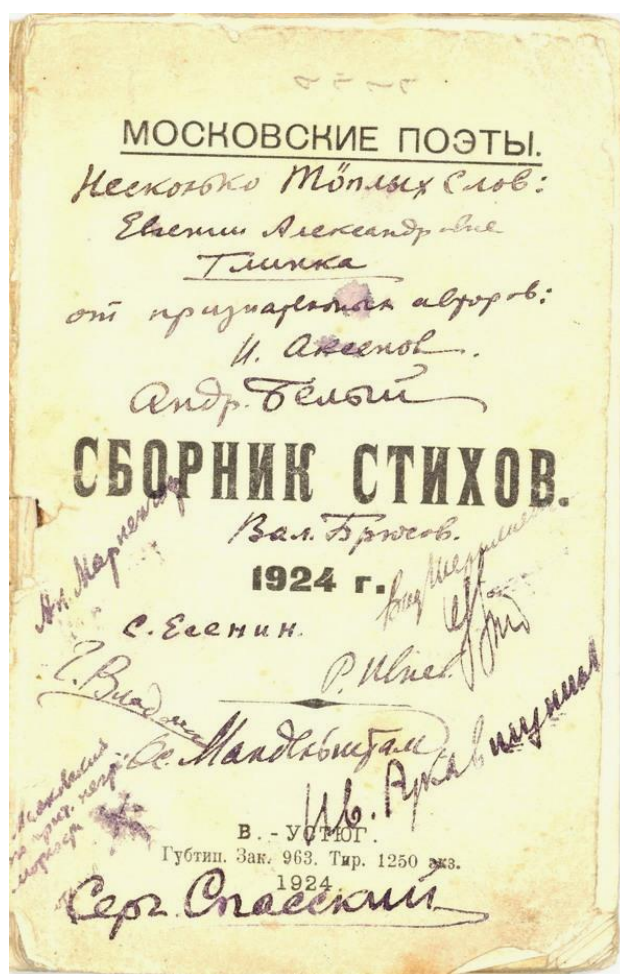
Жесткие не к тебе пути
И знаю, что сердце мое,
Полное тобой, не донести
Сквозь болью обгорелое жнивье.

Я умру на нем. И для всех.
И тучами буду рад летать,
Чтоб себя уронить в твой смех
И туманом сон укрывать.

И тогда же по одному тексту каждого из них было опубликовано в «представительском» провинциальном издании «Московские поэты: Сборник стихов» (В. Устюг: Губтип, 1924): у Аксенова – «Если в сердце махровом...», посвященное Борису Лапину (с которым он поддерживал дружеские отношения до конца жизни и который ранее обращался к нему со стихотворениями «Там ласковый дымок вьется...» и «Бог Солнца» («Он поджигает хладный труп...»)⁴³), у О.М. – «За то, что я руки твои не сумел удержать...»⁴⁴.

⁴³ См.: Воспоминания современников. Стихотворения, посвященные И.А. Аксенову // *Аксенов И.А.* Из творческого наследия: В 2 т. Т. 2: История литературы, теория, критика, поэзия, проза, переводы, воспоминания современников / Сост. и коммент. Н.Л. Адаскиной, научн. ред. А.Д. Сарабьянов. – М.: РА, 2008. С. 304.

⁴⁴ См.: *Богомолов Н.А.* Материалы к библиографии русских литературно-художественных альманахов и сборников. Т. 1: 1900–1937. – М.: Лантерна; Вита, 1994. С. 208. Вторая и третья из представленных репродукций были ранее воспроизведены на странице Мандельштамовского центра (<https://mandelstam.hse.ru/archive/201882574>) с не вполне верной «атрибуцией» титульного листа издания в качестве обложки. Неуказанным при электронной публикации «коллективного автографа» остался тот факт, что сопровождающая его дарительная надпись сделана рукой Аксенова (Библиотека РГАЛИ. № 6289а; см.: Инскрипты и маргиналии О.Э. Мандельштама / Публ. С. Василенко и П. Нерлера // «Сохрани мою речь...». Вып. 5. – М.: РГГУ, 2010. С. 219; О.Э. Мандельштам. Инскрипты и маргиналии / [Публ.] С.В. Василенко, П.М. Нерлер) // Мандельштамовская энциклопедия: В 2 т. / Гл. ред. П.М. Нерлер, О.А. Лекманов. – М.:

Политическая энциклопедия, 2017. С. 148). – Сам Лапин представлен в сборнике не только посвященным ему стихотворением, но и собственной публикацией, обозначенной в росписи источника как «А.Д., резьба на дереве (“Петух кустарного окна...”))», но что конкретно скрывается за этой позицией, комментатору выяснить не удалось.

О. Мандельштам.

За то, что я руки твои не сумел удержать,
За то, что я предал соленые, нежные губы—
Я должен рассвета в дремучем Акрополе ждать.
Я так ненавижу пахучие, древние срубы.
Ахейские мужу во тьме снаряжают коня,
Зубчатыми пилами в стены врезаются крепко,
Никак не уляжется крови сухая возня
И нет для тебя ни названья, ни звука, ни слепка.
Как мог я подумать, что ты возвратишься, как смел?
Зачем преждевременно я от тебя оторвался.
Еще не рассеялся мрак и петух не пропел,
Еще в древесину горячий топор не врезался.
Прозрачной слезой на стенах проступает смола
И чувствует город свои деревянные ребра,
Но хлынула к лестницам кровь и на приступ пошла,
И трижды приснился мужам соблазнительный образ.
Где милая Троя? где царский, где девичий дом?
Он будет разрушен высокий Приамов скворешник.
И падают стрелы сухим, деревянным дождем,
И стрелы другие растут на земле, как орешник.
Последней звезды безболезненно гаснет укол,
И серою ласточкой утро в окно постучится,
И медленный день, как в соломе проснувшийся вол,
На стогнах шершавых от долгого сна шевелится.

Из других маргиналий, которые, очевидно, следовало бы учесть, можно назвать факт присутствия в личной библиотеке О.М. издания: *Аксенов И.А.* Коринфяне:

Трагедия. – М.: Центрифуга, МСМХVIII,⁴⁵ – фронтиспис к которому стал первым опытом работы в книжной графике одного из персонажей МЭ – Александра Родченко⁴⁶. Дополнительное значение данному факту придает то обстоятельство, что, по свидетельству Н.Я. Мандельштам, в 1930-е годы О.М. «современников читал мало»,⁴⁷ следствием чего являлось незначительное количество их книг в личной библиотеке поэта, в подобной ситуации приобретающих особый ценностный статус⁴⁸. И вряд ли

⁴⁵ См.: *Фрейдлин Ю.Л.* «Остаток книг»: Библиотека О.Э. Мандельштама. С. 237. Оригинал книги (которой предпослано парадоксальное посвящение «Семи Аксеновым и среднему течению реки Сейма») из личного собрания О.М. сохранился; электронная копия представлена на сайте Государственной публичной исторической библиотеки: <http://elibr.shpl.ru/ru/nodes/3521-aksenov-i-a-korinfyane-tragediya-m-tsentrifuga-1918#mode/flipbook/page/5/zoom/3>.

⁴⁶ Не менее «актуален» в рассматриваемом контексте и тот факт, что сборник стихотворений Аксенова «Неуважительные основания» (М.: Центрифуга, 1916), – был оформлен офортами другого героя энциклопедии – Александры Экстер; нелишним в этой связи будет напомнить уже упоминавшееся в первой части комментария исследование: *Ичин К.* О поэзии и живописи: И. Аксенов и А. Экстер // *Europa Orientalis*. XXX. 2011; то же – в: собрании работ автора: *Ичин К.* Авангардный взрыв. 22 статьи о русском авангарде. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2016.

⁴⁷ *Мандельштам Н.* <Мандельштам – читатель>. С. 23; об этом же она пишет и в своих мемуарах: «В тридцатые годы О.М. уже не возвращался к двадцатому веку русской поэзии, а на полке собралась поэзия девятнадцатого» (*Мандельштам Н.* Воспоминания. С. 328).

⁴⁸ Удивительным представляется тот факт, что это драматическое произведение Аксенова основывается на тщательной «реконструкции» двух известных сюжетов древнегреческой мифологии – о Ясоне и Мееде и о Тезее, актуальных для двух «крымских» стихотворений О.М. лета 1917 года – «Золотистого меда струя из бутылки текла...» и «Меганом» («Еще далеко асфоделей...»). При этом мифологическая основа трагедии подробно описана автором в предисловии к ней, где время ее написания определено так: «Начатая в феврале 1916 и оконченная в июне 1917 года» (*Аксенов И.А.* Коринфяне. Предисловие // *Аксенов И.А.* Из творческого наследия: В 2 т. Т. 2: История литературы, теория, критика, поэзия, проза, переводы, воспоминания современников / Сост. и коммент. Н.Л. Адаскиной, научн. ред. А.Д. Сарабьянов. – М.: РА, 2008. С. 15). – Здесь же следует назвать обзорное исследование о деятельности в середине 1910-х годов одного из идеологов «западного крыла» объединения «Центрифуга» в качестве литературного критика: *Адашкина Л.Н.* Из наследия И.А. Аксенова // *Тыняновский сборник*. Вып. 12: X–XI–XII. Тыняновские чтения: Исследования. Материалы. – М.: Водолей Publishers, 2006, – где, в частности, говорится (с. 275, 311): «Первые рецензии Аксенова 1916–1917 годов не были опубликованы, но сохранились в архиве С.П. Боброва. Аксенов писал их для планировавшихся изданий “Центрифуги”». Одна из них, посвященная книге Вячеслава Иванова «Борозды и Межи: Опыты эстетические и критические» (М.: Мусaget, 1916), в рукописи подписанная псевдонимом «Люгару», в качестве статьи «под названием “Психологизм. Из цикла «Беседы с попугаем»» (другое название: “Письма о попугаях”) анонсировалась в составе “Третьего сборника Центрифуги” под псевдонимом: Э.П. Камень». Не проводя никаких явных параллелей, вместе с тем нельзя упускать из виду тот факт, что к данному моменту уже было известно о втором издании мандельштамовского «Камня», вышедшем из печати в середине декабря 1915 года; см.: *Летопись жизни и творчества О.Э. Мандельштама*. С. 97

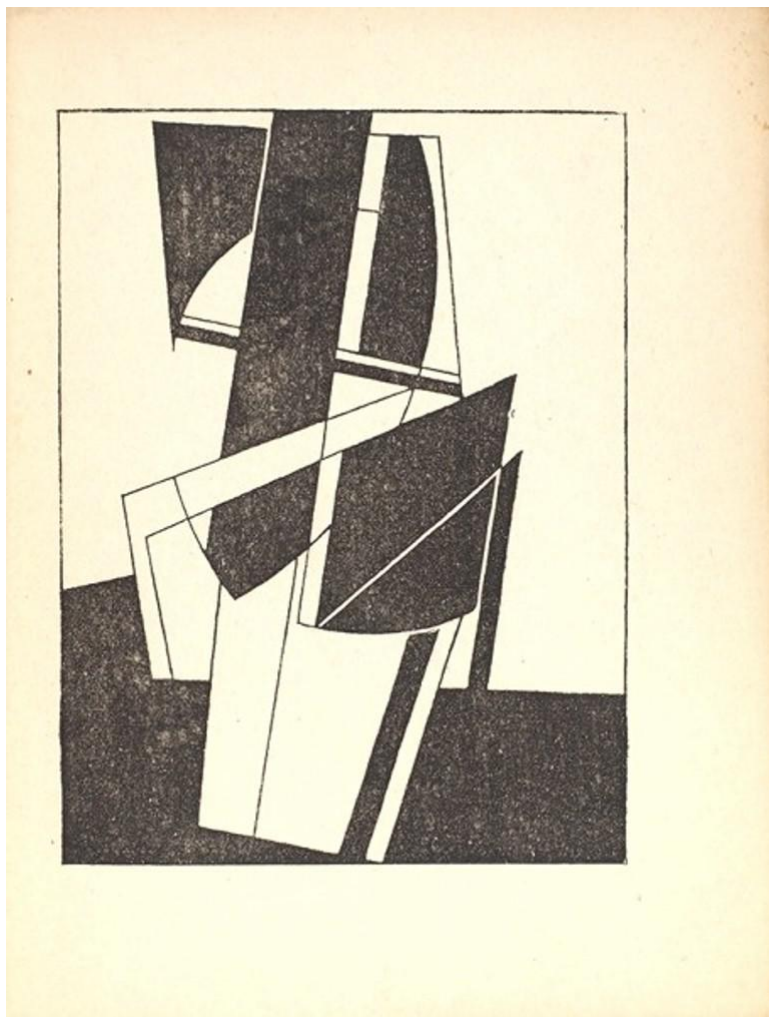
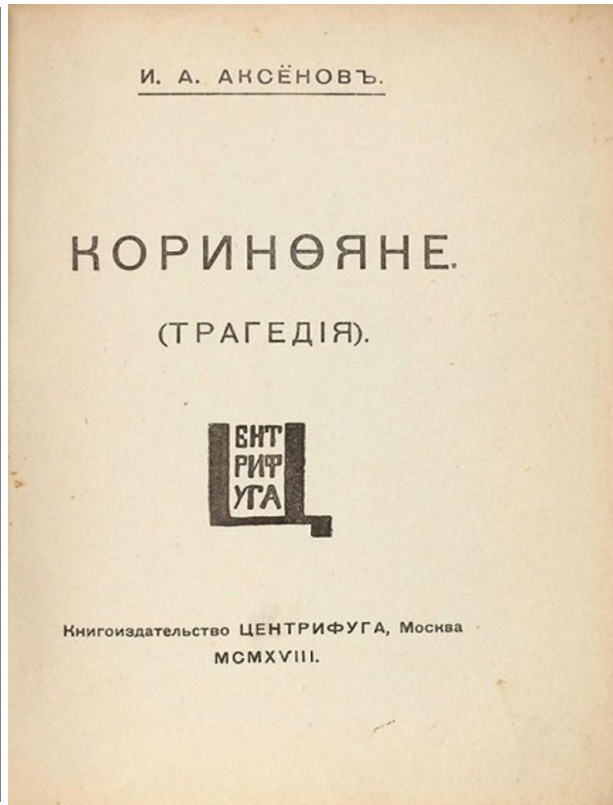
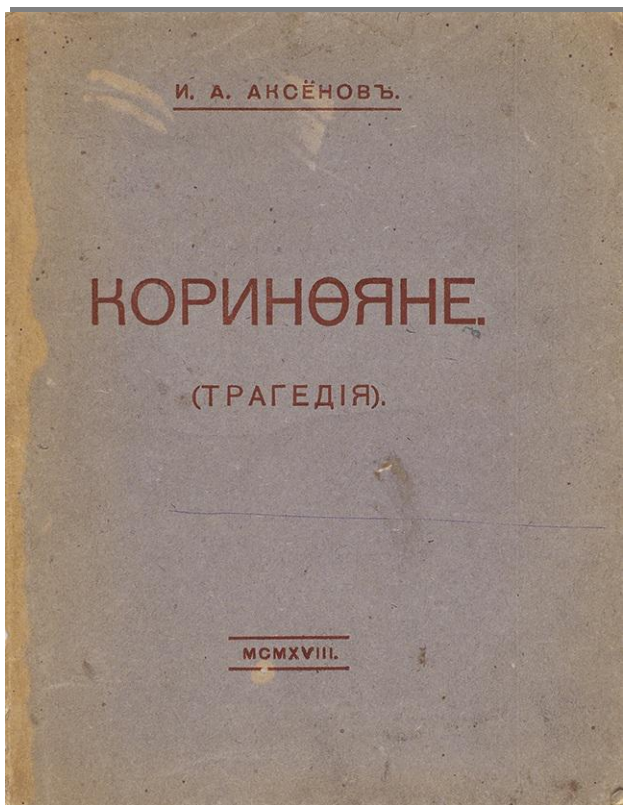
Одновременно с этим, появление в «литературно-критическом» контексте образа попугая не может не ассоциироваться с его же использованием в «Четвертой прозе» О.М. в связи с «делом Горнфельда», что осложняется явными переключками с той же самой «литературоведческой» темой, присутствующей в «Сентиментальном путешествии» Шкловского; см.: *Шиндин С.Г.* Мандельштам и Шкловский: фрагменты диалога // *Тыняновский сборник*. Вып. 13: XII–XIII–XIV Тыняновские чтения: Исследования. Материалы. – М., 2009. С. 360, – а также статью

оправданным может быть упущенное свидетельство Н.Я. Мандельштам о комментарии «Ивана Александровича Аксенова, умного и желчного человека, знатока Пикассо и Шекспира»,⁴⁹ относящемся к мандельштамовскому стихотворению «Импрессионизм» («Художник нам изобразил...», 1932), когда он «подошел к окну и сказал, что это русский художник, потому что французы пишут тонко, лессировками»⁵⁰.

«Шкловский В.Б.» в комментируемом издании (с. 547–548). Очевидно, в данной «орнитоморфной парадигме» должен быть учтен и первый литературный опыт Тынянова – рассказ «Попугай Брукса (из Чарицких хроник)» (Ленинград.1925. № 26; 27). – Упоминание в данном контексте имени Шкловского и публикации о его биографическом «диалоге» с О.М. невольно приобретает дополнительный трагикомический характер, поскольку этот же источник фигурирует и в статье комментатора, входящей в рассматриваемое издание. Но это указание дано в тексте приставленной библиографии в «незавершенной» форме: «Шиндин С.Г. Мандельштам и Шкловский: фрагменты диалога // Тыняновский сборник: Четырнадцатые Тыняновские чтения (в печати)» (с. 548, стб. 2), – тогда как к моменту сдачи редколлегии осенью 2015 года материала «Шкловский В.Б.» упоминаемый сборник уже больше пяти лет барражировал в научном пространстве. Подобное стечение обстоятельств вновь не оставляет сомнений в том, что в печать попал первоначальный вариант, а опубликованный в МЭ текст традиционно не был предварительно просмотрен никем из его редакторов. В противном случае в библиографию не вошла бы ссылка на недоизданный выпуск «Тыняновского сборника», а из преамбулы статьи было бы удалено требовавшееся на начальном этапе работы и отменное затем указание на присуждение в 1979 году Шкловскому Государственной премии СССР. Но вот каким образом «дефиниция» приняла следующую форму: «теоретик литературы, один из основателей ОПОЯЗ (sic! – С.Ш.), литературный критик, прозаик, кинокритик и киносценарист, мемуарист» (с. 545, стб. 2), – остается неизвестным. Разумеется, пишущий эти строки, как и Мотькэ-Малхамовес, любит родительного падежа, но всегда помнит о том, что аббревиатуры, заканчивающиеся словом мужского рода, все-таки склоняются... Но только никак не перед главными редакторами, а перед падежными окончаниями в современном русском языке.

⁴⁹ Мандельштам Н. Вторая книга // Мандельштам Н. Собрание сочинений: В 2 т. Т. 1: «Воспоминания» и другие произведения (1958–1967) / Сост. С.В. Василенко, П.М. Нерлер, Ю.Л. Фрейдин, подгот. текста С.В. Василенко при участии П.М. Нерлера и Ю.Л. Фрейдина, коммент. С.В. Василенко и П.М. Нерлера. – Екатеринбург: ГОНЗО, 2014. С. 164.

⁵⁰ Мандельштам Н. Комментарии к стихам 1930–1937 гг. // Мандельштам Н. Собрание сочинений: В 2 т. Т. 1: «Воспоминания» и другие произведения (1958–1967) / Сост. С.В. Василенко, П.М. Нерлер, Ю.Л. Фрейдин, подгот. текста С.В. Василенко при участии П.М. Нерлера и Ю.Л. Фрейдина, коммент. С.В. Василенко и П.М. Нерлера. – Екатеринбург: ГОНЗО, 2014. С. 732. – Некоторые не относящиеся прямо к О.М., но важнейшие для восстановления литературной биографии Аксенова сведения суммированы в публикации: *Тименчик Р.* Последний поэт: Анна Ахматова в 1960-е годы. Т. II: Сноски и выноски / 2-е изд., испр. и расшир. – М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2014. С. 506–508.

Предыдущий комментарий к публикации «**Андроникова С.Н.**» (С.Ф. Данилова)⁵¹ представляется возможным несколько расширить, обратившись к эмоциональному и не слишком достоверному в деталях и в целом, но хорошо известному мемуарному свидетельству Артура Лурье о глубоком лирическом чувстве О.М. к своей современнице: «Мандельштам не пил, не курил, и на моей памяти у него не было романов. И подобно тому, как Хлебников был влюблен в О.А. Глебову-Судейкину, Мандельштам был безнадежно, тайно и возвышенно влюблен в другую знаменитую петербургскую светскую львицу и красавицу, Саломею А-ву, которой он посвящал свой вдохновенный бред о “соломинке, соломке, Саломее”»⁵². В данном контексте заслуживает внимания и принадлежащая Цветаевой обобщенно-метафорическая характеристика этого мандельштамовского «микроцикла», присутствующая в недатированном черновом наброске ее письма Андрониковой: «С<аломея>, у меня озноб по коже, вникните: наперсницы, греческий хор, одежда, ложноклассическая променада – *точное* видение Вас О. М<андельштама>. Значит, прежде всего, – поэт во мне Вас такой сновидел, значит – правда, значит – Вы такая и есть, дважды – правда, дважды – такая, значит, та – Вы и есть, только та – Вы и есть. Не могут же ошибиться: целый сон и два поэта: один – во сне, другой – наяву. <.> Почему у меня все время, после сна, м<андельштамовс>кое начало Федры: – Как этих покрывал и этого убора / Мне роскошь тяжела – среди моего позора»⁵³.

Все три имени, объединенные в данном эпизоде, в том числе и экстратекстуально, повторятся в другом сновидении, отраженном в черновых набросках Ахматовой «Маскарад. Новогодняя чертовня» 6–7.1.1962 (которые были оставлены, очевидно, вскоре после чтения воспоминаний Сергея Маковского⁵⁴). Это метафорическое, но по своим признакам более чем достоверное описание наглядно свидетельствует об особом положении, занимаемом главным героем комментируемого издания и героиней статьи в «эпицентре» культурного пространства 1910-х годов: ««на этом маскараде были “все”. Отказа никто не прислал. И не написавший еще ни одного любовного стихотворения, но уже знаменитый Осип Мандельштам (“Пепел на левом плече”», и приехавшая из Москвы на свой “Нездешний вечер” и все на свете перепутавшая Марина Цветаева, и будущий

⁵¹ См.: См.: Шиндин С. «Печальну повесть сотворив...»: К выходу в свет «Мандельштамовской энциклопедии». Статья вторая: А – Д // Toronto Slavic Quarterly. 2018. № 64. С. 2–4.

⁵² Лурье А. Детский рай // Воспоминания о Серебряном веке / Сост., коммент. В. Крейд. – М.: Республика, 1993. С. 278.

⁵³ Цветаева М. Неизданное: Сводные тетради / Подгот. текста и примеч. Е.Б. Коркиной и И.Д. Шевеленко. – М.: Эллис Лак, 1997. С. 489.

⁵⁴ См.: Шиндин С. «Печальну повесть сотворив...»: К выходу в свет «Мандельштамовской энциклопедии». Статья вторая: А – Д. С. 11–12.

историк и гениальный истолкователь Десятых годов Бердяев. Тень Врубеля. От него все демоны XX в., первый он сам... Таинственный деревенский Клюев и [конечно, фактически не бывший там] заставивший звучать по-своему весь XX век великий Стравинский, и демонический Доктор Дапертутто, и погруженный уже пять лет в безнадежную скуку Блок (трагический тенор эпохи), и пришедший как в “Собаку” – Велимир I, и бессмертная тень – Саломея, которая может хоть сейчас подтвердить, что все это – [было так] правда (хотя сон снился мне, а не ей)»⁵⁵.

Касаясь более частных моментов, следует отметить, что в публикации С.Ф. Даниловой кажется преувеличенно категоричным еще одно утверждение: «Последняя встреча О.М. с Андрониковой состоялась летом 1917 года в Алуште» (74, стб. 1), – для которого нет ровным счетом никаких оснований. (Тем более, что в биографических описаниях, особенно претендующих на статус энциклопедических, подобного рода формулировки допустимы только при наличии абсолютно достоверных источников, как мемуарных, так и документальных, – таких, о которых профессор Преображенский мог бы сказать: «Окончательная бумажка! Фактическая! Настоящая! Броня!»⁵⁶.) С известной долей осторожности представляется допустимым предположить, что еще одна встреча О.М. с Андрониковой, уже наверняка последняя, вполне могла состояться в Тифлисе, где он находился вторую половину сентября 1920 года,⁵⁷ а она приблизительно в это же

⁵⁵ Записные книжки Анны Ахматовой (1958–1966) / Сост. и подгот. текста К.Н. Суворовой. – М.; Torino: Giulio Einaudi editori, 1996. С. 207. – Если в настоящих заметках применительно к МЭ постоянно звучат упреки в недобросовестной работе редакторов с публикуемыми текстами, то с процитированным фрагментом ахматовской записи связан зеркально противоположный феномен – неконтролируемое и неумное редакторское стремление двигаться от существующего варианта источника к идеальному или, говоря проще, а *realibus ad realiora*. При этом свои усилия по корректировке несовершенной, на его взгляд, предыдущей публикации редактор добросовестно, педантично, а главное – совершенно откровенно отразил в соответствующем комментарии: «Текст дан по “Записной книжке”, но не “академически”: опущены обычно указываемые в скобках авторские сокращения, не приведены зачеркнутые Ахматовой варианты, вставлены поправки и дополнения, на листах оригинала вписанные Ахматовой внизу соответствующих страниц» (*Степанов Е.* Поэт на войне: Николай Гумилев. 1914–1918. – М.: Прогресс-Плеяда, 2014. С. 651). И ведь речь идет о едва ли не ключевом источнике для реконструкции «ценностного ряда» Ахматовой в ее индивидуальной художественной модели того, что некоторыми принято все еще называть «Серебряным веком»... Вынужденно выбирая из двух продемонстрированных зол меньшее, приходится признать, что первый вариант, связанный с лакунами и потерями, все-таки представляется для исследователя менее опасным, чем второй, обещающий самые неожиданные находки и приобретения, которые вряд ли порадуют читателя-специалиста.

⁵⁶ Типичный пример сообщения подобной тематики, отвечающего самым строгим требованиям, содержат воспоминания Ольги Гильдебрандт о ее «невстречах» с О.М. после середины 1920-х годов: «Ни на какие его “встречи” я не ходила. В 1937 г. в Москве мне передали, что М<андельштам> в Москве и очень хочет меня видеть – но меня “не пустили”» (*Гильдебрандт-Арбенина О.Н.* О Мандельштаме // *Гильдебрандт-Арбенина О.* «Девочка, катящая серсо...»: Мемуарные записи. Дневники / Сост. А. Дмитриенко. – М.: Молодая гвардия, 2007. С. 163–164).

⁵⁷ См.: *Летопись жизни и творчества О.Э. Мандельштама.* С. 159–160.

время покидала город, навсегда уезжая из России. В любом случае, в связи с «тифлисским топосом» нельзя было пропускать указание на то, что ровно за год до этого О.М. опубликовал стихотворение «Золотистого меда струя из бутылки текла...» в вышедшем там журнале «Орион» (1919. № 6 (сентябрь). С. 4), который Сергей Рафалович издавал «вместе с С. Городецким и С. Андреевой-Андрониковой»⁵⁸.

⁵⁸ Никольская Т. «Фантастический город»: Русская культурная жизнь в Тбилиси (1917–1920). – М.: Пятая страна, 2000. С. 177. Краткие сведения о самом журнале приведены в статье того же автора: Тифлисский журнал «Орион»: Указатель содержания // De visu. 1994. № 5 / 6. С. 113. – Как следствие, вряд ли может вызвать мотивированные возражения уверенность в том, что публикация об этом издании ждет своего появления в новом варианте МЭ.

Возможно, какие-то внутренние, глубоко личные причины были у О.М. для включения обращенного к Андрониковой «микроцикла» «Соломинка» в подборку своих стихов, напечатанных в том же 1920 году в феодосийском альманахе «Ковчег»⁵⁹.

Под литерой «Б»...

Некоторыми новыми замечаниями частного порядка представляется оправданным дополнить комментарии к публикации «**Багрицкий Э.Г.**» (В.Г. Беспрозванный)⁶⁰. Одной из наиболее актуальных среди них, безусловно, является относящееся к середине 1933 года свидетельство Надежды Вольпин о том, что Багрицкого «Мандельштам считал очень посредственным поэтом»⁶¹. Учитывая сказанное, тем не менее кажется допустимым высказать предположение о том, что отношение О.М. к личности и творчеству Багрицкого после внезапной смерти младшего поэта 16.2.1934 могли претерпеть некоторые изменения, чему, в частности, позднее способствовало его общение в Воронеже с Сергеем Рудаковым. Именно в этот период на трагическую кончину Багрицкого проецировался уход из жизни Николая Дементьева 28.10.1935, – 7 ноября того же года Рудаков сообщал в письме жене: «купил <...> “Литературную газету”. Жаль Дементьева. К нему участие через Багрицкого еще»⁶². Ассоциативной мотивацией для подобного сближения мог стать и «литературный факт»: в 1927 году Багрицкий написал свой известный «Разговор с комсомольцем Н. Дементьевым», на которое адресат отозвался столь же известным «Ответом Эдуарду» (1928); при этом первый текст содержит прямое упоминание стихотворения Эдгара По «Ворон»: «Пресловутый ворон / Подлетит в упор, / Каркнет “nevermore” он / По Эдгару По...», – исключительно актуального для ранней мандельштамовской поэзии, о чем, в частности, упоминается и в статье О.А. Лекманова «По Э.» в рецензируемом издании (с. 390, стб. 1)⁶³. И здесь вновь

⁵⁹ См.: *Богомолов Н.А.* Материалы к библиографии русских литературно-художественных альманахов и сборников. Т. 1: 1900–1937. С. 109.

⁶⁰ Предыдущие содержались в первой части настоящих заметок: «Печальную повесть сотворив...»: К выходу в свет «Мандельштамовской энциклопедии». Статья первая: А – Д. С. 43–45.

⁶¹ *Вольпин Н.Д.* [Устные мемуары] // Осип и Надежда Мандельштамы в рассказах современников / Подгот. текстов, сост. и коммент. О.С. Фигурнова, М.В. Фигурнова. – М.: Наталис, 2001. С. 94.

⁶² О.Э. Мандельштам в письмах С.Б. Рудакова к жене (1935–1936) / Публ. и подгот. текста Л.Н. Ивановой и А.Г. Меца, коммент. А.Г. Меца, Е.А. Тоддеса, О.А. Лекманова // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома на 1993 год: Материалы об О.Э. Мандельштаме. – СПб.: Академический проект, 1997. С. 104. В биографии О.М. это имя, кажется, не встречается.

⁶³ Им же были предложены и другие актуальные в данной перспективе интертекстуальные связи, в частности,

приходится говорить о встрече с «библиографическими колодезцами», когда удаленные указания источников цитат лишают всякого смысла авторское утверждение о том, что «исследователи отмечают интертекстуальную связь между стихотворением О.М. “1 января 1924” и поэмой Багрицкого “ТВС” или даже усматривают наличие “литературного диалога” между О.М. и Багрицким» (с. 100, стб. 1).

Типологические параллели ранней поэтики Багрицкого художественной практики акмеизма (если не прямая генетическая зависимость от нее), были очевидны для современной ему литературной критики, о чем прямо говорилось вне негативных коннотаций даже в начале второй половины 1930-х годов. Среди тех, кто решился на это, был вернувшийся из эмиграции на родину Дмитрий Святополк-Мирский, более чем искушенный в поэзии начала века и старавшийся верно ориентироваться в совершенно новой для него социально-исторической реальности. В предисловии, открывавшем сборник материалов об ушедшем из жизни поэте, он, в частности, писал: «Валентин Катаев запомнил четверостишие Багрицкого, написанное в 1912 или 1913 году: – Нам с башен рыдали церковные звоны, / Для нас поднимали узорчатый флаг, / Но мы заряжали, смеясь, мушкетеры / И воздух чертили ударами шпаг. – Первое двустишие точно воспроизводит ритм, движение и декорацию “Города женщин” Брюсова, второе – столь же точно “Капитанов” Гумилева»⁶⁴. Вполне мотивированным представляется предположение о том, что О.М., находившийся в момент выхода этого издания в ссылке в Воронеже, мог познакомиться с ним благодаря библиофильским интересам Рудакова, в первую очередь распространявшимся на современную поэзию⁶⁵. Как уже отмечалось в первой части данного обзора, имя Багрицкого встречалось в его письмах жене неоднократно, причем, что особенно важно для восстанавливаемого контекста, в

для стихотворения Багрицкого «Футбол» 1923 года с одноименным стихотворением О.М. и «Заблудившимся трамваем» Гумилева; см.: *Лекманов О.* Клерк из Лондона теперь футбольный бог. Русские поэты о футболе: от Саши Черного до Эдуарда Багрицкого // Горький Медиа. Контекст. 18.6.2018; URL: <https://gorky.media/context/klerk-iz-londona-teper-futbolnyj-bog>. – вопросу достоверности и допустимости виртуальных источников в «академической» науке подробнее будет рассмотрен далее в комментариях к статье «Интернет».

⁶⁴ *Мирский Д.* Творческий путь Эдуарда Багрицкого // Эдуард Багрицкий: Альманах / Под ред. Влад. Нарбута. – М.: Советский писатель, 1936. С. 5. – Об эмигрантском периоде автора этой публикации см. теперь более чем обстоятельное исследование: *Ефимов М.В.* Д.П. Святополк-Мирский – историк русской литературы и литературный критик. Годы эмиграции (1920–1932) / Дисс. ... канд. филолог. наук. – СПб.: ИМЛИ РАН, 2017, URL: <http://www.pushkinskiydom.ru/LinkClick.aspx?fileticket=VAHgr7KnlEY%3D&tabid=86>.

⁶⁵ В качестве дополнительного стимула для формирования заинтересованного отношения О.М. к данному изданию мог выступить и состав его авторов: вряд ли ссыльного в провинцию, а значит, полностью оторванного от живой культурной среды и реального историко-литературного процесса поэта оставили бы равнодушными последние публикации его знакомых, в том числе и самых близких, – Бабеля, Олеси, Катаева, Шкловского, Зенкевича и др.

соположении с именами других поэтов-современников, встраиваемых в неожиданно ставшую актуальной для середины 1930-х годов «акмеистическую перспективу». Так, 12.2.1936 он сообщал: «вот об М(андельштаме) – главное скажу, повторю еще раз. Важно, что работа над ним идет в разрезе освоения сейчас критикой <...> акмеистического наследия. В этом же направлении буду с Союзом говорить. Основной тезис: реализм и его ущерб в ранние годы. К нему пути М(андельштама), а рядом учеников: Багрицкого, Тихонова, Луговского, Антокольского»⁶⁶.

В подобной ситуации О.М. мог быть знаком и с продолжением публикации Святополка-Мирского, охарактеризовавшего акмеизм и ученические взаимоотношения с ним Багрицкого, который «всегда причислял себя к акмеистической линии русской поэзии, противопоставляя ее футуристической. – Акмеизм был буржуазным течением, но в нем было здоровое ядро, продолжавшее одну сторону творчества Брюсова и отражавшее сознание наименее упадочной части буржуазии. Реакция против символизма, подход к предметам как к реальным предметам, а не как к символам абстрактных идей, стремление видеть мир как бы “только что созданным”, установка на сюжетность и на поэзию действия, а не “переживания”, – во всем этом было так много здорового, что поэты русской буржуазии, начавшей загнивать прежде, чем она успела созреть, могли только выдвинуть, но не осуществить такую программу. – У акмеистов был резкий разрыв между теорией и практикой. Абстрактные, расплывчатые туманно-религиозные образы наводняют стихи Гумилева и Ахматовой. Мандельштам вместо конкретных предметов давал одни словесные сцепления ассоциаций. При всей своей узости (она исключала социальную тематику) программа акмеизма оказалась не по плечу упадочной российской буржуазии. Лучшие ее стороны оказались жизнеспособны только в руках поэтов-интеллигентов, нашедших новый источник сил в пролетарской революции. – Из старших акмеистов ближе других к осуществлению акмеистической программы подошли

⁶⁶ О.Э. Мандельштам в письмах С.Б. Рудакова к жене (1935–1936). С. 147. Несколько подробнее о «присутствии» фигуры Тихонова в мандельштамовской биографии в данный период см. в работах автора этих строк: Из «теневого окружения» Мандельштама: Константин Вагинов (Статья первая) // Кормановские чтения. Вып. 15: Статьи и материалы межвузовской научной конференции (Ижевск, апрель 2016). – Ижевск: Удмуртский государственный университет, 2016. С. 77–79; Из «теневого окружения» Мандельштама: Константин Вагинов (Статья вторая)» (в печати). И здесь же следует отметить, что постоянное появлению имени Багрицкого в диалоге О.М. и Рудакова, главным предметом которого были личность и творчество Тихонова, помимо конкретных историко-литературных реалий могло иметь еще одно, опосредованное обоснование: вряд ли им было неизвестно, что в предоктябрьские годы тот «участвовал в журнале “Нива” (псевдоним – “Ник. Багрянцев”))» (*И.Б. н.* Тихонов Н.С.. // Писатели современной эпохи: Био-библиграфический словарь русских писателей XX в. Т. 1 / Редакция Б.П. Козьмина. [1928] / 2-е изд. – М.: ДЭМ, 1992. С. 246). Как известно, свой фонетически и «семантически» близкий псевдоним Багрицкий (Дзюбин) стал использовать с самого начала своей поэтической карьеры в 1915 году в Одессе.

Нарбут и Зенкевич. И не случайно, что изо всего “Цеха поэтов” только эти двое оказались советскими поэтами. Нарбут имел большое влияние на Багрицкого. Нарбут помог ему стилистически оформить переворот, произведенный в нем революцией»⁶⁷. В одновременно вышедшей монографии о современной поэзии одиозный рапповский критик Алексей Селивановский дал акмеизму совершенно противоположную оценку, основываясь на которой, тем не менее, подтвердил определенное продолжение его формальных исканий в творчестве некоторых советских поэтов (в тоже время полностью разграничив художественную практику акмеистов и современность): «Не отказываясь от ряда технологических элементов акмеистического стиха (живописно-скульптурный принцип построения образа, точность и мера в описаниях, четкость композиционных конструкций), как это частично делали и делают, например, Э. Багрицкий, Висс. Саянов, П. Антокольский и др., советская поэзия ни с какой стороны не рассматривает акмеизм как одного из своих предшественников»⁶⁸.

В такой связи возникают вполне мотивированные фактические основания для выявления некоторых более локальных составляющих данной историко-литературной перспективы. Так, в процитированном письме Рудакова, написанном 7.11.1935, еще до упоминания о Дементьеве и Багрицком, он рассказывает о составленном совместно с О.М. плане работы над описанием его раннего творчества, который, в частности, включал в себя обращение с письмами к самым заметным участникам литературного процесса: «Написали план работы. Именно – кроме примечаний составить письма (до десятка): в

⁶⁷ *Мирский Д.* Творческий путь Эдуарда Багрицкого. С. 10. – Думается, что высказанная здесь точка зрения могла бы органично войти в статью «Акмеизм» как дополнительное подтверждение парадоксального факта самой активной историко-литературной полемики вокруг этого поэтического объединения, возникшей в начале 1930-х годов, спустя полтора десятилетия после прекращения его существования и через десять лет после столь же парадоксальных неоднократных попыток его восстановления. – Очевидно, впервые, суммируя многочисленные известные материалы, относящиеся к данной проблематике, Р.Д. Тименчик в недавнем исследовании пишет: «Тема “Багрицкий и акмеизм” была сравнительно богато представлена в советском литературоведении», – и в подтверждение сказанного приводит едва ли не монографический по своему характеру и объему набор актуальных контекстов; см.: *Тименчик Р.* История культа Гумилева. – М.: Мосты культуры, 2018. С. 182–191, 234–237.

⁶⁸ *Селивановский А.* Октябрь и дореволюционные поэтические школы // *Селивановский А.* Очерки по истории русской советской поэзии. – М.: Художественная литература, 1936. С. 65. Ср. современную характеристику одного из самых активных участников литературно-критического процесса второй половины 1920-х – первой половины 1930-х годов: «Всесильные рапповские функционеры Авербах и Селивановский, Сутырин и Ермилов, Беспалов и Макарьев, а также, разумеется, Фадеев, Либединский, Киришон, Ставский выступали в роли критиков. Казалось, именно в РАППе осуществилась мечта Фадеева: критика превратилась в “хозяйку литературного процесса”. На самом же деле она оставалась лишь инструментом в руках хозяина» (*Добренко Е.* Становление института советской литературной критики в эпоху культурной революции: 1928–1932 // *История русской литературной критики: советская и постсоветская эпохи.* – М.: Новое литературное обозрение, 2011. С. 161).

Секцию поэтов, Щербакову, Пастернаку, М. Шагинян, Селивановскому, в редакции журналов»⁶⁹. И хотя письма написаны не были, упоминание в перечне предполагаемых адресатов известного рапповского критика еще до выхода из печати его «фундаментального» исследования о поэзии первой трети XX века не представляется случайным. Незадолго до принятия О.М. такого кажущегося на первый взгляд неожиданным решения увидел свет сборник статей его «оппонента», написанных в июне 1932 – апреле 1933 года, и открывающийся вступлением, где Селивановский, полемизируя с точкой зрения Сельвинского на существо современного поэтического творчества, в частности, вспоминает о «поэзии вырождающегося класса», относя к ней представителей символизма, которых определяет как «поэты запоздавшего русского капитализма, ползавшего на брюхе перед крепостничеством», и, оставаясь в границах самых банальных формулировок, называет их главным отличительным признаком: «Через весь символизм проходит лейтмотивом бегство от живой действительности». А сразу за этим автор столь же традиционно противопоставляет поэтам-символистам художественную практику акмеизма, в качестве примера которой выбирает мандельштамовское творчество и предлагает его развернутую характеристику, данную, разумеется, не в комплиментарной форме, но и не в откровенно уничижительной тональности: «Запоздалая русская буржуазная поэзия уже не отражала действительности как она есть, в ее прямом воздействии на сознание поэта. Она воздвигала сложную систему взаимно отражающих выпуклых и вогнутых зеркал, – и мир, каким он выходил в образах, пропущенных через эту операцию, оказывался миром искусственным, выдуманном, нереальным. Возьмем, например, поэзию Осипа Мандельштама, представителя акмеистической школы, которая утверждала вещность образа в противовес абстрактной расплывчатости символического образа. Да и сам Мандельштам писал: “О, если бы вернуть и зрячих пальцев стыд, и выпуклую радость узнавания!” Но перечитайте, к примеру, крымский цикл стихов Мандельштама – и перед вами предстанет некая фантастическая, ирреальная страна, находящаяся где-то по соседству с гриновским “Зурбаганом”, – страна, нигде в жизни не существующая, страна, образ которой служит не живым слепком с действительности, но болезненной проекцией пессимистических раздумий поэта в никуда»⁷⁰. Не останавливаясь на этом сейчас подробно, необходимо

⁶⁹ О.Э. Мандельштам в письмах С.Б. Рудакова к жене (1935–1936). С. 103.

⁷⁰ Селивановский А. О сегодняшнем дне советской поэзии // Селивановский А. Поэзия и поэты: Критические статьи. – М.: Советская литература, 1933. С. 13, 14. Более чем соблазнительно увидеть совершенно неожиданное повторение предложенного афористического определения: «взаимно отражающих выпуклых и вогнутых зеркал», – в мандельштамовском «Разговоре о Данте» того же 1933 года, где он, в свою очередь, характеризует «Одиссееву песню»

только отметить, что в обоих вариантах статей Селивановского о Багрицком в относительно доброжелательном контексте присутствуют неоднократные упоминания О.М. и цитаты из его стихотворений⁷¹.

«Божественной комедии»: *Одиссеева речь, выпуклая, как чечевица зажигательного стекла, обратима и к войне греков с персами, и к открытию Америки Колумбом, и к дерзким опытам Парацельса, и к всемирной империи Карла Пятого* (3, 238). Об особом метапоэтическом статусе данного метафорического комплекса в художественном мировоззрении О.М. несколько подробнее см. в работах комментатора: Фрагмент поэтического диалога Мандельштама и Хлебникова // *Смерть и бессмертие поэта: Материалы научной конференции*. – М.: РГГУ, 2001. С. 258–259; Фрагмент поэтического диалога Мандельштама и Гумилева: К рецепции образа Айя-Софии в культуре «серебряного века» // В.Я. Брюсов и русский модернизм. – М.: ИМЛИ РАН, 2004. С. 202, прим. 14.

⁷¹ Периферийным, но оттого не менее действенным стимулом повышенного внимания О.М. к этому изданию и формированию искреннего интереса к нему могло стать следующее сразу же за процитированным фрагментом упоминание «интересной повести Бориса Лапина “Подвиг”, – повести писателя, который, очевидно, сам еще не решил: прозаик он или поэт»; повести, где «звучит гнусавая патефонная песенка Пата Виллоугби, – песенка, облетевшая и завоевавшая весь буржуазный мир». Данный образ Селивановский использует для метафорического отображения современной «буржуазной поэзии», к которой в его системе координат относятся и художественное наследие акмеизма, и непосредственно творчество О.М.: «Мне кажется, что здесь выражена формула предельного распада буржуазной поэзии. <...> Излишне говорить, что такая <...> поэзия не только выражает распад сознания и образа в буржуазной поэзии <...>, но и выполняет прямое агитационно-политическое задание класса, что и доказывается блестяще дальнейшим развитием песенки Пата с ее апофеозом воинствующей фашистской идеологии. Но здесь для нас важно подчеркнуть преимущественно то, что идейность такой поэзии есть идейность ущербная, вырождающаяся – идейность безыдейности, принципиальность беспринципности» (*Селивановский А. О сегодняшнем дне советской поэзии*. С. 15).

Упомянутая публикация Лапина – «Повесть о стране Памир: От верховьев Пянджа к верховьям Инда» (М.: Федерация, 1929; 2-е изд.: М.: Федерация, 1930; 3-е изд.: М.: Федерация, 1931), в которую в форме песни на стихи вымышленного поэта Пата Виллоугби инкорпорирован текст самого автора: «Мне исполнилось сегодня двадцать лет. / Я не буду ни богат, ни знаменит. / Всюду ливень, всюду сон и легкий плеск – / Слышишь? Чей там голос песню гомонит?». И здесь вновь возникают кажущиеся оправданными основания для параллелей с «семантической биографией» О.М., в середине 1920-х годов переводившего для Госиздата стихотворные фрагменты повести американского писателя Дж. Тулли «Автобиография бродяги» («*Beggars of Life. A Hobo Autobiography*», 1924), посвященной, в частности, Чарли Чаплину (см.: *Нерлер П., Никитаев А. Комментарии // Мандельштам О. Собрание сочинений в четырех томах. Т. 2: Стихи и проза 1921–1929*. – М.: Арт-Бизнес-Центр, 1993. 618), чей экранный образ стал для культуры XX века одним из самых ярких олицетворений фигуры отверженного социумом человека, неприкаянного бродяги. Данный текст прямо соотносится с биографией самого Тулли, в определенный период жизни (как, например, до него – Джек Лондон, а позднее – Джордж Оруэлл), бывшего приверженцем субкультуры хобо – американских странствующих рабочих-бродяг (см.: *Bauer P., Dawidzak M. Jim Tully: American Writer, Irish Rover, Hollywood Brawler*. – Kent, Ohio: Kent State University Press, 2011), о чем автору данных строк ранее уже приходилось говорить в другой связи; см.: *Шиндин С. Мандельштам и кинематограф*. С. 5, прим. 7. И именно упоминание представителя данной социальной группы, которую трудно назвать широко известной в СССР в конце 1920-х годов, содержится в финале цитаты из «песни на стихи Пата Виллоугби»: «Это пение сквозь шелест и зарю, / Это слякоть, это в парке павший лист, / Это хобо, прикорнувший к фонарю, / Чистый, наглый, одинокий свист».

Продолжая перспективу «семантической биографии» О.М., можно отметить еще один гипотетический (тоне даже, типологический) аспект данной литературной «триады». Вскоре после упоминания повести Лапина Селивановский в связи, в частности, с творчеством Багрицкого обращается к характеристике белого стиха, опять же как форме преодоления наследия «буржуазной поэзии» (причем в используемой терминологии демонстрируя, возможно,

В качестве ремарки к комментируемой публикации можно отметить и то, что первая «литературная встреча» поэтов произошла в 1920 году в независимом издании «Ковчег»,⁷² где Багрицкий опубликовал отрывок из поэмы «Осень» («Школяр поет: “Ах, у Дидея в котомке...”»⁷³), а О.М. – несколько стихотворений разных лет⁷⁴.

поверхностное, но знакомство с одним из главных постулатов Шкловского о литературном творчестве): «крупный интерес сейчас представляет тяга многих поэтов (Багрицкий, Луговской, Смеляков и пр.) к белому стиху, то есть к стиху, лишенному рифмы. Белый стих – самый трудный стих, потому что здесь внимание сразу направляется на содержательность творчества, на идею произведения. <...> – Конечно, было бы неразумно отбрасывать такое великолепное оружие поэтического мастерства, как рифма, – да никто этого не делает, ибо белый стих сосуществует наряду с рифмованным. Но в конкретной обстановке сегодняшнего дня поэзии частичное обращение к белому стиху в общем является здоровой тенденцией, возникающей на основе отталкивания от формалистского остранения <sic. – С.Ш.>, обезмысливания и переоснащивания поэтической речи, то есть всего того, что лежало тяжким грузом на плечах советской поэзии» (Селивановский А. О сегодняшнем дне советской поэзии. С. 25–26). Как хорошо известно, в середине 1931 года О.М. обращался к этой форме организации поэтического текста во входящих в так называемые «московские стихи» «Еще далёко мне до патриарха...» (июль–сентябрь) и «Сегодня можно снять декалькомани...» (июнь). Первое из них содержит следующую строфу: *Когда подумаешь, чем связан с миром, / То сам себе не веришь: ерунда! / Полночный ключик от чужой квартиры, / Да гривенник серебряный в кармане, / Да целлулоид фильма воровской* (3, 54), – пояснением к последней строке которой некоторые комментаторы выбирают относящееся к 1931 году свидетельство вдовы поэта, когда пришедший к нему в гости Лапин принес фрагмент киноленты, который они рассматривали на свет (см.: Мандельштам Н. Вторая книга. С. 539); см.: Василенко С.В., Мягков Б.С., Фрейдин Ю.Л. Вступит. заметка к публ.: Осип Мандельштам и кинематограф // Памир. 1986. № 10. С. 162; без ссылки на предшественников повторено в: Мец А.Г. Комментарии // Мандельштам О. Полное собрание сочинений и писем: В 3 т. Т. 1: Стихотворения / Сост., подгот. текста и коммент. А.Г. Меца. – М.: Прогресс-Плеяда, 2009. С. 604.

⁷² См.: Ковчег: Альманах поэтов. – Феодосия: Издание группы поэтов, 1920; ср. расширенный дополнительными материалами репринтный вариант издания: Ковчег: Альманах поэтов / Сост. Е.М. Голубовский. – Одесса: Всемирный клуб одесситов, 2002. Содержание сборника теперь доступно в электронной публикации: Советская литература: тексты, библиография, исследования. Сборники 1920-х годов. URL: <http://www.ruthenia.ru/sovlit/coll.html>. – Попутно необходимо сказать, что обращение к данному Интернет-источнику, как и еще к одному его разделу – «Журналы 1920-х гг.» (URL: <http://www.ruthenia.ru/sovlit/jour.html>), в том числе и в статусе библиографического источника, вряд ли показалось бы неуместным в присутствующих в МЭ публикациях о целом ряде периодических и разовых изданий – «Абракас», «Альманах Муз», «Весенний салон поэтов», «Гермес», «Гостиница для путешественников в прекрасном», «Камена», «Московские поэты», «Поэты наших дней», «Сирена» и др. И уже не только описание составов, но и полные электронные копии целого ряда сборников (в том числе и все того же «монументально-энциклопедического» «Весеннего салона поэтов») представлены теперь на подготовленном Отделом русской литературы конца XIX – начала XX в. Института мировой литературы РАН сайте «Русская революция 1917 г. в литературных источниках» в разделе «Сборники»: <http://ruslitrev1917.ru/source/collections/Ves-Salon-Poetov>.

⁷³ См.: Богомолов Н.А. Материалы к библиографии русских литературно-художественных альманахов и сборников. Т. 1: 1900–1937. С. 110. По предположению Эмилия Миндлина (Необыкновенные собеседники: Книга воспоминаний. – М.: Советский писатель, 1968. С. 10), это был «первый случай напечатания Багрицкого за пределами его родного города».

⁷⁴ См.: Богомолов Н.А. Материалы к библиографии русских литературно-художественных альманахов и сборников. Т. 1: 1900–1937. С. 109. Здесь нельзя не отметить тот факт, что в двух приведенных источниках перечень напечатанных стихотворений О.М. несколько различается: в составе текстов, указанных в МЭ автором заметки «Ковчег»

Ковчегъ.

АЛЬМАНАХЪ ПОЭТОВЪ.

В. Бабаджанъ, Э. Багрицкий, А. Блокъ,
М. Еолошинъ, А. Гатовъ, Ф. Гизъ, Е. Кранцфельдъ, М.
Кудашева, О. Мандельштамъ, Эм. Миндлинъ, С. Пар-
нокъ, Г. Полуэктова, Ал. Соколовскій, Г. Томилинь, А.
Фіолетовъ, М. Цвѣтаева, А. Цыгальскій, Г. Шенгели,
И. Эренбургъ.

ΘΕΟΔΟΣΙΑ 1920.

Издание группы поэтовъ.

Также кажется необходимым заметить, что вряд ли достаточной для жанра энциклопедии можно считать следующую формулировку, предложенную автором заметки: «Багрицкий был среди писателей, поддержавших О.М. в скандале, связанном с А.Г. Горнфельдом» (с. 100, стб. 1). Помимо того, что происшедшее далеко выходило за рамки «скандала, связанного с А.Г. Горнфельдом», Багрицкий не просто «был среди писателей, поддержавших О.М.», а стал одним из тех пятнадцати литераторов, кто подписал открытое письмо в его защиту, 13.5.1929 опубликованное в «Литературной газете»⁷⁵. Руководило им в тот момент самое искреннее сочувствие или действия его, как это часто случалось в аналогичных ситуациях, носили «автоматический» характер, остается только предполагать.

Е.М. Голубовским, отсутствует второе из стихотворений «микроцикла» «Соломинка» («Я научился вам, блаженные слова...»), включенное в список Н.А. Богомолова, в который, в свою очередь, не вошло содержащееся в энциклопедической публикации «Сестры – тяжесть и нежность, одинаковы ваши приметы...» (с. 294, стб. 1). Определить, какой из вариантов является верным, остается за пределами возможностей комментатора.

⁷⁵ См.: *Нерлер П., Никитаев А.* Комментарии // *Мандельштам О.* Собрание сочинений: В 4 т. Т. 4: Письма / Сост. П. Нерлер, А. Никитаев, Ю. Фрейдин, С. Василенко. – М.: Арт-Бизнес-Центр, 1997. С. 396–397.

Под литерой «В»...

В 2008 году один из реальных участников редакционной коллегии рецензируемого издания категорически настаивал на необходимости локальных сокращениях в тексте статьи «**Волынский А.Л.**» (В.В. Калмыкова) и исключении из него трех заключительных абзацев, содержащих ряд не кажущихся убедительными интерпретаций, однако никаких последствий это рациональное и вполне обоснованное предложение на имело. А потому теперь читателю МЭ предстоит разгадывать, на чем основывается, например, такое смелое и безапелляционное утверждение автора: «Завершая в 1926 статью “Михоэлс”, О.М. применил в тексте один из характерных приемов – описание умершего человека, который был ему в той или иной степени близок (ср.: И.Ф. Анненский, А. Белый), род анонимного некролога, в котором имя покойного не обозначено. Из-под изборозжденного морщинами лица Михоэлса проступает лицо Волынского, в воображении О.М. похожее на маску еврипидовского актера» (с. 166, стб. 2). Никакой текстуальной, фактографической, биографической и просто логической аргументацией данный парадокс не сопровождается, а потому от читателей остается сокрытым смыслопорождающий механизм, выстраивающий ассоциативный ряд публикации: Михоэлс – Волынский – еврипидовский актер (а далее и портной Мервис из повести «Египетская марка»), как непонятной оказывается функция эксплицируемой автором в данном контексте импликации имен Анненского и Белого⁷⁶.

Из опубликованного без библиографического аппарата варианта статьи читателю останутся неизвестными основания, на которых в научный оборот в статусе

⁷⁶ Если перечисленные ассоциации интерпретатора все-таки имеют под собой реальные основания, приходится признать провидческий дар Марка Шагала, который в самом начале 1920-х годов, сотрудничая с Государственным еврейским театром, готов был «актеру Михоэлсу сделать грим – маску с одним глазом» (*Шагал М. Моя жизнь / Пер. с фр. – СПб.: Азбука-классика, 2007. С.227*). Сказать однозначно, какой из двух вариантов представляется более толерантным, довольно проблематично, но, учитывая особые ритуально-обрядовые функции маски в различных архаических традициях, их архетипическая, «мифогенная» роль в комментируемом контексте, так сказать, налицо. – Обобщая рассматриваемый случай, приходится констатировать, что такого рода смелые (если не сказать отважные до безрассудства) авторские допущения, предположения и гипотезы, ничем не мотивируемые и не подкрепляемые, переполняют МЭ. Вот, например, как решительно в одной из статей «реконструируется» авторский замысел: «О.М. “оценивал удачей” стихотворение Случевского “Ты не гонись за рифмой своенравной...” из книги <...> “Песни из Уголка” (СПб., 1902), <...> а также стихотворение “После казни в Женеве”<...>. Возможно, что эти два стихотворения Случевского О.М. отобрал бы для антологии русского стиха, которую в 1930-е гг. мечтал составить» (с. 443, стб. 1). Вряд ли подобные чрезмерно вольные интерпретации показались бы уместными и для традиционного научно ориентированного издания, а говорить об их неприемлемости для энциклопедии вряд ли необходимо.

непререкаемого вводится следующий постулат: «Волынский по достоинству оценил акмеизм, что было очень важно для поэтов “Цеха”, поскольку “похвала Волынского дорого стоила”» (с. 166, стб. 2). Не останавливаясь на том, что соположение акмеизма как литературного течения и «Цеха поэтов» как литературного объединения всегда требует текстуальной конкретизации, следует указать источник процитированного фрагмента, присутствовавший в первой редакции комментируемого текста: *Красовская В.М.* Две жизни Вагановой: Балетная повесть // Нева. 1985. № 9. С. 61⁷⁷. Не подвергая сомнению данное положение, необходимо, тем не менее, привести и другую точку зрения – свидетельство П.Н. Лукницкого, 19.7.1925 записавшего в дневнике: «Волынский – очень отрицательно к нему А. А<хматова>, считает на все способным»⁷⁸. Там же такой характеристике предшествует одна из обусловивших ее мотиваций: «за книгу о Леонардо да Винчи», – во многом проясняемая позднее содержащейся в записи 7.2.1927 более частной, но конкретной оценкой: «А. А<хматова> читала эти дни монографию Леонардо да Винчи <sic. – С.Ш.> – Волынского. Возмущена этой книгой предельно. Книга совершенно ненаучная и пропитана лживой преднамеренностью от начала до конца»⁷⁹.

⁷⁷ Об авторе публикации см. посвященную ей подборку материалов «К 100-летию В.М. Красовской» в издании: Вестник Академии русского балета им. А.Я. Вагановой. 2015. № 6 (41). С. 11–39. Отсутствующая библиографическая ссылка на источник приведенной цитаты снова, как маятник, будет стучать в сердце читателя (как и пепел Клааса, ища ответа на вопрос «куда?», а не «где?»), что создаст легко предсказуемую эмоциональную и смысловую поливариативность. При этом из процитированных слов современницы Волынского остается совершенно непонятным, какие именно его оценки стоили так дорого – касательно собственно акмеизма или относящиеся к любому явлению культурной жизни России? И здесь на память неизбежно приходит эпизод, на который внимание комментатора ранее любезно обратил П.В. Дмитриев, предоставивший возможность воспользоваться данным свидетельством, – обсуждение в редакции журнала «Аполлон» выхода в свет его первого номера. Один из свидетелей так описал происшедшее: «Маковский созвал собрание сотрудников и редакторов. Ему хотелось ознакомиться на этом собрании с впечатлением, какое произвел первый номер журнала. <...> Сказав несколько слов о трудностях издания нового журнала и поздравив присутствующих с его началом, Маковский просил всех с полной откровенностью высказать свое мнение о его первом номере. Он предложил это делать в порядке сидевших за столом лиц. Слева от Маковского сидел Волынский. Ораторы стали высказываться по порядку направо от председателя. – Речи были вялые и малоинтересные. Чувствовалось общее стеснение. <...> Даже хвалебные речи звучали тускло, без энтузиазма. Последним должен был говорить Волынский. Он сидел мрачный, его бритое, как у католических монахов, лицо на этот раз было суровее обычного. – Волынский молчал. Сергей Маковский обратился к нему. “Мы, – сказал он, ждем Вашего мнения. Прошу не стесняться. Мы не боимся правды, можете высказываться с полной откровенностью”. – Волынский разжал крепко сжатые губы и не сказал, а как-то выстрелил: “Говорить мне не о чем, Ваш первый номер – это не литература, а солома”» (*Камышиников Л.* О забытом критике: А.Л. Волынский // Новое русское слово. 1949. 11 дек. С. 8). Такая оценка, действительно, дорого стоит.

⁷⁸ *Лукницкий П.Н.* Асуміана: Встречи с Анной Ахматовой. Том I: 1924–1925. – Paris: YMCA-Press, 1991. С. 207.

⁷⁹ *Лукницкий П.Н.* Асуміана: Встречи с Анной Ахматовой. Том II: 1926–1927. – Париж: YMCA-Press; М.: Русский путь, 1997. С. 235.

Столь же необудительными кажутся в комментируемой публикации и некоторые биографические параллели более частного характера; так, например, относительно героя статьи В.В. Калмыкова сообщает: «Выступал на юбилейном чествовании Сологуба. Об этом событии О.М. написал очерк “К юбилею Ф.К. Сологуба” (1924)» (с. 166, стб. 1), – из чего, очевидно, необходимо сделать вывод о посещении поэтом этого мероприятия с участием Волынского. Однако в примечании к мандельштамовскому очерку А.Г. Мец безоговорочно отмечает, что текст его, опубликованный в день чествования юбиляра – 11 февраля 1924 года – в газете «Последние новости», писался накануне этого события⁸⁰. При таком развитии ситуации по-другому быть не могло: говорить, на чем конкретно комментатор основывает свое утверждение, невозможно, но, исходя из того, что в разговорной речи принято называть здравым смыслом, оно представляется более чем логичным. Если считать, что сказанное соответствует действительности, то само собой разумеющейся становится явная невозможность отражения О.М. юбилейного вечера, о посещении которого поэтом ничего не известно⁸¹. Собственно говоря, и ни на чем не основанная констатация автора того, что мандельштамовский очерк (именно очерк, а не просто газетная заметка или репортаж) был написан «об этом событии», не находит прямых текстуальных подтверждений – текст лишь открывается словами: *Сегодня Ленинград, а с ним вся литературная Россия, празднует сорокалетие литературной деятельности Федора Кузьмича Сологуба (Тетерникова) (2, 407)*, – за которыми следует вполне традиционное историко-литературное повествование о юбиляре и его месте в русской литературной традиции⁸². Вместе с тем, неуказанным в статье осталось то обстоятельство, что в тот же период времени О.М. мог встречаться с Волынским в доме у Николая Баршева: «В начале 1920-х дважды в месяц, по пятницам, здесь устраивались литературные вечера. Приходили Аким Волынский, Валентин Кривич <...>, Владимир

⁸⁰ См.: Мец А.Г. Комментарии // Мандельштам О. Полное собрание сочинений и писем: В 3 т. Том 2: Проза / Сост., подгот. текста, коммент. А.Г. Меца, коммент. Ф. Лоэста и др. – М.: Прогресс-Плеяда, 2010. С. 529.

⁸¹ И хотя реальные обстоятельства этой публикации были известны автору комментируемого текста, в написанной ею статье «Сологуб Ф.К.» она охарактеризована под тем же углом зрения: «11.2.1924 в газете “Последние новости” был помещен отчет О.М. “К юбилею Ф.К. Сологуба” о вечере Сологуба в бывшем Александринском театре» (с. 449, стб. 1). – На данный факт в иной связи обратил внимание и другой рецензент МЭ; см.: Мец А.Г. [рец.] Мандельштамовская энциклопедия / Mandelstam Encyclopedia. С. 396.

⁸² Трудно сказать, по какой причине, но при внимательном обращении к комментируемому изданию в памяти пишущего эти строки нередко возникает финал цитировавшегося мандельштамовского очерка: *Сологуб, как немногие, любит все подлинно новое в русской поэзии. Не к перепевам и к застывшим формам он нас зовет. И лучший урок из его поэзии: если можешь, если умеешь, делай новое, если нет, то прощайся с прошлым, но так прощайся, чтобы сжечь это прошлое своим прощанием (2, 409)*.

Пяст, Всеволод Рождественский, “заглядывал Алексей Толстой”, а также Николай Клюев и Осип Мандельштам»⁸³. К числу частных недочетов публикации приходится отнести очередной традиционный для МЭ библиографический казус: как было отмечено в процессе ее редактуры автором данных строк еще в 2010 году, название упоминаемой в списке литературы статьи Е.Д. Толстой «Аким Волынский в литературных зеркалах» (с. 166, стб. 2) в реальной публикации 1997 года выглядит несколько иначе – «Аким Волынский в литературных “Зеркалах”: Двадцатые годы». Неназванным осталось заслуживающее внимания обстоятельное исследование, содержащее неоднократные развернутые обращения к фигуре Волынского: *Кацис Л.* Осип Мандельштам: Мускус иудейства. – М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2002. С. 310–316, 364–372 и др. (по им. ук.)⁸⁴.

Принципиальным библиографическим дополнением к статье **«Воронеж»** (П.М. Нерлер) могут служить не включенные в список литературы «юбилейные» публикации ее автора «Окольцованный Мандельштам (Главы из новой книги)» (Подъем. 2016. № 1; 2), «”У чужих людей мне плохо спится...”: Воронежские адреса Осипа Мандельштама» (Текст и традиция: Альманах, 4. – СПб.: Росток, 2016), «Моцарт и Нарцисс. Рудаковский год в мандельштамовском Воронеже» (Наше наследие. 2016. № 117) и «Воронежская Беатриче» (Октябрь. 2016. № 3). Информативным сопровождением окружающих эту статью персоналий являются теперь материалы, содержащиеся в заметке Д.С.Дьякова «Воронежский союз писателей: испытание Мандельштамом» (Мандельштамовские чтения: материалы Международных мандельштамовских чтений (7-9 ноября 2016 г.). – Воронеж: Кварта, 2017). Вместе с тем, частные фактографические замечания к статье (и, одновременно с этим, к публикации «Покровский В.А.»), которые, вероятно, учтут в дальнейшем, были предложены А.Г. Мецем: «В ст. “Воронеж” поэт Вадим Покровский назван одной из близких к О.М. персон воронежского периода. Однако в устных воспоминаниях Н.Е. Штемпель сообщала, что Покровский на ее предложение познакомить его с О.М. ответил отказом (засвидетельствовано Н. Гординой и А. Мецем). В статье о нем (с. 392) Покровский назван персонажем шуточного стихотворения О.М.

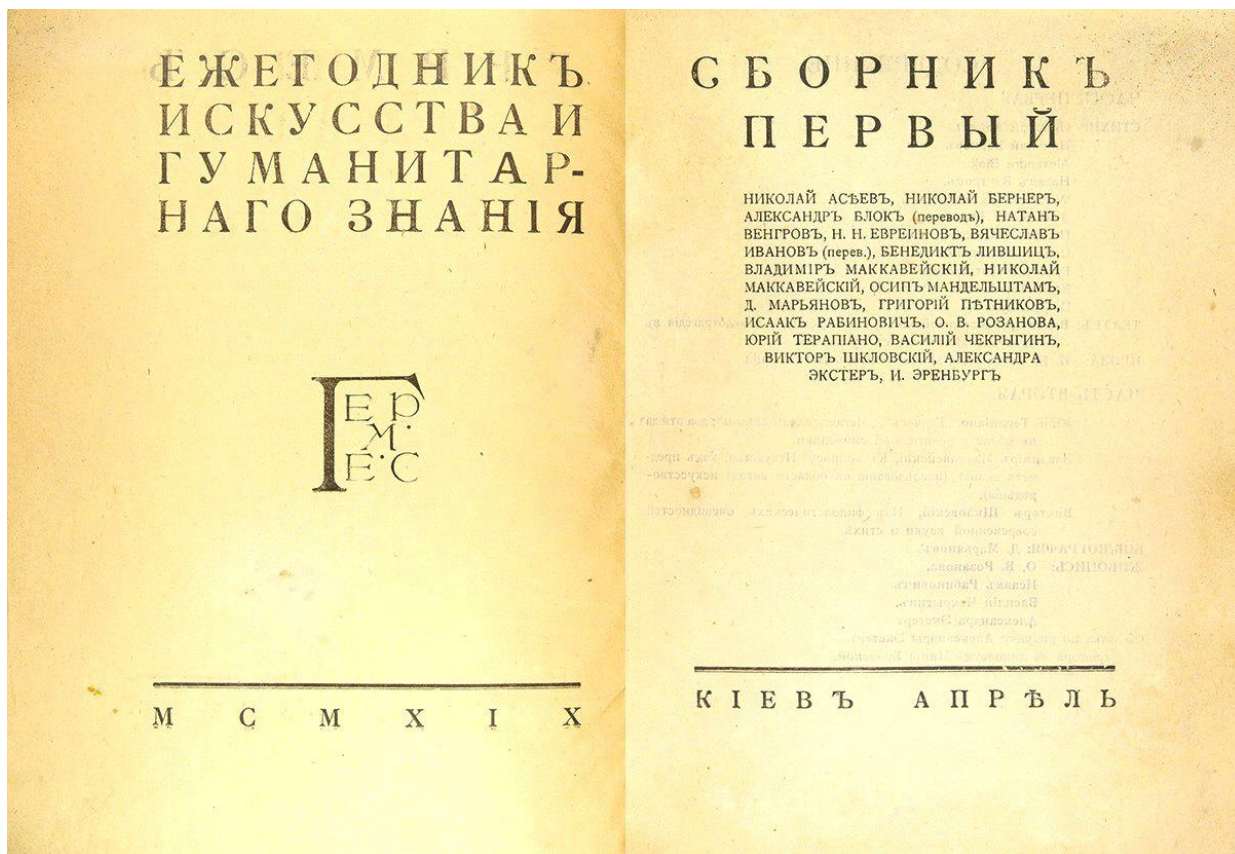
⁸³ *Арьев А.Ю.* Баршев Н.В. // Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги: Библиографический словарь: В 3 т. Т. 1: А – Ж – М.: ОЛМА-ПРЕСС Инвест, 2005. С. 176, стб. 2. Попытку реконструкции окружающего данное предположение культурно-исторического контекста см. в: *Шиндин С.* Книга в биографии и художественном мировоззрении Мандельштама. III // *Toronto Slavic Quarterly.* 2017. № 59. С. 44–45, прим. 41.

⁸⁴ Содержательная характеристика Волынского и его известного сочинения «Смерть Пушкина» (1917) в свете «диалога» с футуристами дана в более раннем исследовании автора: *Кацис Л.Ф.* Владимир Маяковский: Поэт в интеллектуальном контексте эпохи / 2-е изд., доп. – М.: РГГУ, 2004. С. 679–675

“Эта книга украдена...”, что ошибочно, так как упоминающийся в стихотворении “Вадя” – не Покровский, а сын квартирной хозяйки Мандельштамов, театральной портнихи»⁸⁵.

Под литерой «Г»...

Вышедшему в апреле 1919 года в Киеве единственному номеру предполагавшегося быть ежегодным альманаху «Гермес» (Гермес: Ежегодник искусства и гуманитарного знания. Сборник первый. – Киев: Тип. «Культура и знание», 1919) посвящена одноименная десятистрочная «реплика» (А.В. Косарева), содержащуюся в которой информацию с «энциклопедической» точки зрения вполне допустимо признать достаточной; вместе с тем, на некоторые ее фрагменты все-таки необходимо обратить внимание.

Так, несколько произвольным видится предложенный автором список некоторых участников этого альманаха: «Первоначально заявлен как орган киевских постсимволистов, однако там опубликованы и сочинения А. Блока, Вяч. Иванова, Н.Н. Евреинова, В.Б. Шкловского» (с. 180, стб. 1). Вряд ли в такой ситуации окажется оправданным исключение из данного перечня тех авторов, публикации о которых вошли

⁸⁵ Мец А.Г. [рец.] Мандельштамовская энциклопедия / Mandelstam Encyclopedia. С. 396.

(или таковое предполагалось) в состав МЭ: Бенедикт Лившиц, Исаак Рабинович, Юрий Терапиано, Александра Экстер и Илья Эренбург, – но ответственность за это лежит уже на тех, кто готовил книгу к печати. Другим моментом, заставляющим задуматься над комментируемым текстом, является характеристика, сопровождающая упоминание издателя и главного редактора «Гермеса» Владимира Маккавейского: «“киевский Вячеслав Иванов” (И. Эренбург), переводчик, поэт, писатель» (с. 180, стб. 1), — при том, что в комментируемом издании ему посвящена самостоятельная статья С.Ф. Даниловой, в дефиниции которой он определен как «поэт, переводчик, критик, художник-график» (с. 321, стб. 1)⁸⁶. И там же содержится уточнение по поводу первой публикации мандельштамовского стихотворения «На каменных отрогах Пиэрии...» (1919), о котором (к сожалению, безо всякого библиографического сопровождения) сообщается: «Приведенный Терапиано факт опубликования этого стихотворения в сборнике “Гермес” (Киев, 1919. Сб. 1) – абберация памяти: оно было напечатано в альманахе “Пути творчества” (Харьков, 1920. № 6–7)» (с. 321, стб. 1)⁸⁷. Думается, что как раз этому фрагменту было бы более уместным присутствовать в материалах об альманахе, чем в заметке о его издателе.

⁸⁶ К слову сказать, подобного рода противоречия (преимущественно тематические) в публикациях разных участников МЭ – явление нередкое, но еще более парадоксальным представляются случаи противоречия в материалах, подготовленных одним и тем же автором.

⁸⁷ Речь идет о мемуарной заметке общего характера: *Терапиано Ю.* <Первые встречи> // *Терапиано Ю.* Встречи. – Нью-Йорк: Издательство им. Чехова, 1953. С. 15. В указанной статье эти воспоминания хотя бы включены в прилагаемый к ней список литературы (который, к слову сказать, необъяснимо обрывается на публикации 2001 года); в заметке «Терапиано Ю.Н.» (О.А. Коростелев) они не упоминаются вообще. Самый подробный обзор мемуаристики младшего современника О.М. представлен в развернутой публикации: *Богомолов Н.* Что видно сквозь «железный занавес» // Новое литературное обозрение. 2009. № 100; некоторые аспекты взаимоотношений двух этих поэтов рассмотрены в: *Шиндин С.Г.* Из «теневого окружения» Мандельштама: Юрий Терапиано // *Кормановские чтения.* Вып. 15: Статьи и материалы межвузовской научной конференции (Ижевск, апрель 2016). – Ижевск: Удмуртский государственный университет, 2016. – С грустью приходится констатировать, что «киевский топос», сыгравший в биографии О.М. столь яркую и значительную роль, не нашел в МЭ своего достойного отражения. Случись во втором издании попытка устранить этот недочет, уже только библиография самых разнообразных публикаций на эту тему последнего времени станет более чем обширной и полемичной; см., напр.: *Оленев О.* Мандельштам и Булгаков о городе Киеве: Опыт сопоставления // *Сучасні проблеми дослідження, реставрації та збереження культурної спадщини.* Вип. 9. – Київ: ФЕНІКС, 2013; *Пучков А.* «Киев» Осипа Мандельштама в интонациях, пояснениях, картинах. – Киев: ДУХ І ЛІТЕРА, 2015; *Поберезкина П.Е.* «Пространство врывается в город...» (очерк О. Мандельштама «Киев») // *Кормановские чтения.* Вып. 15: Статьи и материалы межвузовской научной конференции (Ижевск, апрель 2016). – Ижевск: Удмуртский государственный университет, 2016; *Кацис Л.* Не треба?! Мандельштамовский Киев в современных исследованиях // *Русский сборник: Исследования по истории России.* Т. XXI. – М.: Модест Колеров, 2017; *Katsis L.* The Russian Jew Osip Mandelshtam and Jewish Kiev // *East European Jewish Affairs.* 2010. Vol. 40. №. 2 и др.

Нельзя не выразить сожаления и по поводу того, что безо всякого освещения осталась реакция на выход альманаха литературной критики в России и на Украине. В смысловом пространстве МЭ, безусловно, актуальным был бы опубликованный П.Е. Поберезкиной фрагмент одной из рецензий (*Оберучев Н.* [рец.] «Гермес». Ежегодник искусства и гуманитарного знания. Сб. 1-й. Рис. А. Экстер. Киев. 1919. 72 с. // Пути творчества (Харьков). 1920. № 6–7), чья «упоминательная клавиатура» говорит сама за себя: «Начатая много лет назад борьба за новое слово дала уже к нашим дням свои формулы – основа мастерства Б. Лившица, его упор и предел. В этом же направлении движется творчество Николая Маккавейского: на широкой базе эрудиции и техничности покоятся его вещи “Шелкопрядильня” и “Мучительный закат”. Как звено того же идейного ряда, но овеванное чудесной какой-то старозаветностью и романтикой стихотворение Мандельштама: Я изучил науку расставания <sic!> / В простоволосых жалобах ночных – соединяет нас с иными не нашими поэтическими временами. Отчетливая граница. И свежей словесной рудой залегают творчество Гр. Петникова – его семь стихотворений из книги “Быт побегов”»⁸⁸. Столь же немаловажным для «семантического ореола» комментируемого издания является тот факт, что на выход альманаха откликнулся рецензией и Иван Аксенов ([рец.] «Гермес». Ежегодник искусства и гуманитарного знания. Киев. 1919 // Художественное слово. 1920. № 1), который, очевидно, в это время знаком с О.М. еще не был.

Если бы у автора содержательной, хотя и не во всем бесспорной статьи «**Гиппиус Вл.Вас.**» (Е.Л. Куранда) была возможность отредактировать текст перед сдачей его в печать, думается, в нем нашли бы свое отражение посвященные биографии ОМ. сравнительно недавние монографические исследования П.М. Нерлера (*Cor amore: Этюды о Мандельштаме.* – М.: Новое литературное обозрение, 2014) и О.А. Лекманова (*Осип Мандельштам: ворованный воздух.* – М.: АСТ, 2016⁸⁹). Не могла бы остаться не использованной в такой ситуации и столь актуальная сегодня в научном обиходе «антология» «Акмеизм в критике. 1913–1917» (Сост. О.А. Лекманова и А.А. Чабан. – СПб.: Издательство Тимофея Маркова, 2014), – что позволило бы сопроводить публикацию не только списком актуальных в данном контексте сочинений ее героя, но и

⁸⁸ Цит. по: *Петников Г.* Страничка воспоминаний (Осип Мандельштам) / Предисл., публ., примеч. П. Поберезкиной // *Toronto Slavic Quarterly.* 2012. № 40. С. 316.

⁸⁹ Именно это издание, но почему-то в более лаконичном именовании, фигурирует в рецензии А.Г. Меца (*Мандельштамовская энциклопедия / Mandelstam Encyclopedia.* С. 395), когда в связи с комментируемым текстом упоминается «источник, в котором <...> материал был опубликован и по которому процитирован: Лекманов О.А. *Ворованный воздух.* М.: АСТ, 2016. С. 32».

детальным отражением его отношения к акмеизму в целом и факту участия О.М. в нем. Можно предполагать, что автор включил бы в библиографию и упоминание недавнего исследования: *Рыкунина Ю.А.* Владимир Гиппиус об акмеистах: «Учителя и ученики» // Литературный факт. 2017. № 5, – а также обратил бы внимание читателей еще на одну публикацию на затронутую тему: *Вл.В. Гиппиус.* Ничтожные слова о ничтожных делах / Подгот. текста и примеч. А. Меца // На рубеже двух столетий: Сборник в честь 60-летия Александра Васильевича Лаврова. – М.: Новое литературное обозрение, 2009⁹⁰. Однако, судя по всему, после выхода в свет «претекста» данных материалов⁹¹, на редактуру автору они представлены не были, и, как следствие, оказались воспроизведены в МЭ в своем первоначальном варианте, причем, возможно, даже не 2008, а 2004 года, на котором обрывается датировка публикаций, составляющих пристатейный список литературы.

Из частных замечаний непринципиального характера представляется необходимым отметить, что вполне оправданный пассаж: «Уроки словесности, домашняя доступность Гиппиуса для учеников, внешний облик <...>, манера речи и преподавания, а также поэтическое творчество <...> и эстетические концепции Гиппиуса стали предметом необычайно глубокой и долговременной рефлексии О.М.» (с. 185, стб. 1), – вполне мог бы быть проиллюстрирован одним из предельно метафорических и исключительно эмоциональных мандельштамовским признаний о его общении с Гиппиусом в годы обучения в Тенишевском училище: *Я приходил к нему разбудить зверя литературы. Послушать, как он рычит, посмотреть, как он ворочается: приходил на дом к учителю «русского языка». Вся соль заключалась именно в хождениях «на дом», и сейчас мне*

⁹⁰ В дополнение к сказанному, вероятно, нелишним будет указать на присутствующее в статье комментатора «Рид М.Т.» (с. 416, стб. 1) предположение о том, что в основе формирования мандельштамовского определения творчества американского писателя как *автора с нулевым литературным значением (4, 109)* может находиться аналогичная оценка Гиппиуса, отраженная в его докладе (речи) «К вопросу о роли чтения в современном воспитании», прочитанном 8.9.1907 в Тенишевском училище и опубликованном в одиннадцатом номере журнала «Русская школа» того же года; см.: *Мец А.Г.* Осип Мандельштам и его время: анализ текстов. С. 65–79. При этом подобную точку зрения нельзя назвать универсальной для культурной среды 1910-х годов; более того, как хорошо известно, Майн Рид входил в число любимых писателей Гумилева, и такая оценка, вероятно, сохранялась на протяжении всей его жизни. Так, например, Минский в рецензии на «Огненный столп» (Новая русская книга (Берлин). 1922. № 1) писал о его авторе: «жить значило для него – мужественно преодолевать опасности, – в путешествиях, на охоте. <...> После войны я встречался с ним в Париже. <...> Я часто заставал его углубленным в чтение. Оказалось, что он читал Майн-Рида» (цит. по: *Степанов Е.* Поэт на войне: Николай Гумилев. 1914–1918. – М.: Прогресс-Плеяда, 2014. С. 411). О достоверности данного свидетельства утверждать трудно, но сам факт соположения этих имен представляется вполне показательным.

⁹¹ См.: *Куранда Е.Л.* Гиппиус Вл.Вас. // Мандельштам, его предшественники и современники: Сборник материалов к Мандельштамовской энциклопедии. – М.: РГГУ, 2007.

трудно отделаться от ощущения, что тогда я бывал на дому у самой литературы. Никогда после литература не была уже домом, квартирой, семьей (2, 390).

Не столько саму статью «Гомер» (О.А. Лекманов при участии Г.С. Зобина), в отношении которой комментатор позволил себе несколько частных замечаний,⁹² сколько набор примеров сближения творчества ее «персонажа» и главного героя рецензируемого издания представляется возможным дополнить указанием еще на один подобный случай. В принадлежащем критику-современнику соположении двух авторов сказанное не распространяется на конкретные факты и на структурные и содержательные параллели, а традиционно касается «семантического ореола» гомеровской темы в художественном мире О.М.: «чудесно сделанные стилизации Кузьмина <sic. – С.Ш.> или умнейшая игра Мандельштама в сдвиги времен и мест <...> все это творчество – какого-то второго, отраженного порядка. Здесь не собственные слова и образы Мандельштама и Кузьмина радуют и волнуют, а вызываемые их напоминаниями смутные воспоминания о творчестве прошлых веков. “Бессонница. Гомер. Тугие паруса”... И вот – российскому интеллигенту хочется сладко плакать, но это от Гомера, а не от Мандельштама»⁹³.

Упомянутая в первой части настоящих заметок публикация «Гранада» (П.М. Нерлер)⁹⁴ за прошедшее время с субъективной точки зрения комментатора не стала более релевантной, но обнаружила некоторую локальную нерепрезентативность своим индивидуальным параметрам. При не слишком убедительных попытках связать этот город с именем О.М. без внимания остался факт того, что в рамках регулярно проводимых Русским центром Гранады и фондом «Русский мир» встреч, посвященных самым разным аспектам русской культуры, состоялся семинар «Сто двадцать пятый день рождения Мандельштама». «В качестве слушателей на нем присутствовали

⁹² См.: Шиндин С. «Печальну повесть сотворив...»: К выходу в свет «Мандельштамовской энциклопедии». Статья вторая: А – Д. С. 24–25.

⁹³ Горбачев Г.Н. Очерки современной русской литературы. – Л.: Государственное издательство, 1924. С. 19. – И, разумеется, не для МЭ как таковой, а для реконструируемой «акмеистической составляющей» данного культурно-исторического пространства интересно присутствующее в рассуждениях Андрея Белого противопоставление Гумилева и предстоящего «великого поэта», даваемое в «терминологии» гомеровской топики. 16.7.1920 И.Н. Розанов (статья Н.А. Богомолова о котором предполагается во втором издании МЭ) воспроизвел в дневниковой записи монолог Белого, завершавшийся утверждением: «Теперь в Петрограде Гумилев играет большую роль. Ходит гордо и каждым движением и взглядом говорит “я – метр! я – метр!” – и это крайне неприятно. Думаю, что пора метров проходит безвозвратно. Мы накануне (нам “угрожает”) великого поэта, и монументальной поэзии, накануне русской “Илиады” и “Одиссеи”. Многогранность школ залог этого славного будущего» (НИОР РГБ. Ф. 653. К. 4. № 3. Л. 5; цит. по: Тименчик Р. История культа Гумилева. С. 192–193).

⁹⁴ См.: Шиндин С. «Печальну повесть сотворив...»: К выходу в свет «Мандельштамовской энциклопедии». Статья первая: А – Д. С. 58.

преподаватели и аспиранты Гранадского университета из разных городов и стран: от Уругвая до Украины. Основными докладчиками выступали профессиональные переводчики и преподаватели русского языка и литературы». По сообщению автора публикации об этом событии, концепция вечера «выстроилась таким образом, что жизнь и творчество поэта предстали в прочной связи с духовной жизнью человечества»⁹⁵. И здесь хотелось бы высказать несбыточное предположение о том, что рядом с памятником Александру Пушкину, открытым перед входом в Гранадский университет в сентябре 2015 года, когда в городе проходил очередной конгресс МАПРЯЛ, будет установлен и памятник главному герою МЭ, что хотя бы постфактум оправдает появление в ней публикации об О.М. на испанской земле⁹⁶.

⁹⁵ *Серго Ю.Н.* Мандельштам испанский: заметки о семинаре, посвященном 125-летию со дня рождения О. Мандельштама // Кормановские чтения. Вып. 15: Статьи и материалы межвузовской научной конференции (Ижевск, апрель 2016). – Ижевск: Удмуртский государственный университет, 2016. С. 121. Далее автор кратко пересказывает прозвучавшие на собрании выступления, в том числе профессора Гранадского университета и переводчика (в частности, прозы О.М.) Х.С. Торквемады, имя которого (возможно, по причине отсутствия публикаций) не вошло в «испаноязычную» часть раздела «О.Э. Мандельштам. Переводы на иностранные языки и рецепция за рубежом» (Д. Однопорозова, С. Моранта) второго тома энциклопедии.

⁹⁶ Предвидя несогласие и возражения многих читателей, автор этих строк тем не менее позволит себе высказать убеждение в том, что памятник великого предшественника героя комментируемого издания более соответствует традиционным формам и функциям монументального искусства, чем многочисленные теперь скульптурные изображения О.М., авторы которых забывают о том, что памятник – это не столько средство отражения их индивидуальной творческой самобытности, сколько материальный носитель памяти о ком-либо, должный пребывать в историко-культурном пространстве по своим строго установленным законам. И особенно данное обстоятельство актуально в тех случаях, когда речь идет о тех, чьи изображения никак не назовешь известными всем со школьной скамьи.

Под литерой «Д»...

Как представляется комментатору, уже упоминавшаяся статья «**Державин Г.Р.**» (О.А. Лекманов),⁹⁷ могла бы содержать указание на тот факт, что в период обучения О.М. в Тенишевском училище программа второго полугодия шестого класса (курс XII семестра) включала в себя изучение державинской биографии и его од «На смерть князя Мещерского», «Бог», «Фелица» и «Вельможа»⁹⁸. Еще более актуальным видится сообщение вдовы поэта о том, что сборник произведений Державина (с ее пометой «библ<иотека> поэтов») был среди немногих книг, отобранных О.М. на время ссылки в Воронеж; вероятно, именно о нем в записях говорится: «Державин. – Старый, стянутый у Яхонтова», в перечне мандельштамовских книг, которые были «всегда с собой»⁹⁹. Речь

⁹⁷ См.: См.: Шиндин С. «Печальну повесть сотворив...»: К выходу в свет «Мандельштамовской энциклопедии». Статья вторая: А – Д. С. 32–33.

⁹⁸ См.: Мец А.Г. Осип Мандельштам и его время: анализ. С. 81.

⁹⁹ Мандельштам Н. <Мандельштам-читатель>. С. 22, 20.

может идти об одном из двух изданий, вышедших в «Библиотеке поэта» – или в «большой серии»: *Державин Г.Р.* Стихотворения / Ред. и примеч. Г.А. Гуковского. – Л.: Издательство писателей в Ленинграде, 1933, – или в начавшей издаваться с 1935 года «малой»: *Державин Г.Р.* Стихотворения / Ред. и примеч. Г.А. Гуковского. – Л.: Советский писатель, 1935. Автор статьи просто констатирует факт присутствия в «воронежской библиотеке О.М.» первого из них (с. 223, стб. 1), тогда как приведенная помета Н.Я. Мандельштам («библи<иотека> поэтов»), скорее, свидетельствует о том, что речь идет о книге, вышедшей в совершенно новом издательском формате. Дополнительное значение привносит в данную ситуацию тот факт, что самое деятельное участие в работе над этим проектом принимал Тынянов, являвшийся научным руководителем «Библиотеки поэта»,¹⁰⁰ которая, согласно его «автокомментария», «впервые в истории русской науки поставила перед собой грандиозную задачу научной выверки текстов всех включенных в план поэтов, “предприняла полный пересмотр памятников с текстовой стороны” (Ю. Тынянов)»¹⁰¹. Подобное начинание, безусловно, не могло оставить О.М. равнодушным¹⁰².

Под литерой «Е»...

Герой краткой «реплики» «Елозо С.В.» (П.М. Нерлер) – «ответственный редактор газеты “Коммуна” в 1935–4.10.1937. Член ВКП(б) с 1926 года» (с. 238, стб. 2) – повторяет традиционную (если не сказать универсальную) судьбу подобного рода многочисленных (если не сказать чересчур многочисленных) номенклатурно-партийных, хозяйственно-административных, псевдо-правоохранительных и казенно-литературных персонажей МЭ. Так и оставив без указания место выхода в свет периодического издания, в качестве

¹⁰⁰ См., напр: *Муромский В.П.* Тынянов Ю.Н. // Русская литература XX века: Прозаики, поэты, драматурги. Библиографический словарь: В 3 т. Т. 3: П – Я. – М.: ОЛМА-ПРЕСС Инвест, 2005. С. 534, стб. 2.

¹⁰¹ *Островский А.* У истоков «Библиотеки поэта // Воспоминания о Ю. Тынянове: / Сост. В.А. Каверин. – М.: Советский писатель», 1983. С. 176.

¹⁰² К библиографическим ремаркам, содержащимся в первом комментарии статьи О.А. Лекманова, представляется оправданным сделать еще одно дополнение, а именно – назвать обширную электронную публикацию: *Самарин А.* Проблема державинского подтекста в мотивной структуре первой редакции сборника О. Мандельштама «Камень». – Тарту: Отделение славянской филологии философского факультета Тартуского университета, 2014; URL: http://dspace.ut.ee/bitstream/handle/10062/43846/A_Samarin_2014.pdf, автор которой, в частности, справедливо замечает: «мысль о связи Мандельштама с державинской традицией стала общим местом. Но монографического исследования на данную тему (не только книги, но даже статьи) не существует». Трудно сказать, по какой причине упоминание об этом исследовании не вошло в пристатейный список литературы: или потому, что он обрывается на издании все того же рокового 2004 года, или потому, что указанная публикация представляет собой лишь бакалаврскую работу, но, думается, учитывать ее, хотя бы периферийно, вполне целесообразно.

ответственного редактора которого определен герой заметки, автор публикации сообщает о том факте, что «Елозо упоминается в шуточном стихотворении О.М. “Карлик-юноша, карлик-мимоза...” (февраль 1936)» (с. 239, стб. 1), чем отражение его эпизодического (если не сказать мимолетного) присутствия в биографии поэта, которое пришлось на период воронежской ссылки, и ограничивается. Вместе с тем, мандельштамовское отношение к данному персонажу можно восстановить из письма Рудакова, 2.2.1936 сообщавшего жене из Воронежа о своем времяпрепровождении с О.М. в этот день: «острили и дурака валяли <...>. Читали Пастернака, обсуждали будущий Воронеж, и все в шуточных красках. Выдумали <...>, что станем “служителями культа” – (увы, почти это непередаваемо) – важно, что это рассматривалось на фоне реакций Елозо, Союза <писателей – С.Ш.>, Пастернака, Калецкого, хозяев, Вдовина, etc.»¹⁰³. Временем своего написания данное письмо дает оправданные основания и для предположительной более конкретной датировки мандельштамовской эпиграммы. Об отношении самого Елозо к ссыльному поэту свидетельствует письмо Рудакова, отправленное жене 29.11.1936, в котором он рассказывает о заподозренном О.М. заболевании дизентерией: «Утром за мной прибежала Нюра (прачка) с запиской от Н.<Я. Мандельштам>, что у Оси дизентерия. Я за Богомоловым <врач – С.Ш.>. Еще дома меня застала сама Н.<Я. Мандельштам>. Вид бледный и перепуганный. Пошла от меня к Елозе в газету. <...> Н.<Я. Мандельштам> как львица носится по Союзу и редакции, требуя устройства умирающего поэта в отдельную палату обкомовской больницы... <...> Елоза Надьку принял вполне сочувственно, дал 100 рублей и обещал все сделать. <...> Богомолов опоздал немного. Раньше пришел врач, вызванный Елозой»¹⁰⁴. Как кажется, поведение героя заметки в сложившейся ситуации никак нельзя назвать стандартно-официальной реакцией руководителя на недомогание одного из его подчиненных.

Под литерой «Ж»...

В «реплике» «“Жизнь”» (В.В. Калмыкова), входящей в число самых лаконичных публикаций о периодических изданиях, объект описания определен следующим образом: «(Петроград, 1914–1918), газета» (с. 248, стб. 2). В свою очередь, в неоднократно упоминавшейся рецензии А.Г. Меца говорится: «В ст. “Жизнь” <...> по ошибке

¹⁰³ О.Э. Мандельштам в письмах С.Б. Рудакова к жене (1935–1936). С. 134–135.

¹⁰⁴ Цит. по: Герштейн Э. Мемуары. С. 158.

перепутаны два разных журнала – первый из них петербургский, второй – киевский»¹⁰⁵. Насколько можно судить, редакционная коллегия МЭ самостоятельное обратила внимание на происшедшую «подмену», поскольку для предполагаемого ее второго издания Н.А. Богомолов подготовил статью, открывающуюся такой дефиницией: «Москва, 22(10) апреля – 6 июля 1918, № 59), газета»¹⁰⁶. В формирующемся вокруг этой ситуации ассоциативном пространстве невозможно не вспомнить одну из самых известных философских максимум Хосе Ортеги-и-Гассета, утверждавшего: «Жизнь – это выстрел в упор».

Под литерой «З»...

В статью «**Заболоцкий Н.А.**» (И.Е. Лощилов), не по вине автора лишившуюся предпечатной редакции, очевидно, следовало бы включить позднее мемуарное свидетельство Н.И. Харджиева, опубликованное М.Б. Мейлахом («О Хармсе (Николай Харджиев. Из последних записей) // Studi e scritti in memoria di Marzio Marzaduri a cura di Giovanni Pagani-Cesa e Ol'ga Obuchova. – Padova: CLEUP, 2002), относящееся к 7.5.1933: «Весна 1933 года. Хармс, Олейников и я идем к Заболоцкому праздновать его 30-летие. <...> Говорили о стихах и еще больше о живописи. Спорили отчаянно и в

¹⁰⁵ *Meц А.Г.* [рец.] Мандельштамовская энциклопедия / Mandelstam Encyclopedia. С. 397.

¹⁰⁶ Здесь следует отметить, что в условиях появившихся после революционных событий определенных признаков свободы печатного слова подобного рода дублирование названий стало довольно распространенным явлением. Таковы, например, были самые разнообразные периодические и разовые литературно-художественные издания: московские и казанские «Автографы», петроградский и московский «Альманахи муз», «Временник» московский и просто «Временник», без указания места издания, павлово-посадский «Вторник» и московские «Вторники», бакинское и омское «Искусство» и др., вплоть до московского, киевского и ростовского сборников «Боевые песни коммунистов». К слову сказать, и комментировавшийся выше альманах «Гермес» позднее нашел повторение своего названия в «номинативном двойнике», упоминаемом и цитируемом в заметке «Московский лингвистический кружок» в связи с творчеством О.М.: «Заметным явлением научной и культурной жизни было основанное членами кружка машинописное издание (“журнал”) “Гермес”» (с. 354, стб. 1). Более того, феодосийский «Ковчег» получил свое прямое зарубежное «отражение»: «В 1926 г. в крупном русском эмигрантском издательстве “Пламя”, основанном в Чехословакии <...>, вышла книга, на обложке которой значилось – “Ковчег. Сборник Союза русских писателей в Чехословакии”»; одним из ее редакторов была Цветаева, и можно с полной уверенностью сказать, что «о существовании крымского альманаха Цветаева знала, книгу она получила с оказией из взятого Красной армией Крыма» (*Егорова К.* Об одном случае редакторской работы Марины Цветаевой // Русская филология. 24: Сборник научных работ молодых филологов – Тарту: Отделение славянской филологии Тартуского университета, 2013 [эл. изд.]. С. 209, 212). – Впрочем, как показывает печальный опыт автора этих строк, предпочтительнее, когда одинаковое в именовании разно по своей сути, чем наоборот, чтобы не случилось подобное происшедшему с его статьями «Импрессионизм» и «Французская живопись».

доказательство правоты лупили друг друга подушками. Заболоцкий <...> сдержанно поругивал Мандельштама: – У Мандельштама есть только одна хорошая строка: Лепешка медная с туманной переправы. – Выбор этот не случаен. Заболоцкий обнаружил у Мандельштама пластический образ, создать который мог бы сам»¹⁰⁷.

В заметке «**Замятин Е.И.**» (О.А. Лекманов) неупомянутым остался факт выступления 7.5.1918 и поэта, и прозаика в Академии художеств на организованном Союзом деятелей художественной литературы «Утре о России»¹⁰⁸. В ироническом анонимном газетном отчете об этом мероприятии (Петроградский голос. 1918. 9 мая), в частности, говорилось: «Сплошным недоразумением были выступления поэтов О. Мандельштама, завывавшего à la Игорь Северянин о “гибели Петрополя”, Д. Цензора, беллетриста Е. Замятина»¹⁰⁹. Сразу же за приведенным фрагментом в отчете следует сообщение о том, что «Г. Кондурушкин очень мило прочел ряд анекдотов об архиерее», в связи с чем возникает любопытная «интертекстуальная» параллель. В рассматриваемой публикации автор приводит фрагмент заметки О.М. «Литературная Москва: Рождение фавулы» (1922, где тот в связи с разграничением в современной прозе «бытового» (психологического) и фольклорного начал пишет: *На нас идет фольклор прожорливой гусеницей. Кишащими стаями ползет саранча наблюдений, замет, примечаний, словечек, кавычек, разговорчиков.* <...>¹¹⁰ *Так в литературе узаконен черед фавулы и фольклора, и фольклор родит фавулу, как прожорливая гусеница – легкого мотылька.* <...> – *Все различия серапионовцев – Пильняка, Замятина, Пришвина, Козырева и Никитина следует простить за объединяющий их общий фольклорный признак, залог жизненности. Все они, как подлинныи дети фольклора, сбиваются на анекдот (2, 264).* И, подобно тому, как в приведенном отрывке газетной корреспонденции фигурирует «ряд анекдотов об архиерее», О.М. непосредственно перед процитированным фрагментом в качестве примера «литературного анекдота» упоминает эпизод из повести Пильняка «Метель»,

¹⁰⁷ Цит. по: Летопись жизни и творчества О.Э. Мандельштама. С. 381–382.

¹⁰⁸ См.: Литературная жизнь России 1920-х годов: События. Отзывы современников. Библиография. Т. 1. Ч. 1: Москва и Петроград. 1917–1920 гг. / Отв. ред. А.Ю. Галушкин. – М.: ИМЛИ, 2005. С. 182.

¹⁰⁹ Цит. по: Летопись жизни и творчества О.Э. Мандельштама. С.128.

¹¹⁰ В приводимой О.А. Лекмановым цитате пропущено: *Совкагамма, великое нашествие, гроза урожайных полей (2, 264)*; в источнике этого текста написанное слитно название опасного многоядного вредителя – бабочки семейства совок – публикаторами не комментируется. В последнем издании мандельштамовского очерка использовано принятое на сегодняшний день написание: «совка-гамма», сопровождающееся примечанием: «бабочка, опасный вредитель культурных сельскохозяйственных растений» (*Мец А.Г. Комментарии // Мандельштам О. Полное собрание сочинений и писем: В 3 т. Том 2: Проза / Сост., подгот. текста, коммент. А.Г. Меца, коммент. Ф. Лозеста, А.А. Добрицина, П.М. Нерлера, Л.Г. Степановой, Г.А. Левинтона.* – М.: Прогресс-Плеяда, 2010. С. 521).

одним из героев которого является священнослужитель: *может быть, кому-нибудь и нравятся рассуждения Пильняка, <...> а мне во всем Пильняке милее эпический разговор дьякона в бане с неким Драубэ на тему о смысле мироздания (2, 264)*. Согласно точке зрения О.А. Лекманова, в своей заметке «О.М. высказался о Замятине пренебрежительно и с иронией: “...Тысячу раз я брошу беллетристику с психологией Андреева, Горького, Шмелева, Сергеева-Ценского, Замятина ради великолепного Брет-Гарта” <...>. Сомнительного свойства комплименты, которые О.М. расточал Замятину в своей заметке далее, не слишком корректируют смысл приведенного высказывания» (с. 252, стб. 1). Однако уподобление художественной манеры «подлинных детей фольклора» анекдоту не несет в себе негативной оценки, поскольку О.М. явно подразумевает не «низовой жанр» городского фольклора, как это было в финале «Четвертой прозы» (1930),¹¹¹ а именно анекдот литературный, о проекции которого на прозу середины 1920-х годов чуть позже выскажется Шкловский, прежде всего акцентируя в данном явлении его конструктивное, структурообразующее начало, что значительно расширяет формирующееся в данном контексте смысловое пространство, тем не менее не отдаляя его от героя комментируемой статьи и его писательского окружения..

Говоря о бытовании жанра анекдота в русской историко-литературной традиции, он, в частности, отмечал: «В XVIII в. и начале XIX-го под словом анекдот подразумевали интересное сообщение о чем-нибудь. – Таким образом сообщение о том, что сейчас завод

¹¹¹ См.: *ночью по Ильинке ходят анекдоты. Ленин и Троцкий ходят в обнимку, как ни в чем не бывало. У одного ведрышко и константинопольская удочка в руке. Ходят два еврея, неразлучные двое – один вопрошающий, другой отвечающий, и один все спрашивает, все спрашивает, а другой все крутит, все крутит, и никак им не разойтись (3, 179)*. А непосредственно перед этим фрагментом с исключительно высокой оценкой упоминается Зощенко, чья проза во многом строится именно в соответствии с некоторыми структурно-семантическими параметрами традиционного, фольклорного анекдота: *У нас есть библия труда, но мы ее не ценим. Это рассказы Зоценки. <...> Я требую памятников для Зоценки по всем городам и местечкам или, по крайней мере, как для дедушки Крылова, в Летнем саду (3, 178–179)*. – Главный герой и первого из процитированных отрывков и превосходного комментария к нему (Лекманов О. «Ночью по Ильинке ходят анекдоты...» Какие? // Новое литературное обозрение. 2008. № 90), несомненно, ждет своего появления в готовящейся к переизданию МЭ, очевидно, надеясь при этом, что оно не будет сопровождаться утверждениями, подобными следующему: «Образ Ленина <...> не оставлял поэзию О.М. с 1917 года. В творчестве поэта начала 1930-х годов он получает свое развитие сначала в образе Вия (“Четвертая проза”, 1930), затем становится сморщенным зверьком в тибетском храме (“Полночь в Москве...”, 1931)» (с. 148, стб. 2). Герой второго отрывка представлен в МЭ более чем достойной статьей (которой предшествовала соответствующая ей публикация: Котова М.А. Зощенко М.М. // Мандельштам, его предшественники и современники: Сборник материалов к Мандельштамовской энциклопедии. – М.: РГГУ, 2007, – вошедшая в энциклопедию с существенными дополнениями в своей заключительной части (с. 257)), как и второй из героев первого фрагмента (статья «Троцкий Л.Д.» (Н.В. Сарафанова, О.А. Лекманов)). – Некоторые дополнительные смысловые составляющие данного контекста были рассмотрены комментатором в публикации: Обязательный постскрипtum и необязательные детали // Новый журнал. 2016. Кн. 283.

Крупна строит дизель с 2000 лошадиных сил в одном цилиндре, было бы с точки зрения того времени анекдотом. Анекдотическая история с точки зрения того времени опять-таки история, состоящая из отдельных сообщений, слабо связанных между собой. Бывали даже философские анекдоты. – Остроумия неожиданной развязки в анекдоте того времени могло и не быть. В настоящее время мы называем анекдотом небольшую новеллу с развязкой. С нашей точки зрения спрашивать после рассказа анекдота: “а что было дальше?” нелепость, но это точка зрения сегодняшнего дня. – Прежде мы могли ждать после одного анекдотического сообщения другое анекдотическое сообщение. Таким образом, в современном анекдоте мы ощущаем главным образом конструкцию, в старом анекдоте ощущалась прежде всего занимательность сообщения – материал»¹¹². Об этом же обстоятельстве чуть ранее в одной из своих «программных» статей о новой прозе – «Литературный факт» (1924) – говорил Тынянов: «тогда как “конструктивный фактор” и “материал” – понятия постоянные для определенных конструкций, “конструктивный принцип” – понятие все время меняющееся, сложное, эволюционирующее. Вся суть “новой формы” в новом принципе конструкции, в новом использовании отношения конструктивного фактора и факторов подчиненных – материала. – Взаимодействие конструктивного фактора и материала должно все время разнообразиться, колебаться, видоизменяться, чтобы быть динамичным. <...> – Один из законов динамизма формы – это наиболее широкое колебание, наибольшая переменность в соотношении конструктивного принципа и материала»¹¹³. Нетрудно заметить, насколько предлагаемая литературоведческая модель близка характерным для первой половины 1920-х годов поискам О.М. самых разнообразных новых выразительных средств для прозаических текстов, результатом чего стало написание автобиографического по своей основе и «материального» (в терминологии ОПОЯЗа) по своей природе «Шума времени» (1923–1924). И именно в контексте таких поисков в заметке «Литературная Москва: Рождение фавулы» появляется упоминание об анекдоте: *Чего же нам особенно удивляться, если Пильняк или серапионовцы вводят в свое повествование записные книжки, строительные сметы, советские циркуляры, газетные объявления, отрывки летописей и еще бог знает что (2, 261)*, – после которого следуют известное мандельштамовское определение: *Проза ничья. В сущности, она безымянна. Это – организованное движение словесной массы, цементированной чем угодно. Стихия*

¹¹² Шкловский В. Третья фабрика. – М.: Артель писателей «Круг», 1926. С. 7–8.

¹¹³ Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино / Подг. изд. и коммент. Е.А. Тоддеса, А.П. Чудакова, М.О. Чудаковой. – М.: Наука, 1977. С. 261–262.

прозы – накопление. Она вся – ткань, морфология (2, 261–262). Соответственно, одним из следствий этого оказывается затрудненное читательское восприятие новой прозы, «анекдотической» по своей природе: *Нынешние русские прозаики, как серапионовцы и Пильняк, также не психологи, как и их предшественники до революции. У них нет фабулы. <...> Серапионовцы и Пильняк (их старший брат, и не нужно его от них отделять) не могут угодить серьезному читателю, они подозрительны по анекдоту, то есть угрожают фабулой* (2, 263).

Полное недоумение вызывают указанные в публикации «**Зельманова А.М.**» (О.А. Лекманов) даты и места рождения и смерти этого живописца и графика 1910-х годов: «1891, Москва – 1952, США»; согласно всем вызывающим доверие источникам, они должны быть другими: «2.4.1891, Москва – 11.1.1952, Париж». Одной из фактографических «мандельштамоцентричных» составляющих комментируемой заметки является хорошо известный фрагмент воспоминаний Лившица: «Хозяйка литературного салона, где в 1913–1914 годах часто бывал О.М. (см.: Лившиц Б.К. Полутороглазый стрелец. Л., 1989. С. 520–522)» (с. 253, стб. 2). Автор подразумевает следующий пассаж, в реальности не содержащий никаких указаний на частоту мандельштамовский посещений дома Валериана Чудовского и Анны Зельмановой: «“Бродячая Собака” была не единственным местом, где футуристы встречались со своими литературными противниками. К числу таких мест нужно прежде всего отнести нейтральные “салоны”, вроде собраний у Чудовских. Жена Валерьяна Чудовского, художница Зельманова, женщина редкой красоты, прорывавшейся даже сквозь ее беспомощные, писанные яр-медянкой автопортреты, была прирожденной хозяйкой салона, умевшей и вызвать разговор, и искусно изменять его направление. В тот вечер, когда меня впервые привел к Чудовским Мандельштам, у них были Сологуб с Чеботаревской, Гумилев, Георгий Иванов, Константин Миклашевский, Вольмар Люсциниус, певец Мозжухин и еще несколько человек из музыкального и актерского мира». И далее мемуарист пишет: «Я не хочу останавливаться на подробном описании доморощенного отеля Рамбулье, где Сологуб неудачно острил и еще неудачнее сочинял экспромты, один из которых начинался буквально следующими строками: Вот я вижу, там / Сидит Мандельштам... Где автор тоненького зеленого «Камня» <...> предлагал “поговорить о Риме” и “послушать апостольское credo”»¹¹⁴. Очевидно, данное свидетельство оказывается первым и пока

¹¹⁴ Лившиц Б. Полутороглазый стрелец: Стихотворения, переводы, воспоминания / Сост. Е.К. Лившиц и П.М. Нерлера, подгот. текста П.М. Нерлера и А.Е. Парниса, примеч. П.М. Нерлера, А.Е. Парниса и Е.Ф. Ковтуна. – Л.: Советский писатель, 1989. С. 520–521.

последним известным источником сведений о происходивших в доме Чудовских встречах; в частности, только оно использовано в справочной словарной публикации (правда, в отличие от предыдущего случая, изображенное мемуаристом идентифицируется не в качестве постоянной характеристики, а как описание конкретного вечера, «видимо, 1913 г.»¹¹⁵).

Под литерой «И»...

К единственной из центральных советских газет, представленной в энциклопедии, обращена обстоятельная заметка «**“Известия”**» (П.М. Нерлер), ровно половину которой занимает подробное изложение хорошо известного «дела Горнфельда»¹¹⁶. При этом библиографический колокол в публикации снова звонит все на той же тревожной отметке «2004», а потому в пристатейном списке литературы закономерно отсутствует ссылка на детальное описание мандельштамовской «уленшпигелиады», присутствующее в относительно недавней статье П.М. Нерлера «Битва под Уленшпигелем» (Знамя. 2014. № 2; 3). Не следует надеяться читателям увидеть в комментируемой публикации и упоминание результатов монографического исследования О.А. Лекманова, где самые разнообразные печатные материалы, нашедшие место в «Известиях» в 1930-е годы, рассматриваются как тематические источники целого ряда мандельштамовских контекстов¹¹⁷. Более того, глубокое и крайне информативное «методологическое» вступление к этой работе могло бы стать «теоретической» основой для всех статей в МЭ, посвященных советской газетной периодике, которая была актуальна в мандельштамовской биографии в последнее десятилетие его жизни, но этого не

¹¹⁵ *Штруба М.* Чудовских салон // *Штруба М.* Литературные объединения Москвы и Петербурга. 1890–1917 гг.: Словарь. – М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 260. В свою очередь, уже данная публикация становится «ретранслятором» информации об этих вечерах; см., напр.: *Куранда Е.* «Знаю я теперь, что такое артиллерийские позиции»: письма А.М. Зельмановой к Н.Э. Казанской // Осип Мандельштам и XXI век: Материалы международного симпозиума. Москва. 1–3 ноября 2016 г. – М.: АРМПОЛИГРАФ, 2016. С. 94, прим. 6.

¹¹⁶ Первый опыт целостной реконструкции этого эпизода, сыгравшего столь значительную в своей трагической ипостаси роль в писательской и творческой биографии О.М., очевидно, принадлежит В.В. Мусатову; см.: *Мусатов В.В.* Лирика О. Мандельштама. – Киев: Эльга-Н; Ника-Центр, 2000. С. 293–317.

¹¹⁷ См.: *Лекманов О.А.* Читатель газет. Пресса как фон стихотворений Мандельштама 1930-х годов // «Сохрани мою речь...». Вып. 5. Ч. 2. – М.: РГГУ, 2011. С. 498, 500, 504, 506, 510 и т.д. Для более раннего периода – первых послеоктябрьских лет – кратким источником информации об основных публикациях, посвященных в газете магистральным событиям в литературной жизни и ее новых координатах может послужить фактографическая заметка обзорного характера: *Сагалаева М.В.* Литературная жизнь 1920–1922 годов в газете «Известия ВЦИК» // Известия Саратовского университета. 2012. Т. 12. Серия «Филология. Журналистика». Вып. 1.

произошло. Вместе с тем, осталась неупомянутой более частная деталь, связанная с «Известиями»: в редакцию именно этой газеты в 1928 году было направлено письмо в защиту имени покончившего с собой австрийского зоолога, одного из самых заметных представителей материалистического направления в биологии, известного как механо-ламаркизм или неоламаркизм, Пауля Каммерера, несправедливо обвиненного в научных фальсификациях¹¹⁸. В число шести подписавших обращение ученых-биологов входил и Борис Кузин, который, по характеристике О.М., *имел какое-то прикосновение к саламандрам знаменитого венского самоубийцы – профессора Каммерера (3, 189)*¹¹⁹. И совсем уже частным проявлением мандельштамовского «диалога» с «Известиями» (вряд ли требующим быть указанным в энциклопедической статье) может считаться факт, отмеченный И.Е. Лоциловым в статье «Заболоцкий Н.А»: именно там 18.11.1934 было опубликовано стихотворение Заболоцкого «Осенние приметы», которое 27.6.1935 Рудаков читал Мандельштамам (с. 250, стб. 2).

Заметка «**Ильф И. и Петров Е.**» (О.А. Лекманов) теперь может быть дополнена информацией, содержащейся в черновых записях Н.Я. Мандельштам: «Вообще современников читал мало. <...> “Одноэтажную Америку” прочел»¹²⁰. Установить, каким именно вариантом книги Ильфа и Петрова «Одноэтажная Америка» пользовался О.М., без дополнительных библиографических координат невозможно – их путевые очерки, писавшиеся летом 1936 года, частично публиковались в газете «Правда» и журнале «Знамя», в 1937 году отдельное издание увидело свет в «Госиздате», «Советском писателе» и «Роман-газете»; тогда же книга была переиздана в Иванове, Смоленске и Хабаровске. Но то, что О.М. отнесся к новому произведению своих добрых знакомых с неподдельным интересом, не вызывает никаких сомнений. При полном соответствии самым строгим идеологическим требованиям, текст Ильфа и Петрова остается в структурных, содержательных и стилистических границах традиционного для русской литературы жанра путешествий¹²¹. Напоминать же о том, какое место в художественном

¹¹⁸ См.: *Нерлер П.* Комментарии // *Мандельштам О.* Стихотворения. Переводы. Очерки. Статьи / Сост. Г.Г. Маргвелашвили, П.М. Нерлер, примеч. П.М. Нерлер, подгот. текста П.М. Нерлер, И.М. Семенко. – Тбилиси: Мерани, 1990. С. 397; *Михайлов А.Д., Нерлер П.М.* Комментарии // *Мандельштам О.* Сочинения в двух томах. Т. 2: Проза. Переводы. – М.: Художественная литература, 1990. С. 427.

¹¹⁹ Несколько подробнее об этой ситуации см.: *Шиндин С.* Мандельштам и кинематограф. С. 18, – а также заметку «Каммерер П.» (С.Г. Шиндин, П.М. Нерлер) в рецензируемом издании.

¹²⁰ *Мандельштам Н.* <Мандельштам-читатель>. С. 23. – Данный факт вполне логично может быть упомянут в новом издании МЭ и в публикации «Америка».

¹²¹ Подробнее об этом см. в последнем, очевидно, исследовании на данную тему: *Жиличева Г.А.* Дискурс путешествия в «Одноэтажной Америке» И. Ильфа и Евг. Петрова // *Русский травелог XVIII–XX веков: Коллективная*

мировоззрении О.М. занимала категория путешествия, проецируемая на все смысловые доминанты его поэтической модели мира, вряд ли необходимо, а ее всеобъемлющий культурологический характер ранее отмечался неоднократно, как, например, в представляющейся совершенно точной формулировке Н.А. Петровой: «у Мандельштама время и пространство взаимообратимы <...>, всякое путешествие, отрываясь от географических или биографических ориентиров, преобразуется в путешествие по пластам мировой культуры»¹²².

Конкретной библиографической корректировки требует один из указанных в комментируемой публикации случаев, когда «ряд мотивов “Двенадцати стульев” перекликается с соответствующими образами произведений О.М.», а именно «мотив спрятанных драгоценностей, общий для “Двенадцати стульев” и заметки О.М. “Я пишу сценарий” (1927) (<...> С.Г. Шиндин – устное наблюдение)» (с. 271, 272). Трудно сказать, по какой причине автор упоминает «устное наблюдение» комментатора: предложенное им сопоставление сюжетной основы романа Ильфа и Петрова и одного из тематических векторов мандельштамовской заметки было опубликовано дважды; см.: «Очень тонкий идеологический гротеск...»: О кинорецензии «Магазин дешевых кукол» Мандельштама // Гротеск в литературе: Материалы конференции к 75-летию проф. Ю.В. Манна. – М.: РГГУ, 2004. С. 144–145; Мандельштам и кинематограф // *Toronto Slavic Quarterly*. 2017. № 60. С. 35–37. Безотносительно к автору статьи приходится признаться, что пишущего эти строки всегда ставил в тупик распространенный этикетный эвфемизм «устное наблюдение», и, как оказалось, в этом отношении с ним солидарен другой рецензент МЭ, который, касаясь вопроса о присутствии в ней стилистических погрешностей, заметил: «Между последними обнаружили уникальные: так, в 4-х статьях ссылки обозначаются как “устное наблюдение (такого-то)” (с. 260, 272, 310, 383)»¹²³.

Безотносительно к тематике рассмотренной статьи и вне всякой связи с ней, тем не менее, вновь приходится признаться, что степень стилистической толерантности некоторых

монография. – Новосибирск: Издательство Новосибирского государственного педагогического университета, 2015; в более общем типологическом плане ср.: *Пономарев Е.Р.* Типология советского путешествия: «Путешествие на Запад» в литературе межвоенного периода / Изд. 2-е, испр. и доп. – СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств, 2013. С. 319–392 (глава «Типология в единстве. Путешествие в Англию и Америку»).

¹²² *Петрова Н.* Литература в неантропоцентрическую эпоху. Опыт О. Мандельштама. – Пермь: Пермский государственный педагогический университет, 2001. С. 107. Из самых последних работ на эту поистине безграничную в художественном мире О.М. тему см.: *Сурат И.* Два путешествия: Мандельштам и Пушкин // Урал. 2018. № 7; *Миц Б.А.* Об «асиятской козявке», «предустановленной гармонии» и «русском бунте» (Мандельштам и Паллас) // «Сохрани мою речь...»: Мандельштамовский альманах. Вып. 6 (в печати).

¹²³ *Меу А.Г.* [рец.] Мандельштамовская энциклопедия / *Mandelstam Encyclopedia*. С. 394.

авторов МЭ поистине безгранична. Выстраиваемая типология таких «свобод» представлена в данном случае во всей возможной полноте (но, следует добавить, во многом является условной, так как, с одной стороны, некоторые случаи представляются трудно идентифицируемыми, а с другой, автор никак не может отнести себя к числу специалистов в сфере современного русского языка). Некоторые нарушения вполне безобидны и носят «попутный» характер, как, например: «Концепция христианства у Соловьева строится на идее его синтетичности. Соловьев, как и О.М., понимал христианство как синтетическую религию» (с. 447, стб. 1), – или: «стихотворение Случевского “Ты не гонись за рифмой своенравной...” из книги Случевского “Песни из Уголка” (СПб., 1902)» (с. 443, стб. 1). Значительная часть отклонений от языковых норм происходит вследствие употребления речевых клише, относящихся к сфере литературного языка, но вряд ли уместных в издании, подобном комментируемому: «В доме <...> царил культ поэзии» (с. 318, стб. 2); «в дошедшем до нас фрагменте перевода <...> строка изменена» (с. 75, стб. 2); «Требовалось *жертвенное мужество* для того, чтобы провозгласить христианином всякого культурного человека» (с. 15, стб. 2); «Для О.М. важно, чтобы театр *рождался из психологии <...> народа, из народной души*» (с. 470, стб. 2). В противоположность этому, еще одна группа нарушений, пожалуй, самая распространенная, связана с явно стилистически ненормативным словоупотреблением: «О.М. ходил в начале мая к Нарбуту с планами издания <...> переводов *западных классиков*» (с. 254, стб. 1); «*Не афишированные* дантовские формулировки проникли и в более позднюю элегию “Tristia”» (с. 214, стб. 1); «Для О.М. важно, чтобы театр рождался из <...> *коллективного бессознательного*» (с. 470, стб. 2); «Обширный корпус текстов О.М., *написанных поверх Данте*, демонстрирует, что писатель явно предпочитал “Божественную комедию”» (с. 213, стб. 2)¹²⁴; «погружение в оригинальный текст “Божественной комедии”, продумывание отдельных ее пассажей и *устройства в целом* способствовали отходу О.М. от хрестоматийного Данте» (с. 215–216)¹²⁵; «Насыщенность культурными подтекстами “Садов” *обнажается*, если прочитать их как скрытый диалог с

¹²⁴ Помимо прочего, данный пример, очевидно, впервые в научном тексте содержит именование О.М. писателем. Его собственную реакцию на подобную «идентификацию» предсказать было бы нетрудно, особенно если вспомнить, как он относился к «функциональному» разграничению ролей поэта и писателя: более чем наглядный пример этого приведен в заметке О.А. Лекманова «Замятин Е.И.» (с. 250, стб. 2). Собственно говоря, и сам автор приведенной цитаты в другой связи констатирует: «Серию судов О.М. над писателями завершает критическая статья <О Чехове> (1935)» (с. 215, стб. 2).

¹²⁵ Хотя внешне и мотивированной, но несколько неожиданной оказывается вызываемая цитатой ассоциация с романом Алексея Толстого «Петр Первый»: «Придурковатый голос удивленно: – Дядя, какая-нибудь, значит, у нее устройства особенная? – А ты у Мишки спроси, он тебе расскажет про ее устройство».

О.М.» (с. 263, стб. 1)¹²⁶. Иногда речь может идти о присутствии в текстах откровенных ошибок, как, например: «Этой фразой О.М., несомненно, сделал заметный шаг по пути “гибельной свободы”» (с. 15, стб. 2), – или: «историко-литературный профиль издательства еще более усилился» (с. 272, стб. 2) и под. В такой ситуации уже не приходится удивляться тому, что отдельных авторов явно привлекает употребление откровенно разговорных и просторечных форм, вплоть до жаргонизмов: «О.М. *послал стихотворение <...> в редакцию одного из толстых журналов*» (с. 81, стб.1); «изъятие произведений О.М. *на обысках прекращается*» (с. 429, стб. 1)¹²⁷; «...Не расстреливал несчастных по темницам. – Но тот, кто написал этот стих, сам *удавился*, и веревку *удавленника Сережи Есенина* сторожит “филолог с головенкой китайца”» (с. 61, стб. 2);¹²⁸ «в Москве китайцы и другие “*нацмены*” стали повседневностью» (с. 146, стб. 2)¹²⁹ и др.

В то же время, некоторые случаи вбирают в себя чуть ли не все виды стилистических новаций, что, очевидно, происходит за счет явно неоправданных семантических и даже содержательных жертв, – как, например: «Присущую О.М. экстраполяцию Данте и дантовских образов на русских писателей стоит отсчитывать» (с. 214, стб. 2); «Соседствуя со слегка велеречивой, “петушиной” торжественностью О.М.,

¹²⁶ Многие читатели наверняка вспомнят здесь оставшиеся в памяти еще со школы хрестоматийные строки: «Лесов таинственная сень / С печальным шумом обнажалась», – а вот у филологов, профессионально занимающихся изучением русской литературы первой трети XX века, могут возникнуть другие ассоциации. В 1928 году Л.Я. Гинзбург, фиксируя случаи «литературоведческого быта», оставила заметку «К проблеме городского фольклора», в которой, в частности говорится о том, как Б.Я. Бухштаб «в поезде встретился с парнишкой, распевавшим блатные песни, в том числе одну, где имелся куплет: – В одну квартиру он ворвался, / На комиссара там нарвался, / С печальным шумом обнажался / И на Горохову попал. – Затаив любопытство, Бухштаб> небрежно заметил, что ему не совсем понятно – к чему бы это тут “с печальным шумом обнажался”, и что оно, собственно, означает? – Чего ж непонятного? – удивился парнишка. – Ну, обнажался... забрали у него, значит, револьвер там... пальто... Обнажили. Ну и значит, грустно ему при этом было. Очень даже понятно» (*Гинзбург Л.* Литература в поисках реальности: Статьи. Эссе. Заметки. – Л.: Советский писатель, 1987. С. 194–195). Действительно, всё очень понятно... как в энциклопедии.

¹²⁷ Но при этом одиннадцатью строками выше речь идет «об изъятии *при обысках* книг, ксерокопий и перепечаток текстов О.М.» (с. 429, стб. 1).

¹²⁸ Присутствующее в данном случае цитирование фрагмента «Четвертой прозы» осталось не указанным в тексте.

¹²⁹ С последним примером ситуация складывается совершенно особая: он позаимствован из материала, подготовленного к печати не носителем русского языка, и вряд будет справедливо в подобном словоупотреблении упрекать автора, в отличие от издателей МЭ. (Любопытно было бы взглянуть на реакцию американского читателя, скажем, «Уитменовской энциклопедии», натолкнись он там в статье, написанной научным сотрудником ИМЛИ, на пропущенное редакторами и корректорами упоминание, например, чернокожего негра.) При этом приходится заметить, что выходцев из Юго-Восточной Азии никогда не именовали «нацменами»; более того, хотя это словообразование и перекочевало в разговорный словарь из большевистского новояза, оно так и не стало общеупотребительной лексической единицей нормативного русского языка и бытует в статусе негативно окрашенного жаргонизма.

семантически преднамеренно обедненная строфа позднего <Геorgia> Иванова выигрывает в акустике и вся держится на звучании раскатов культурного эха, отзвуках Анненского, Блока и О.М. Напоминая о боли и скрывая ее, его лирика как бы оправдывает нашу грешную жизнь и грешную плоть. Именно грешную, а не просто жизнь и не просто плоть» (с. 267, стб. 1); «Насквозь пропитаны дантовской образностью четыре другие стихотворения, трактующие о двойничестве с Данте, в частности по линии ностальгии по покинутому родному городу; горькой судьбы поэта на ее финальном этапе; и прощания с миром перед переходом в мир иной. Во всех этих ситуациях Данте был экспертом, а потому О.М., просветленный и умудренный “Божественной комедией”, попав в них, пользуется дантовской призмой» (с. 218, стб. 2). И словно стремясь компенсировать негативный эффект, производимый подобными стилистическими огрехами, некоторые авторы вдруг переходят на повествовательный стиль, который представляется более приемлемым даже не для жанра литературоведческого эссе, а для школьного учебника: «Есть в последнем сборнике Иванова стихотворение “Голубизна чужого моря...”, из двух строф, с такой последней: “...Фитиль, любитель керосина, / Затрепетал, вздохнул, потух – / И внемлет арфе Серафима / В священном ужасе петух”. Очевидная аллюзия на пушкинское стихотворение “В часы забав иль праздно скуки...” показала критику Иванова “кощунственной”. Это не так. “Кощунства” этого стихотворения направлены против “кощунств” истории» (с. 266, стб. 2) и т.п. Вместе с тем, и стремление к максимально наукоемкому изложению порой представляется чрезмерным, как, например: «Психолого-географическое измерение “смысловой организации” поэзии О.М. характеризуется чрезвычайной интенсивностью и контрастностью лично переживаемого пространства северо-восточных пределов эллинского мира» (с. 81, стб. 2).

Возвращаясь к комментарию рассматриваемых материалов, приходится предположить, что вызвать у излишне торопливого читателя ассоциации с плодовоовощной и даже садово-огородной проблематикой может упоминаемое в заметке «ИМКА-ПРЕСС» (П.М. Нерлер) одноименное издательство «УМСА-Press», по формулировке автора, «созданное для публикации плодов...». Далее ситуация разъясняется и оказывается более понятной (хотя вряд ли эта информация изложена в традиционной терминологии): «...общероссийского религиозно-философского творчества» (с. 272, стб. 2). После закамуфлированной в дефиницию краткой истории издательства, занимающей три четверти текста объемом более одного столбца, в качестве главного «мандельштамоцентричного» факта указывается его подвижническая

деятельность в представлении широкой читательской аудитории мемуаров вдовы поэта. Об этом автор пишет: «“знаковым” <? – С.Ш.>¹³⁰ изданием “УМСА-Press” стала “Вторая книга” Н.Я. Мандельштам, полученная Струве в декабре 1970 года и выпущенная в 1972 (переиздана в 1978 и 1983 годах; всего, по оценке Струве, было продано более 3000 экземпляров). В “УМСА-Press” выходили и другие книги Н.Я. Мандельштам, в частности, ее “Воспоминания” (1982 и 1985, изд. 3-е и 4-е). В 1987 году, уже после смерти Н.Я. Мандельштам, Струве собрал и выпустил собрание ее остальных произведений и писем, дав им название “Н.Я. Мандельштам 1987” (1987)». А следом за этим сообщается: «В 1980-е годы историко-литературный профиль издательства еще более усилился. В 1981 году в “УМСА-Press” вышел завершающий том 4 Собр. Соч. <sic. – С.Ш.> О.М. (под редакцией Г.П. Струве, Н.А. Струве и Б.А. Филиппова; фактически составитель – Н.А. Струве), а в 1983 году – том избранных стихотворений О.М., составленный Н.А. Струве по указаниям Н.Я. Мандельштам и с его предисловием» (с. 272, стб. 2)¹³¹. Пристайная библиография традиционно обрывается на роковом 2004 годе, правда, с многообещающими знаковыми по своему происхождению точкой с запятой. Беспристрастно определять коэффициент информативности рассмотренной публикации читателям придется самостоятельно¹³².

О более чем трагикомической истории появления в МЭ опубликованной за подписью автора этих строк «статье» «**Импрессионизм**» уже рассказывалось в первой

¹³⁰ Определить конкретное значение этого определения в данном случае комментатор не берется, но то, что оно выходит за рамки академического тезауруса современного русского языка, представляется безусловным.

¹³¹ И здесь по неизвестной причине на память снова приходит профессор Преображенский, в безобидной на первый взгляд ситуации вдруг воскликнувший: «Простите, кто на ком стоял? Потрудитесь излагать ваши мысли яснее». На более конкретном уровне ассоциации возникают уже в связи с мандельштамовской максимой об историсофской природе русского языка: *Для России отпадением от истории, отлучением от царства исторической необходимости и преемственности, от свободы и целесообразности было бы отпадение от языка. «Онеменение» двух, трех поколений могло бы привести Россию к исторической смерти. Отлучение от языка равносильно для нас отлучению от истории (1, 222).*

¹³² Пишущий эти строки вынужден признаться в том, что целый ряд публикаций в МЭ, посвященных зарубежным изданиям, издательствам и издателям (более чем достойным сами по себе), кажется относящимся к сфере книготоргового промоушена, нежели к филологической науке вообще и к мандельштамоведению, в частности. К примерам следования подобному «прагматическому» жанру беспрекословно можно отнести такую, например, дефиницию: «одно из лучших издательств в Швейцарии. Основано Эгоном Амманом и Марией-Луизой Фламмерсфельд в 1981 в Цюрихе. За заслуги перед литературой награждалось Цурлаубенской литературной премией Фонда Ландис и Гир (1993) и Премией им. Макса Петипье (1997). В программу издательства входят произведения классического модерна и современной литературы (Ф.М. Достоевский <sic... – С.Ш.>, Ф.А.Н. Пессоа, А.Мачадо Руис, К. Кавафис и др.)» (с. 72, стб. 2). Попытаться представить подобную цитату не то что в научном исследовании, а хотя бы в курсовой работе студента-филолога, посвященной изучению мандельштамовского творчества, читателям тоже придется самостоятельно.

части настоящих заметок¹³³, но, к самому глубокому сожалению, для абсолютного большинства потенциальных ее читателей сей факт останется неизвестным.

Несколько удивляет точка зрения издателей МЭ, отразившаяся в ситуации с краткой заметкой «**Имяславцы**» (О.Г. Самойлова), открывающейся таким определением: «последователи имяславия – одного из направлений “катакомбного” христианства» (с. 275, стб. 1); по какой причине объектом описания считается не само догматическое и мистическое движение, а его приверженцы (подобно тому как, например, последователям протестантизма была бы посвящена публикация «Протестанты»), остается неизвестным (в рабочих вариантах «словника» МЭ эта позиция отсутствовала, хотя в первой «редакции» издания была). Непосредственно в самом тексте автор отмечает, что ряд представителей культурной среды 1910-х годов отчасти разделял взгляды, отраженные в имяславии, и выступал в его защиту от гонений ортодоксальной церковью (с. 275, стб. 1), но упускает в их перечне так или иначе актуальное для «мандельштамоцентричного» контекста имя Николая Бердяева¹³⁴. На то, что источники представлений О.М. об имяславии, отраженных в его стихотворении «И поныне на Афоне...» (1915), лежат в сфере повседневной периодики, совершенно прямо указывал Гумилев в обстоятельной рецензии на второе издание «Камня» (Аполлон. 1916. № 1. С. 31): «Всё для него чисто, все предлог для стихотворения: и прочитанная книга, содержание которой он по-своему пересказывает (“Домби и сын”), и лубочный романтизм кинематографических пьес (“Кинематограф”), концерт Баха, газетная заметка об имябожцах, дачный теннис и т.д., и т.д.»¹³⁵. В известном смысле данный перечень наглядно демонстрирует равновеликий ценностный статус составляющих его единиц, что если не позволяет говорить об их периферийной природе в художественной модели мира автора, то дает основания не видеть в его обращении к имябожию глубоких духовных корней. И, как приходилось уже отмечать в 2008 или 2009 году, вряд ли затронутая в рассмотренной заметке тема на сегодняшний день была где-то освещена точнее и полнее, чем в оставшейся без упоминания публикации: *Паперно И.* О природе поэтического слова: Богословские

¹³³ См.: *Шиндин С.* «Печальну повесть сотворив...»: К выходу в свет «Мандельштамовской энциклопедии». Статья первая: А – Д. С. 56, прим. 119. Расширенный вариант «промежуточной редакции» содержит публикация комментатора: Мотив французской живописи рубежа XIX–XX веков в художественном мировоззрении Мандельштама // *Миры О. Мандельштама: IV Мандельштамовские чтения: Материалы международного научного семинара, 31 мая – 4 июня 2009 г.* Пермь – Чердынь. – Пермь: Пермский государственный педагогический университет, 2009.

¹³⁴ См.: *Шиндин С.* «Печальну повесть сотворив...»: К выходу в свет «Мандельштамовской энциклопедии». Статья вторая: А – Д. С. 35.

¹³⁵ *Гумилев Н.С.* Письма о русской поэзии / Сост. Г.М. Фридендер (при участ. Р.Д. Тименчика), подгот. текста и коммент. Р.Д. Тименчика. – М.: Современник, 1990. С. 202.

источники спора Мандельштама с символизмом // Литературное обозрение. 1991. № 1; также автору, очевидно, следовало бы учесть краткую, но содержательную заметку: *Лекманов О.* О чем могли (бы) поговорить Владимир Нарбут и Александр Булатович // Знамя. 2007. № 1.

Под литерой «К»...

В содержательной заметке **«Кара-Дарвиш»** (Г.Р. Ахвердян) речь идет об армянском поэте А.М. Генджяне и мандельштамовском переводе его стихотворения в прозе, которое «оказалось первым и единственным поэтическим переводом О.М. с армянского языка» (с. 281, стб. 1); автором подразумевается «Пляска на горах (Ночной хоровод)». Но если исключить из публикации фразу: «Знакомство О.М. и Кара-Дарвиша произошло во время пребывания О.М. с Н.Я. Мандельштам в Тифлисе в 1921, тогда же и был сделан перевод» (с. 281, стб. 1), – весь остальной текст окажется посвящен именно особенностям этого перевода. Кроме того, представляется целесообразным конкретизировать время и причины пребывания поэта в грузинской столице.

Комментировать статью **«Кинематограф»** (С.Г. Шиндин) нецелесообразно, поскольку ее переработанный и значительно расширенный вариант был издан в формате «книги в журнале» еще до выхода в свет рецензируемого издания¹³⁶.

Фактографически исчерпывающая заметка **«Кульбин Н.И.»** (О.А. Лекманов), посвященная одной из самых по-настоящему ярких фигур русского авангарда 1910-х годов, на субъективный читательский взгляд представляется слишком лаконичной. Вряд ли безосновательно герой публикации в мандельштамовском инскрипте 1913 года поименован «визионером и другом поэтов», тогда как само отражение его общения с поэтом ограничено лишь следующим сообщением: «В начале 1910-х годов регулярно встречался с О.М. в “Бродячей собаке” в Санкт-Петербурге и Куоккале» (с. 302, стб. 1). Обнаруживающееся в комментируемом издании утверждение о том, что «Бродячая собака» «сыграла заметную роль в творческом становлении О.М.» (с. 138, стб. 1), представляется несколько преувеличенным, но то, что поэт был завсегдатаем этого литературно-артистического кабаре, общеизвестно. То же самое можно сказать и о Кульбине, более того – он вместе с другими художниками входил в число его оформителей: «Стены подвала, в котором находилось кабаре, расписал С.Ю. Судейкин

¹³⁶ См.: Шиндин С. Мандельштам и кинематограф // Toronto Slavic Quarterly. 2017. № 60. С. 1–102.

при участии В.П. Белкина, Н.И. Кульбина и др.»¹³⁷. В восстанавливаемом контексте немаловажно то обстоятельство, что данный факт нашел свое отражение в шуточном гимне «Бродячей собаки», «слова и музыка которого были написаны <...> Михаилом Кузминым» в 1912 году: «И художники не зверски / Пишут стены и камин: / Тут и Белкин, и Мещерский, / И кубический Кульбин», – при том, что в предыдущем куплете говорится: «Цех поэтов – все “Адамы”, / Всяк приятен и не груб»¹³⁸. Более того, автору этих строк уже приходилось высказывать предположение о том, что именно в «Бродячей собаке» при самом деятельном участии Кульбина состоялось мандельштамовское знакомство со Шкловским¹³⁹. (Аналогичное событие зафиксировано в мемуарах Лившица, где также упоминается Шкловский, с которым его «в декабре тринадцатого года познакомил Кульбин»¹⁴⁰.)

Описание личного общения главного героя энциклопедии и персонажа статьи в целом все же нуждается в некоторых дополнениях, что, разумеется, в первую очередь обусловлено немногочисленностью сведений об этом, причем в целом ряде случаев существующие источники не поддаются однозначной интерпретации. Так, например, в «трудах и днях» О.М. упоминается следующий эпизод: «Записал стихотворение “Образ твой, мучительный и зыбкий...” на обороте пригласительного билета на вернисаж выставки картин Н.И. Кульбина 1 окт<ября> 1912 г.»,¹⁴¹ – но побывал ли он на открытии

¹³⁷ Шруба М. «Бродячая собака» // Шруба М. Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 годов: Словарь. – М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 32.

¹³⁸ Лившиц Б. Полутороглазый стрелец: Стихотворения, переводы, воспоминания. С. 510–511. Более чем симптоматичным кажется то, что в содержащемся там же (с. 529–530) обобщенном метафорическом образе «Бродячей собаки» ее единственным представителем, своего рода «персонификацией», в видениях автора оказывается именно Кульбин: «Это было обыкновенное питерское утро, и ничего особенного, в сущности, не произошло. – Я возвращался на Петербургскую сторону маршрутным трамваем, соединявшим одну окраину с другой. <...> Перед моими слипающимися глазами чредою сменялись, наплывая друг на друга, кусок судейкинской росписи, парчовый, мехом отороченный, <...> тангирующая пара, сутулая фигура Кульбина... нет, средневекового жонглера Кульбинуса». – О возможном отражении истории и практики этого артистического кабаре в мандельштамовском творчестве см.: Шиндин С. Книга в биографии и художественном мировоззрении Мандельштама. III. С. 48–54.

¹³⁹ См.: Шиндин С.Г. Мандельштам и Шкловский: фрагменты диалога. С. 354.

¹⁴⁰ Лившиц Б. Полутороглазый стрелец: Стихотворения, переводы, воспоминания. С. 462. Далее там же следует комментарий к этому событию, в котором описание внешности Шкловского удивительным образом совпадает с традиционным «портретом» О.М., оставленным многочисленными современниками: «Кульбин был слишком любвеобилен и медоточив и слишком легко раздавал патенты на гениальность, чтобы к каждой его рекомендации можно было относиться с полным доверием. Однако розовощекий юноша в студенческом мундире, тугой воротник которого заставлял его задирать голову даже выше того, к чему обязывает самый малый рост, действительно производил впечатление вундеркинда». Кроме разрозненных мемуарных фрагментов Шкловского живописные портреты Кульбина оставили в своих воспоминаниях и другие близкие знакомые О.М. – Пяст и Иванов.

¹⁴¹ Летопись жизни и творчества О.Э. Мандельштама. С. 47.

выставки и состоялась ли при этом его встреча с Кульбиным, сказать невозможно, тем более что в этот же день проходило собрание Цеха поэтов. 19.12.1912 в «Бродячей собаке» прозвучал доклад-«манифест» Городецкого «Символизм и акмеизм»,¹⁴² в программе которого среди участников прений анонсировался и О.М., но присутствовал ли он на этом мероприятии неизвестно. Один из хроникеров (*И.С. [Клейнершейхет И.С.(?)]* Символизм и акмеизм (Лекция Сергея Городецкого в подвале «Бродячей Собаки») // Речь. 1912. 24 дек. № 353 С. 2) сообщил о состоявшемся событии следующим образом: «Вот уже год как <появился> “цех” молодых поэтов с Сергеем Городецким во главе. Глава “цехистов” в подвале “Бродячей собаки” <...> прочел доклад “Символизм и акмеизм”, а ему возражали Н. Гумилев, Ховин, Кузьмин-Караваев, Зноско-Боровский, Вас. Гиппиус, Габриэли, Позняков, Долинов, Алексеев, Кульбин»;¹⁴³ в лаконичной анонимной заметке в «Аполлоне», в частности, сообщалось: «Кульбин приветствовал акмеизм в выражениях запутанных и странных»¹⁴⁴. Содержащееся в публикации О.А. Лекманова указание на то, что «10.12.1913 О.М. присутствовал на докладе Кульбина “Футуризм и отношение к нему современного общества и критики” в зале петербургской Шведской церкви» (с. 302, стб. 1) можно было бы дополнить сообщением о запечатлении обоих на хорошо известной групповой фотографии участников диспута, снабженной в газетной публикации самой уничижающей подписью¹⁴⁵.

Историко-литературный контекст данного события дает основания для вполне мотивированных предположений и о других встречах О.М. и Кульбина в этот период, о котором А.Г. Мец писал: «Осень и зима 1913 года – время бурного становления футуристической группы “Гилея”, утверждавшей свое направление в искусстве в полемике с представителями других направлений, преимущественно символистами, акмеистами и эгофутуристами. Главной ареной их выступлений была столица –

¹⁴² См.: Летопись литературных событий в России конца XIX – начала в. XX в. (1891 – октябрь 1917). С. 184.

¹⁴³ Цит. по: Акмеизм в критике: 1913–1917 / Сост. О.А. Лекманов, А.А. Чабан. – СПб.: Издательство Тимофея Маркова, 2014. С. 73. Там же (с. 68) см. аналогичный перечень, приведенный в другой публикации (*Л. [Рабинович И.Я.]* Символизм и акмеизм // Русская молва. 1912. 22 дек. № 14. С. 5): «В прениях приняли участие Гумилев, Ховин, Кульбин, Зноско-Боровский, Кузьмин-Караваев, Долинов и др.».

¹⁴⁴ *[Б.л.]* Смесь // Аполлон. 1913. № 1. С. 71, стб. 1.

¹⁴⁵ Теперь см.: «Я скажу тебе с последней прямой». К 125-летию со дня рождения Осипа Манделштама: Альбом-каталог / Авт.-сост. А.А. Голубева и др. – М.: Государственный литературный музей, 2016. С. 132–133. – Насколько можно судить по историко-культурным координатам Санкт-Петербурга, в связи с местом проведения этого мероприятия речь все-таки должна идти о концертном зале при шведской церкви (приходе) св. Екатерины.

Петербург»¹⁴⁶. Именно в подобном окружении был прочитан упомянутый доклад Кульбина, которому непосредственно предшествовали лекции «Грядущий день и искусство будущего» (26.10.1913 в Тенишевском зале) и «Грядущий день и искусство будущего» (29.11.1913 в Троицком театре). Трудно предположить, чтобы О.М. было неизвестно о данных событиях, поскольку именно в это время происходило его сближение с группой «Гилея», о чем в «сетке координат» «Бродячей собаки» прямо свидетельствовал Лившиц: «Мы не были в фаворе у “собачьих” заправил. <...> Со всем иное положение занимали в “Бродячей Собаке” акмеисты. <...> Ахматова, Гумилев, Зенкевич, Нарбут, Лозинский были в подвале желанными гостями. Но на Мандельштама и Георгия Иванова, друживших с нами, Пронин посматривал косо»¹⁴⁷. И здесь же, конечно, должно быть названо хорошо известное историкам литературы 1910-х годов и получившее самый широкий и неоднозначный резонанс у современников выступление с докладом Георгия Чулкова «Пробуждаемся мы или нет», в котором он «детально разобрал психологическую сторону символизма в связи с появлением новых литературных течений: акмеизма и, отчасти, футуризма» и который «вызвал бурные прения в двух заседаниях»¹⁴⁸. Первое из них состоялось 10.1.1914 во Всероссийском литературном обществе¹⁴⁹, но акмеисты в этот день присутствовали на собрании Цеха поэтов¹⁵⁰. 16.1.1914 в зале Тенишевского училища состоялось второе выступление, которое один из присутствовавших на прениях критиков (*Щ. [Щеголев П.Е.] Искусство и жизнь. (Лекция Г. Чулкова) // День. 1914. 17 янв. № 16. С. 4*) охарактеризовал следующим образом: «ломали копья в защиту акмеизма гг. С.М. Городецкий, Н.С. Гумилев, О.Э. Мандельштам; они отмежевывались, как говорится, от символизма и футуризма. Футуристы говорили устами Н.И. Кульбина и г. Шкловского»¹⁵¹; о том же сообщал и другой хроникер (*Л.М. Доклад Чулкова об искусстве // Речь. 1914. 18 янв. № 17. С. 6*):

¹⁴⁶ *Мец А.* Предисл. к публ.: Вл.В. Гиппиус. Ничтожные слова о ничтожных делах. С. 422–423; там же представлен следующий далее фактографический материал. Конкретно о фактической составляющей «футуристической парадигмы» в конце 1913 года в Петербурге см., напр.: *Летопись литературных событий в России конца XIX – начала в. XX в. (1891 – октябрь 1917)*. Вып. 3: 1911 – октябрь 1917 / Под общ. ред. А.В. Лаврова. – М.: ИМЛИ РАН, 2005. С. 266–268, 274–278.

¹⁴⁷ *Лившиц Б.* Полутороглазый стрелец: Стихотворения, переводы, воспоминания. С. 515–516.

¹⁴⁸ *Мурашев М.* В литературном обществе (Заседание 10-го января) // *Воскресная вечерняя газета*. 1914. 12 янв. № 100. С. 3; цит. по: *Акмеизм в критике: 1913–1917* / Сост. О.А. Лекманов, А.А. Чабан. – СПб.: Издательство Тимофея Маркова, 2014. С. 334.

¹⁴⁹ См.: *Летопись литературных событий в России конца XIX – начала в. XX в. (1891 – октябрь 1917)*. Вып. 3: 1911 – октябрь 1917. С. 334.

¹⁵⁰ См.: *Летопись жизни и творчества О.Э. Мандельштама*. С. 73.

¹⁵¹ Цит. по: *Летопись жизни и творчества О.Э. Мандельштама*. С. 74.

«нападки на акмеизм отражали С. Городецкий и Н. Гумилев; возражали также из футуристов неизменный Н. Кульбин и молодой, страстный В. Шкловский»¹⁵².

Под литерой «Л»...

Малоинформативная в силу объективных обстоятельств заметка «**Лунц Л.Н.**» (С.Г. Шиндин) тем не менее оказалась опубликована в «промежуточной» редакции; ее окончательный на данный момент вариант содержится в приложении.

Под литерой «М»...

Больше, чем простое недоумение, оставляет после ее прочтения «реплика» «**Маковский С.К.**» (О.А. Коростелев), которую приходится признать бесспорной неудачей проекта. Все биографические и творческие связи О.М. с одной из самых ярких и разносторонних фигур отечественной культуры 1910-х годов сведены в ней, во-первых, к анекдотической истории о посещении матерью поэта редакции журнала «Аполлон» с целью установления степени поэтической одаренности ее сына и, во-вторых, к сообщению о том, что «Маковский неоднократно публиковал стихи и статьи О.М. в своем журнале <...>, хотя именно Маковский, вероятно, воспротивился публикации программной статьи О.М. “Утро акмеизма” в “Аполлоне”» (с. 322, стб. 1). Поскольку за время подготовки МЭ к выходу в свет некоторые аспекты личных и творческих взаимоотношений героя заметки и О.М. были рассмотрены в публикациях комментатора, остается только переадресовать читателя к ним¹⁵³.

¹⁵² Цит. по: Акмеизм в критике: 1913–1917 / Сост. О.А. Лекманов, А.А. Чабан. – СПб.: Издательство Тимофея Маркова, 2014. С. 336. Там же была отмечена реакция присутствующих на одно из высказываний Кульбина: «Публику позабавило выражение г. Кульбина: “даже такой захолустный театр как московский художественный”». – И в этом же отчете хроникер передал одно из утверждений выступавшего: «акмеизм – это, в сущности, только страх поэта перед провалами мира, перед его трагедией», – что не может не ассоциироваться с образом провала в не менее «экзистенциальном» контексте мандельштамовских «Стихов о неизвестном солдате» (1937): *Нам союзно лишь то, что избыточно, / Впереди не провал, а промер, / И бороться за воздух прожиточный – / Это слава другим не в пример (3,125)*. – Несколько подробнее остановиться на «триалоге» «Кульбин – Шкловский – акмеизм» предполагается в следующей части данных заметок.

¹⁵³ См.: Шиндин С. Из «теневого окружения» Мандельштама: Сергей Маковский // Новый журнал. 2017. Вып. 288; ряд наблюдений более общего характера содержится в работе автора: Книга в биографии и художественном мировоззрении Мандельштама. I. С. 36–39 (подпункт «Становление акмеизма и Сергей Маковский»).

Читателям трудно будет не согласиться с утверждением автора данных строк о том, что статья «Малларме С.» (Я.С. Линкова) при ближайшем ее рассмотрении представляет собой не энциклопедический, а собственно научный, исследовательский материал и целиком строится на далеко не всегда безупречных попытках подтвердить постулат, ставший ее содержательной основой: «Между стихами О.М. начала 1910-х гг. и творчеством Малларме просматривается определенное тематическое и стилистическое сходство» (с. 322, стб. 1). Собственно говоря, объяснение такому положению дел найти несложно: комментируемый текст дословно повторяет публикацию в препринте МЭ (лишь традиционно претерпев необратимые библиографические потери)¹⁵⁴, который, в свою очередь, представляет собой незначительно отредактированный вариант незадолго до этого вышедшего из печати другого исследования автора, при своей лаконичности почти тождественного энциклопедическим материалам¹⁵⁵. Таким образом, приходится с грустью констатировать, что во всех трех случаях целеустремленные читатели и добросовестные исследователи имели дело с одним и тем же источником. Соответственно, статья Я.С. Линковой в МЭ не содержит никаких принципиально новых данных, а потому остается считать ее только исследовательской попыткой предложить собственную интерпретацию фрагмента мандельштамовской поэзии начала 1910-х годов: самый поздний по времени создания текст О.М., упоминаемый автором, – стихотворение «Адмиралтейство» 1913 года.

Эфемерная биографическая преамбула в комментируемой публикации сведена к утверждению: «В юности О.М. высоко оценивал творчество Малларме и признавал его “великим поэтом”. По совету Анненского О.М. пробовал переводить стихотворение Малларме “Brise marine” (“Морской ветер”, 1865), но “из этого ничего не вышло <...> и он со смехом об этом рассказывал”» (с. 322, стб. 1). При этом вследствие бесконтрольного авторитарного редакторского вмешательства в текст определить, посредством использования каких именно источников образована данная цитатная контаминация, в принципе невозможно. Отчасти ситуацию исправило бы обращение читателей к предыдущему варианту публикации, где ссылки даны в соответствии с приятными в МЭ

¹⁵⁴ См.: Линкова Я.С. Малларме С. // Мандельштам, его предшественники и современники: Сборник материалов к Мандельштамовской энциклопедии. – М.: РГГУ, 2007. С. 93–93.

¹⁵⁵ См.: Линкова Я. Малларме и Мандельштам // XVI Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета: Материалы 2006 г. Т. II. – М.: Издательство ПСТГУ, 2006. С. 247–251. Еще одна публикация, указанная в Интернете на личной странице автора: Линкова Я.С. «Друг друга отражают зеркала»: О.Э. Мандельштам – русский С. Малларме? // Русистика и компаративистика: сборник научных статей. Вып. VII: В 2 кн. Кн. 2: Литературоведение. – М.: МГПУ, 2012. С. 81–92, – осталась рецензенту недоступна, а потому в следующих далее комментариях не упоминается.

сокращениями,¹⁵⁶ но и в таком случае приближение к данному биографическому эпизоду и его семантическому ореолу ввиду сложного взаимодействия составляющих компонентов осталось бы недостижимым. Оценка творчества Малларме, принадлежащая О.М., сохранилась в дневнике Сергея Каблукова в записи 18.8.1910, где он зафиксировал свое первое впечатление от знакомства с начинающим поэтом: «я полюбил его за чуткость и тонкость переживаний и вполне соглашаюсь с некоторыми его суждениями об Анненском и Маллармэ как о великих поэтах»¹⁵⁷, – что, по сути, опосредованно предвосхищает свидетельство вдовы поэта о хорошо известном факте, отраженном в ее воспоминаниях: «В юности он как-то пробовал переводить Малларме – ему посоветовал Анненский: учитеесь на переводах. Но ничего из этого не вышло, и О.М. убеждал меня, что Малларме просто шутник. И еще – Гумилев и Георгий Иванов будто дразнили его такой строкой: “И молодая мать – кормящая со сна”, то есть со сна»¹⁵⁸. Одновременно с этим не указанным в статье остался изображенный в «Листках из дневника» Ахматовой не менее известный эпизод ее воспоминаний о том, как О.М. «рассказывал какие-то милые пустяки. Например, стих Малларме: “La jeune mère allaitant son enfant”, он будто в ранней юности перевел так: “И молодая мать, кормящая со сна”»¹⁵⁹. И совсем не подлежит обсуждению обоснованность отсутствия в рассматриваемом тексте информации о сохранившемся фрагменте этого мандельштамовского перевода – двух первых его строфах¹⁶⁰.

Вместе с тем, если рассматривать предложение Анненского в реальной историко-литературной перспективе, то придется признать невозможность того, чтобы оно последовало без соответствующей мотивации с его стороны, тем более что французская поэзия входила в состав переводческой деятельности старшего поэта, которой он

¹⁵⁶ См.: *Линкова Я.С.* Малларме С. С. 93. – Последствия подобного рода библиографического новаторства, кажется, носящие в издательской практике уникальный характер, были подробно рассмотрены на начальном этапе настоящего комментария: С. 9–14.

¹⁵⁷ О.Э. Мандельштам в записях дневника и переписке С.П. Каблукова / Подгот. текста и примеч. А.Г. Меца // *Мандельштам О. Камень* / Изд. подгот. Л.Я. Гинзбург, А.Г. Мец, С.В. Василенко, Ю.Л. Фрейдин. – Л.: Наука, 1990. С. 241.

¹⁵⁸ *Мандельштам Н.* Воспоминания. С. 329. В данной ситуации труднообъяснимым видится тот факт, что мемуаристка дважды обращалась к рассказу об этом периферийном, в общем-то, эпизоде биографии поэта, не выходящем за границы традиционного «литературного быта»; ср.: *Мандельштам Н.* Вторая книга. С. 104.

¹⁵⁹ *Ахматова А.* Листки из дневника. С. 100.

¹⁶⁰ См.: *Василенко С.В., Нерлер П.М.* Примечания // *Мандельштам Н.* Собрание сочинений: В 2 т. Т. 1: «Воспоминания» и др. произведения (1958–1967) / Сост. С.В. Василенко, П.М. Нерлер, Ю.Л. Фрейдин, подгот. текста С.В. Василенко при участии П.М. Нерлера и Ю.Л. Фрейдина, коммент. С.В. Василенко и П.М. Нерлера. – Екатеринбург: ГОНЗО, 2014. С. 551; там же содержится краткий комментарий Н.А. Струве к процитированному отрывку.

придавал весьма значительную роль в своем творчестве¹⁶¹. В частности, переведенные Анненским «Дар поэмы» («Don du poeme») и «Гробница Эдгара Поэ» («Tombeau d'Edgar Poe») Малларме вошли в состав первого сборника его стихотворений «Тихие песни» (1904)¹⁶². Обстоятельства знакомства двух современников неизвестны; по предположению В.В. Калмыковой, «О.М. лично встретился с Анненским единственный раз, по-видимому, в июне–июле 1909 года, когда проводил лето с родителями в Царском Селе» (с. 75, стб. 2), хотя нельзя исключать вероятность их общения в редакции «Аполлона», – именно как ее сотруднику было адресовано 17.8.1909 мандельштамовское письмо Анненскому. В любом случае, оставленная Каблуковым запись о знакомстве с О.М., вероятно, может служить косвенным свидетельством определенного влияния Анненского на формирование поэтических предпочтений младшего поэта, оказавшегося весьма значительным: если на секунду забыть о строгих правилах академической науки и представить себе, что четыре краеугольных камня акмеизма выбирались бы не Гумилевым в пространстве мировой литературы, а О.М. во французской поэтической традиции XIX века, то ими вероятнее всего стали бы Бодлер, Готье, Верлен и, конечно, Малларме.

Возвращаясь к рассматриваемой статье Я.С. Линковой, приходится признать, что не лучше складывается ситуация вокруг следующего после прокомментированного абзаца: «признаки влияния тем Малларме на стихи сборника “Камень” <...> отмечались уже его современниками. Хотя Г.О. Гершенкройни подчеркивал “исчерпывающее «искусство аналогии»”, свойственное стихам О.М., которое отличается от темной манеры Малларме (Одесские новости. 1916. 20 марта. С. 2), Б.М. Эйхенбаум решительно указывал на близость символизма О.М. символизму Малларме и Анненского» (с. 322, стб. 1). Вырванное из контекста рецензии Гершенкройна словосочетание содержится во фрагменте, представляющем собой целостную характеристику «Камня» и полностью выглядящем следующим образом: «Первая его струя – еще символическая письменность; нежнейшие, иногда неуловимые в их воздушной сущности стихи, исчерпывающее “искусство аналогии”, но далекое от туманно выведенных узоров Маллармэ и

¹⁶¹ Об этом эпизоде в творческой биографии старшего поэта см. небольшую заметку: *Алехина Н.М.* Переводы И.Ф. Анненского в контексте его сборника «Тихие песни» // Вестник Томского государственного университета. 2013. №367. С. 7–11.

¹⁶² См.: *Анненский И.Ф.* Стихотворения и трагедии / Сост., подгот. текста, примеч. А.В. Федорова. – Л.: Советский писатель, 1990. С. 270–271. Об этом переводческом опыте предшественника акмеистической традиции см., напр.: *Алехина Н.М.* «Эстетический сюжет» в переводах И.Ф. Анненского из С. Малларме // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения: Сборник материалов I (XV) Международной конференции молодых ученых (3–5 апреля 2014 г.). Вып. 15. Т. 2: Литературоведение. – Томск: Томский государственный университет, 2014.

приобретающее формы прозрачные и ясные»¹⁶³. Здесь же, вероятно, следовало бы отметить, что в аналогичном контексте имя французского поэта в соположении с творчеством О.М. прозвучало в лекции Гершенкройна о современной русской поэзии, которая состоялась 23.4.1915 в одесском Литературно-артистическом клубе¹⁶⁴. Как сообщалось в развернутом анонимном газетном отчете о ней, выступавший, в частности, говорил о том, что для французских поэтов-символистов «слово всегда многозначный символ, «знак». Но это повело к туманности образов. Завершение симв<олистской> теории дал Малларме. Высшая точка его творчества – “магия слова”»¹⁶⁵. Вполне закономерно появление имени одного из основоположников символизма устойчиво прослеживается в рассматриваемой перспективе, в том числе и в проекции на современную О.М. филологическую традицию; так, например, в повестке Общества поэтов 20.12.1914 года значилось: «Доклад Б.В. Томашевского о последней поэме Малларме»¹⁶⁶. А уже в первой половине 1950-х годов Маковский в своих воспоминаниях включил О.М. в число самых заметных «продолжателей» предшественника русских поэтов, утверждая, что символизм как школа начался во Франции «со Стефана Малларме, углублявшего, насыщавшего скрытым содержанием стихи до того, что сплошь да рядом приходится их разгадывать, как ребусы. <...> В русской “новой” поэзии последователями этого словесного герметизма сделались символисты: Блок, Анненский, Вячеслав Иванов. В этом смысле и Осип Мандельштам – символист прирожденный, хотя и не в том мистическом и даже эзотерическом духе, какой придавали этому понятию Андрей Белый и, отчасти, Блок»¹⁶⁷. А вот ситуация с содержащимся в упомянутом абзаце

¹⁶³ Цит. по: Рецензии на «Камень» // *Мандельштам О. Камень* / Изд. подгот. Л.Я. Гинзбург, А.Г. Мец, С.В. Василенко, Ю.Л. Фрейдин. – Л.: Наука, 1990. С. 223. Данная публикация послужила источником и для автора рассматриваемой статьи; во всяком случае, во второй ее «редакции» она названа прямо и, в отличие от первой, с указанием цитируемой страницы; см.: Линкова Я.С. Малларме С. С. 94.

¹⁶⁴ Несколько подробнее об этом событии и его «коннотациях» с художественной практикой О.М. см. в уже упоминавшейся работе комментатора: Габриэль Гершенкройн. Штрихи к портрету. Часть I. С. 221–224.

¹⁶⁵ <Без подписи>. «Четверг» в литературно-артистическом клубе // *Одесские новости*. 1915. 25 апр. № 9688. С. 3; цит. по: *Акмеизм в критике: 1913–1917* / Сост. О.А. Лекманов, А.А. Чабан. – СПб.: Издательство Тимофея Маркова, 2014. С. 410.

¹⁶⁶ *Тименчик Р.* Комментарии // *Пяст Вл.* Встречи / Сост., вступ. ст., научн. подгот. текста, коммент. Р. Тименчика. – М.: Новое литературное обозрение, 1997. С. 346; ср.: *Летопись жизни и творчества О.Э. Мандельштама*. С. 71.

¹⁶⁷ *Маковский С.* Осип Мандельштам // *Маковский С.* Портреты современников. – Нью-Йорк: Издательство имени Чехова, 1955. С. 383. – Соответственно, имя французского поэта нередко использовалось в качестве своего рода «термина сравнения» с высокой степенью положительной оценочности, – так, например, в мемуарах Надежды Павлович фигурирует Гумилев, «считающий поэзию как бы государством в государстве, а себя ее законодателем, русским Малларме» (*Павлович Н.* Воспоминания // *Осип Мандельштам и его время* / Сост. В. Крейд и Е. Нечепорук. – М.: L'Age

рассматриваемой статьи утверждением о том, что «Б.М. Эйхенбаум решительно указывал на близость символизма О.М. символизму Малларме и Анненского» (с. 322, стб. 1), складывается сложнее. В самом тексте прямой ссылки на источник этого утверждения нет ни в одной из трех «редакций», а в список литературы включено почти легендарное уже издание: *Эйхенбаум Б. Анна Ахматова: Опыт анализа.* – Пб.: Типография им. Ивана Федорова, 1923 (правда, место выхода книги в свет во всех трех случаях обозначено как «СПб.»), – однако приведенное высказывание в книге отсутствует. И здесь уже речь не может идти о редакторском вмешательстве, поскольку подобного рода ситуация могла возникнуть только при участии самого автора¹⁶⁸.

Статья «**Мандельштам Н.Я.**» (Ю.Л. Фрейдин) несомненно относится к числу важнейших и в таком качестве сопоставима только с материалами об Ахматовой и Гумилеве, уступая им, разумеется, в «метапоэтическом» аспекте, но безусловно превосходя в личностно-биографическом. Однако, как можно судить по целому ряду признаков, предложенный читателям текст представляет собой редакцию более чем десятилетней давности¹⁶⁹. Данное обстоятельство накладывает неизгладимый отпечаток на его библиографическую составляющую, потери в которой в силу ее актуальности являются едва ли не самым катастрофическим в этом отношении случаем для всего комментируемого издания. Список литературы, сопровождающий статью, совершенно очевидно обрывается на 2005 году (иноязычная часть – на 2002), а потому перечислять в настоящих заметках неназванные в ней публикации 2010-х годов не имеет абсолютно никакого смысла. Не вдаваясь в обсуждение причин происшедшего, поскольку это никак не относится к компетенции комментатора, стоит лишь отметить, что к разрушающему научный потенциал МЭ «библиографическому маятнику» прибавился еще и

d'Homme – Наш дом, 1995. С. 63). – К рецепции творчества основоположника французского символизма в русской литературной традиции начала XX века см. упоминаемое в приставной библиографии (правда, как это чаще всего бывает в рецензируемом издании, без указания конкретных страниц) монументальное исследование: *Дубровкин Р. Стефан Малларме и Россия.* – Bern: Peter Lang, 1998.

¹⁶⁸ Поставленные Я.С. Линковой хронологические границы выводят за пределы статьи некоторые связанные с биографией О.М. сведения, в том числе и периферийного характера. Например, в качестве одной из маргинальных ремарок может рассматриваться состоявшаяся на праздновании юбилея Волошина «встреча» О.М. и Малларме в числе «поэтов всех стран, веков и народов» (*Купченко В. Странствие Максимилиана Волошина: Документальное повествование.* – СПб: Logos, 1996. С. 397). Попытку восстановить некоторые из таких лагун комментатор рассчитывает предпринять в дальнейшем.

¹⁶⁹ Более того, можно говорить о том, что он просто автоматически воспроизводит публикацию: *Фрейдин Ю.Л. Мандельштам (Хазина) Н.Я. // Мандельштам, его предшественники и современники: Сборник материалов к Мандельштамовской энциклопедии.* – М.: РГГУ, 2007.

заставляющий вспомнить об Эдгаре По «библиографический колодец»...¹⁷⁰ И не подчеркнуть здесь едва ли ни преступную роль издателей было бы просто нечестно: именно при их прямом попустительстве в статье остались неназванными многочисленные материалы, введенные в читательский и исследовательский оборот в 2014 году к отмечаемому 115-летию со дня рождения Н.Я. Мандельштам и в 2016 году – к 125-летнему юбилею со дня рождения О.М., что прежде всего, конечно, относится к «академическому» изданию всех известных произведений вдовы поэта: *Мандельштам Н. Собрание сочинений: В 2 томах / Сост. С.В. Василенко, П.М. Нерлер, Ю.Л. Фрейдин, подгот. текста С.В. Василенко при участии П.М. Нерлера и Ю.Л. Фрейдина, коммент. С.В. Василенко и П.М. Нерлера. – Екатеринбург: ГОНЗО, 2014.* По той же причине в статье остались неучтенными или неиспользованными ее опубликованная в этот период переписка с Л.Я. Гинзбург, Э.Г. Герштейн и А.А. Любичевым¹⁷¹, впервые ставшие известными и увидевшие свет ее рисунки¹⁷², «блок материалов, посвященных научной деятельности Н.Я. Мандельштам и защищенной ею в 1956 году диссертации»¹⁷³, а также наверняка совершенно неожиданная для большинства читателей републикация ее собственных прозаических произведений (очерки «Куколки», «Хлопот полон рот» и

¹⁷⁰ Страшно сказать, что по мере погружение в содержательное пространство МЭ, число подобных «колодцев» продолжает катастрофически расти: например, список литературы в публикации «Ламарк Ж.Б.», как и в статье «Гиппиус Вл.Вас.», обрывается на той же роковой дате «2004».

¹⁷¹ В этот же ряд, соответственно, не попало и несостоявшееся обращение вдовы поэта к Е.Б. Пастернаку; см.: *Кацис Л.Ф.* Из комментариев к недописанному письму Н.Я. Мандельштам Е.Б. Пастернаку 1960 г. // *Литературная жизнь: Статьи. Публикации. Мемуары: Памяти А.Ю. Галушкина. – М.: ИМЛИ, 2016.* Но вот объяснить, по какой причине в подготовленных Ю.Л. Фрейдиным материалах не оказалась упомянута переписка Н.Я. Мандельштам с Б.С. Кузиным, не представляется возможным. (Впрочем, в статье практически полностью отсутствуют хотя бы какие-то сведения о взаимоотношениях вдовы поэта с его современниками.) Столь же неясными остаются мотивы исключения из списка литературы публикации, которую ввиду ее особой актуальности один из реальных участников редакционной коллегии предлагал включить в список принятых в МЭ сокращений: «Любил, но изредка чуть-чуть изменял»: *Заметки Н.Я. Мандельштам на полях американского «Собрания сочинений» Мандельштама / Подгот. текста и публ. Т.М. Левиной, примеч. Т.М. Левиной и А.Т. Никитаева // Philologica. 1997. № 4.*

¹⁷² Речь идет о двух публикациях А.В. Наумова: Н.Я. Мандельштам на черновиках «Египетской марки»: новонайденный портрет Осипа Мандельштама // *Осип Мандельштам и XXI век: материалы международного симпозиума. Москва. 1–3 ноября 2016 г. – М.: АРМПОЛИГРАФ, 2016;* Н.Я. Мандельштам рисует Осипа Мандельштама // *Мандельштамовские чтения: Материалы Международных мандельштамовских чтений (7–9 ноября 2016 г.). Воронеж: Кварта, 2017* (опыт краткого комментария к ним содержится в публикации автора этих строк: *Книга в художественном мировоззрении Мандельштама. III // Toronto Slavic Quarterly. 2017. № 59. С. 19–22*). Несмотря на тематическую разнонаправленность, теперь эти материалы дополнила бы впервые, кажется, репродуцированная графическая (?) работа Н.Я. Мандельштам «Пейзаж» (Киев. 1919); см.: «Я скажу тебе с последней прямой». К 125-летию со дня рождения Осипа Мандельштама: Альбом-каталог. С. 198–199.

¹⁷³ *Нерлер П., Зубарев Д., Найдич Л.* Вокруг кандидатской диссертации Н.Я. Мандельштам // *Новое литературное обозрение. 2014. № 4 (128). С. 158.*

«Птичий профессор»), впервые вышедшие из печати в 1961 году в альманахе «Тарусские страницы» под псевдонимом «Н. Яковлева»¹⁷⁴. В силу существования столь значительного интервала между временем написания статьи и моментом поступления ее печать в библиографию не вошел и «революционный» сборник материалов «Посмотрим, кто кого переупрямит...»: Надежда Яковлевна Мандельштам в письмах, воспоминаниях, свидетельствах (Сост. П.М. Нерлер. – М.: АСТ, 2015), переоценить значение которого для читательской и профессиональной аудитории невозможно¹⁷⁵. Бесспорную ценность для исследователей представляют найденные в архиве и впервые публикуемые материалы о ближайших родственниках спутницы жизни поэта: *Сальман М.* К родословной Н. Я. Мандельштам: По материалам Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга // Вопросы литературы. 2013. № 6. Впрочем, не попали в список литературы и некоторые безусловно требующие быть названными публикации, предшествовавшие все тому же хронологическому порогу, прежде всего – статьи Д.М. Сегала ««Смирная, одетая убого, но видом величавая жена»: русские вдовы в двадцатом веке» (*Jews and Slavs*. 2004. Vol. 14; вошло в состав издания: *Сегал Д.М.* Литература как охранная грамота. – М.: Водолей Publishers, 2006. С. 800–814) и Е.А. Тоддеса «Несколько слов в связи с комментариями Н.Я. Мандельштам (in medias res)» (Шиповник: Историко-филологический сборник к 60-летию Романа Давидовича Тименчика. – М.: Водолей Publishers, 2005). К этому же времени относится и первая, по сути, попытка собственно научного освоения мемуарной прозы Н.Я. Мандельштам в сочетании с ее биографией; см.: *Гриффитс Ф.Т., Рабинович С.Дж.* Третий Рим: Классический эпос и русский роман (от Гоголя до Пастернака) / Пер с англ. Е.Г. Рабинович. – СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2005. С. 323–333¹⁷⁶.

¹⁷⁴ См.: *Нерлер П.* Надежда Яковлевна и «Н. Яковлева» в Тарусе. Вокруг «Тарусских страниц» // Информпространство. 2014. № 186.

¹⁷⁵ Среди других объективно мотивированных, но оттого не менее досадных лакун – опыты и первых «трудов и дней» О.М. (Летопись жизни и творчества О.Э. Мандельштама / Сост. А.Г. Мец при участии С.В. Василенко и др. / 2-е изд., испр. и доп. – Toronto: Department of Slavic Languages and Literatures University of Toronto, 2016), и первой научной биографии поэта (*Лекманов О.* Осип Мандельштам: ворованный воздух. – М.: АСТ, 2015). Остался в статье незатронутым все активнее и разносторонне обсуждаемый в последние годы вопрос о степени достоверности мемуарных свидетельств вдовы поэта, особенно во «Второй книге», которая, как можно судить теперь по безгранично увеличившемуся за последнюю четверть века числу новых историко-литературных данных, совершенно откровенно ориентирована на формирование собственной мифологии вокруг личности, биографии и творчества О.М, а также многих его современников.

¹⁷⁶ Единственный аспект комментируемой статьи, на который все-таки хотелось бы обратить внимание, это перечень поэтических текстов, связанных с «самой Н.Я. Мандельштам, с касающимися ее деталями, эпизодами, пережитыми совместно» (С. 324, стб. 1). Не прибегая к какой-либо мотивации, к ним автор относит и стихотворение

Приложение 1

К творческой биографии Мандельштама: Лев Лунц

Лев Натанович Лунц (2.5.1901, Санкт-Петербург – 9.5.1924, Гамбург) – прозаик, драматург, киносценарист. Его биография по-своему уникальна даже для периода российской истории конца 1910-х – начала 1920-х годов с ее исключительной активизацией духовной, интеллектуальной, культурной и творческой составляющих. Закончив в 1918 году с золотой медалью Первую Санкт-Петербургскую гимназию, он поступил на историко-филологический факультет Петроградского университета, а спустя год, сдал экстерном экзамены за третий курс и был переведен на четвертый. Одновременно с этим он занимался в педагогическом институте по программе

«Европа» («С розовой пеной усталости у мягких губ...», май 1922), хотя представляется более вероятным, что его адресатом является Ольга Гильдебрандт. Несколько подробнее об этом идет речь в работе автора: «Тех европейнок нежных...»: Осип Мандельштам и Ольга Гильдебрандт // Вопросы литературы. 2018 (в печати). Там же предпринята попытка «переадресовать» той же современнице О.М. его традиционно связываемое с личностью Н.Я Мандельштам стихотворение «В Петербурге мы сойдемся снова...» (1920), в прокомментированной статье Ю.Л. Фрейдина не упоминающееся; ср.: *Goldberg S. Mandelstam, Blok, and the boundaries of mythopoetic symbolism*. – Columbus: The Ohio State University Press, 2013. P. 176–177. – Воспроизводимая далее репродукция – принадлежавший Н.Я. Мандельштам трехчастный складень с образом Спаса на престоле с предстоящими и двумя створками деисусного чина (Россия, 1700-е годы; дерево, металл, ткань; общий размер в распахнутом виде 18x39 см). Ранее он входил в собрание Шкловского и, в частности, экспонировался на выставках, организованных и проведенных Государственным литературным музеем 14.5–17.7.2016 в Гейдельберге и 9.9–6.11.2016 в Гранаде (URL: <http://www.litfund.ru/news/1184>; пользуясь случаем, комментатор выражает признательность Л.Ф. Кацису, из сообщения которого он узнал об этой публикации).

углубленного изучения иностранных языков и посещал занятия литературной студии при «Доме искусств» и студию художественного перевода при издательстве «Всемирная литература»¹⁷⁷. В 1923 году Лунц окончил этнолого-лингвистическое отделение факультета общественных наук Петроградского университета, после чего ему там было предложено заняться научной работой на кафедре романо-германской литературы. При этом, еще оставаясь студентом университета, в конце 1921 года он был принят на работу в Институт истории искусств в качестве научного сотрудника по разряду истории словесных искусств¹⁷⁸. В статусе литератора Лунц дебютировал в 1919 году; в 1921–1924 годах выступал как идеолог и один из самых активных участников литературного объединения «Серапионовы братья», вместе с В.А. Кавериным образуя его так называемое «западное крыло». Его знакомство с О.М., вероятнее всего, состоялось в конце 1920 года в Петрограде, когда они были соседями по «Дому искусств»; там же в это время могли происходить их эпизодические или регулярные встречи, в частности, связанные с организацией и проведением с самым деятельным участием Лунца так называемых «кинопоказов», основанных на традициях предшествующего «живого кино». Вряд ли О.М., проживавший в «Доме искусств» с ноября 1920 по январь 1921 года и постоянно бывавший там позднее, мог пропустить столь значительное событие, как эти «киносеансы»¹⁷⁹.

¹⁷⁷ Последний факт, не относящийся к числу широко известных, отмечен в издании: Литературная жизнь России 1920-х годов: События. Отзывы современников. Библиография. Т. 1. Ч. 1: Москва и Петроград. 1917–1920 гг. / Отв. ред. А.Ю. Галушкин. – М.: ИМЛИ, 2005. С. 418.

¹⁷⁸ См., напр.: *Кукушкина Т.А.* Лунц Л.Н. // Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги: био-библиографический словарь: В 3 т. Т. 2: З – О. – М.: ОЛМА-ПРЕСС Инвест, 2005. С. 483–484. К глубокому сожалению, статья об этом блестящем представителе литературной среды первой половины 1920-х годов отсутствует в энциклопедическом издании «Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь» (Т. 3: К – М. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1994). Единственным, кажется, кто отнес Лунца к числу достойных называться классиком, стал В. Казак; см. его монографические издания: Энциклопедический словарь русской литературы с 1917 года. – London: Overseas Publications Interchange Ltd, 1988. С. 452–454; Лексикон русской литературы XX века. – М.: Культура, 1996. С. 242.

¹⁷⁹ См., напр.: *Рождественский В.* Страницы жизни: Из литературных воспоминаний. – М.; Л.: Советский писатель, 1962. С. 205; *Чуковский Н.* Литературные воспоминания. – М.: Советский писатель, 1989. С. 67–68; *Шварц Е.* Живу беспокойно... Из дневников. – Л.: Советский писатель, 1990. С. 573 и мн.др. Одним из самых знаменитых «фильмов» в репертуаре этих «кинопоказов» стали «Фамильные бриллианты Всеволода Иванова» (см.: *Каверин В.* Счастье таланта: Воспоминания и встречи, портреты и размышления. – М.: Современник, 1989. С.40; в связи с фигурой О.М. ср.: *Ивич А.* <Бернштейн И.И.> <Воспоминания> // Осип и Надежда Мандельштамы в рассказах современников / Подгот. текстов, сост. и коммент. О.С. Фигурнова, М.В. Фигурнова. – М.: Наталис, 2002. С. 131), а сам «киносеанс», видимо, был настолько значимым компонентом в традиции мифотворчества «Дома искусств», что остался иносказательно зафиксирован и в исключительно беллетризованных «мемуарах» Ольги Форш при описании личности Лунца: «Юноша-фавн запомнился как перепроизводство энергии, как мальчишеское озорство в единоличном

Мандельштамовская оценка творчества Лунца неизвестна, но в полемической по своей тональности статье «Литературная Москва. Рождение фавулы» (1922), фактически посвященной «Серапионовым братьям», поэт не подвергал критике именно их «западное», «фавульное» крыло. В свою очередь, Лунц отозвался о поэзии О.М. в обзорной заметке «Цех поэтов», содержащей в подзаголовке указание на рецензируемые издания: «Альманахи Цеха поэтов № 1-ый и 2-ой; Георгий Иванов “Сады”; Н. Гумилев “Огненный столп”» (Книжный угол. 1922. № 8). В целом он более чем негативно оценивал художественные проявления возобновившегося поэтического направления, делая исключение лишь для двух участников, без которых представить его невозможно: «У всех поэтов “Цеха” неизменный признак болота <...>. Но в болоте есть два подлинных, настоящих поэта. Это вожди школы – Н. Гумилев и О. Мандельштам». Следующая затем характеристика мандельштамовской поэзии принимает свойственную стилистике Лунца откровенно парадоксальную, если не сказать эпатажную форму: «Я не люблю стихов Мандельштама. Не люблю этого логически-бессмысленного сочетания разнородных фраз, но я восхищаюсь этим сочетанием. Пусть стихи Мандельштама можно читать одинаково хорошо с середины, и с начала, и с конца, но поэт поистине открыл в русском стихе невиданные возможности. Мандельштам с замечательным искусством ворочает словесными сцеплениями, звуковыми массами, сбивает их и разбрасывает. Именно у Мандельштама, а не у футуристов настоящее торжество звука над смыслом. Здесь, а не у Андрея Белого настоящая музыка стиха, не в симфониях, не в грубых, бросающихся в глаза внутренних рифмах, а в этом, быть может, бессмысленном, но прекрасном сочетании звуков». Закономерен и вывод, завершающий статью: «Гумилев – большой поэт, Мандельштам – большой поэт. Но если бы они были еще в два раза значительней, им не искупить этим своей вины: они создали мертвую школу»¹⁸⁰. Акцентирование фонетического строя мандельштамовских текстов присутствует и в неопубликованной при жизни рецензии Лунца «Новые поэты» (1922), где он, по аналогии характеризуя творчество К.К. Вагинова, отмечал, что тот «идет за Мандельштамом. Он тоже отмечает логическое движение стиха, заменяя его фонетическим <...> Вагинов тоже пытается

кинофильме с излюбленным публикой номером – “Фамильные бриллианты пролетарского писателя Фомы Жанова”» (Фори О. Сумасшедший корабль. – М.: Современник, 1990. С. 28). – Несколько подробнее об этом историко-литературном эпизоде и его вполне возможном отражении в «периферийных» тестах О.М. о современном кинематографе см.: Шиндин С. Мандельштам и кинематограф // Toronto Slavic Quarterly. 2017. № 60. С. 21–22, 35–36.

¹⁸⁰ Лунц Л. Цех поэтов // Лунц Л. «Обезьяны идут!» Собрание произведений / Сост., подгот. текстов, коммент. Е. Лемминга. – СПб.: ИНАПРЕСС, 2003. С. 336–338.

управлять большими звуковыми массами, строить бессмысленное, но строгое фонетическое здание. – Для этого надо быть Мандельштамом»¹⁸¹.

Сочинения: Цех поэтов. Альманахи Цеха поэтов № 1-ый и 2-ой; Георгий Иванов «Сады»; Н. Гумилев «Огненный столп» // *Луңц Л.* «Обезьяны идут!»: Собрание произведений / Сост., подгот. текстов, коммент. Е. Лемминга. – СПб.: ИНАПРЕСС, 2003.

Литература: *Иванов Вяч.Вс.* Луңц и Мандельштам: фабула у серапионовых братьев // *Иванов Вяч.Вс.* Избранные труды по семиотике и истории культуры: В 2 т. Т.2: Статьи о русской литературе. – М.: Языки русской культуры, 2000.

Приложение 2

Указатель статей

- «Абраксас» – 1: 9-10; 3: 14-15
Аввакум Петров – 1: 17-19; 3: 15
Агранов Я.С. – 1: 20-21
Адамович Г.В. – 1: 22-26; 2: 2
Акмеизм – 1: 27
Аксенов И.А. – 1: 27-31; 3: 16-22
Алексеев-Гай А.Н. – 1: 31
Альтман Н.И. – 1: 31-32
Америка – 1: 39
Анаграмма – 1: 10-11
Андроникова С.Н. – 2: 2-4; 3: 23-26
«Аониды» – 1: 32
«Аполлон» – 1: 33-37
Арбенина О.Н. – 1: 37
Ариосто Л. – 1: 37
Аристотель – 1: 37-38
Армения – 1: 38
Ахматова А.А. – 3: 10

¹⁸¹ *Луңц Л.Н.* I. Посмертная литература о Блоке. II. Новые поэты / Публ. Т.А. Кукушкиной // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2000 год. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. С. 405.

Бабель И.Э. – 1: 42, 2: 5, 28
Бабин Б.В. – 1: 42-43
Багрицкий Э.Г. – 1: 43-45; 3: 26-34
Бартель М. – 2: 5
Бах И.С. – 1: 46-47
Батюшков К.Н. – 3:3
Бедье Ж. – 1: 47-48
Бердяев Н.А. – 2: 33-36
«Березиль» – 3: 5-6
Бернштейн С.И. – 2: 5-6
Бетховен Л. ван – 1: 48-50
Бродский И.А. – 1: 51-53
«Бродячая собака» – 2: 6-7
Бруни Л.А. – 1: 53-54
Бруни Н.А. – 2: 7-9
Булгаков С.Н. – 2: 9-10
Вагинов К.К. – 1: 55
Варейкис И.М. – 1: 55
«Весенний салон поэтов» – 1: 55-56
Верлен П. – 1: 56, 74-77
«Весенний салон поэтов» – 1: 55-56;
Владивосток – 2: 15-16
Владивостокский пересыльный лагерь – 2: 16
Волынский А.Л. – 3: 35-38
Воронеж – 2: 17-23; 3: 38
«Всемирная литература» – 1: 56, 77-81
«Всеукраинское фотокиноуправление» – 1: 56-57
Вступительная статья – 1: 16
Гастев А.К. – 1: 43; 2: 23-24
Германия – 1: 39
«Гермес» – 3: 39-41
Гиппиус Вл.Вас. – 3: 41-42
Генкин М.И. – 1: 61-62
Гершенкройн Г.О. – 1: 63

Глазунова Л.В. – 1: 62-63
Глауберман С.Б. – 1: 61
Глюк К. – 1: 63-66
«Гнозис» – 1: 57
Гоголь Н.В. – 2: 28
Годунов Борис – 1: 66-67
Голлербах Э.Ф. – 3: 3-4
Гомер – 2: 24-25; 3: 43
Горький М. – 2: 25-27
Готика – 1: 67-68
Гранада – 1: 58; 3: 43-45
Гусев К.М. – 1: 58-59
Гюго В. – 2: 30-31
Гюисманс Ш.М.Ж. – 2: 31
Данте А. – 3: 10
Делакруа Ф.В.Э. – 3: 4-5
«День поэзии» – 2: 32
Державин Г.Р. – 2: 32-33; 3: 45-46
Добычин Л.И. – 2: 32
Долинов М.А. – 1: 81-85
Древнерусская иконопись – 1: 68
Дукельский С.С. – 1: 68
Елозо С.В. – 3: 46-47
Жагоры – 2: 23
«Жизнь» – 3: 47-48
Заболоцкий Н.А. – 3: 48-49, 54
Замятин Е.И. – 3: 49-52
Зельманова А.М. – 3: 52-53
Зощенко М.М. – 3: 50
«Известия» – 3: 53-54
Ильф И. и Петров Е. – 3: 54-55
«ИМКА-пресс» – 3: 58-59
Импрессионизм – 1: 56; 3: 59-60
Имяславцы – 3: 60-61

Каммерер П. – 1: 12-13; 3: 54
Кант И. – 2, 36-39; 3: 7-10
Кара-Дарвиш – 3: 61
Карташев А.В. – 2: 14-15
Кинематограф – 3: 61
Кишилов Н.Б. – 1: 60–61
Клюев Н.А. – 2: 28
Костарев Н.К. – 1: 21-22
Кузьмина-Караваева Е.Ю. – 1: 11-12; 3: 4
Кульбин Н.И. – 3: 61-65
Курбас Л. – 3: 6
Ландсберг Л.Э. – 3: 2
Лапин Б.М. – 3: 15,
Левин Ю.И. – 3: 13
Луговской В.А. – 2: 29-30
Лунц Л.Н. – 3, 65
Маковский С.К. – 3: 65
Малларме С. – 3: 66-70
Мандельштам Н.Я. – 3: 70-73
Мандельштамоведение – 1: 56
Метафора – 2: 29, 3: 10
Милашевский В.А. – 1: 12
Наполеон I – 2: 29
Петрарка Ф. – 3: 10
Петров С.В. – 1: 59
Покровский В.А. – 2: 19; 3: 38
Рига – 2: 23, 39-42
Розентадъ Ю.М. – 1: 13
Терапиано Ю.Н. – 3: 40
Тютчев Ф.И. – 3: 3
Фет А.А. – 3: 7
Философские взгляды – 2: 14
Французская живопись конца 19 – начала 20 в. – 1: 56
Чердынь – 1: 40

Энциклопедии и словари литературные – 1: 2

Энциклопедии персональные – 1: 2

Эпистолярная – 3: 3

Ялта – 1: 40

«Russian Literature» – 1: 56